

Алексей Хапров

ПЕТЛЯ «АНАКОНДЫ»

Алексей Хапров

ПЕТЛЯ "АНАКОНДЫ"

«Автор»

2026

Хапров А.

ПЕТЛЯ "АНАКОНДЫ" / А. Хапров — «Автор», 2026

В результате крупной техногенной катастрофы происходит ослабление тёплого морского течения Гольфстрим. Европу и большую часть Северной Америки ожидает оледенение. На планете останется совсем немного мест, где сохранятся благоприятные условия для жизни. И одно из них — Сибирь. Спецслужбами США разрабатывается секретный план по захвату России. Операция получает название «Анаконда»

© Хапров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава первая	26
Глава вторая	41
Глава третья	63
Глава четвертая	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

ПЕТЛЯ "АНАКОНДЫ"

Основано на нереальных событиях

Пролог

1

Мексиканский залив

Вице-президент компании «Northern Lights Corporation» Лоран Алтидор – молодое, костлявое и нескладное существо с самоуверенным, если не сказать наглым, выражением лица (а как вы хотели? сын владельца компании!) – взгляделся в иллюминатор, за которым ершилась под дуновением ветра лазурная океанская гладь, и, кивая куда-то вдаль, благоговейно произнёс:

- Вон она, наша красавица. Подлетаем.

Его попутчик прильнул к стеклу. Это был Майкл Симэн, его коллега по «амплуа», вице-президент компании «Blue Horizon», с виду добродушный и озорной малый. Но в действительности он не был ни добродушным, ни озорным. При более внимательном рассмотрении, это обманчивое впечатление уничтожалось жестоким выражением его глаз.

Они летели, как им казалось, к своему триумфу. Ведь иначе как триумфом ожидаемое сегодня событие не назовёшь. Финал фантастического проекта!

Освещавшие этот проект средства массовой информации сравнивали его, ни много ни мало, а с высадкой человека на Луну! Таким вот он представлялся значимым.

Плавучая буровая платформа «Polar Star», принадлежавшая компании-подрядчику «Blue Horizon», завершала сегодня бурение глубоководной скважины, уходившей на пять километров под океанское дно. Заказчиком этих работ выступал нефтяной гигант «Northern Lights Corporation», с молодым вице-президентом которого вы только что познакомились. Пробуренную скважину предстояло запечатать, подвезти всё необходимое эксплуатационное оборудование, и месяца через три отсюда должна была хлынуть сулящая многомиллиардные прибыли нефть.

- Только бы наш Римандо опять не испортил весь праздник, - озобоченно вздохнул Алтидор.

Симэн угукнул, - он понимал, о чём идёт речь, - и, покачивая головой, выразительно воздел глаза к небу.

Эксперт по безопасности «Northern Lights Corporation» Пол Римандо уже давно был у них притчей во языцех. Он им откровенно надоел. Ни один проект не обходился без его шкрабающего по нервам занудства: то это не так, то то не эдак! Алтидор полгода назад даже ходатайствовал перед своим отцом об его увольнении, но президент компании «Northern Lights Corporation» согласия на это не дал. Римандо был хорошим специалистом в своей области и, что самое главное, пользовался большим авторитетом в Minerals Managements Servise, что облегчало решение многих, встававших перед фирмой, вопросов по взаимоотношению с властями. Уже только из-за одного этого его следовало терпеть.

(СПРАВКА: Minerals Managements Servise (MMS) – американская надзорная инстанция, служба эксплуатации месторождений Министерства недр США)

Опасения Алтидора оказались не напрасны. Едва колёса вертолёт коснулись посадочной площадки буровой платформы, как к трапу метнулся хилый, невысокого роста старичок с бородой святого пророка и весьма гармонировавшей с ней солидной проплешиной, производившей при взгляде сверху впечатление нимба.

- Господин Алтидор, я требую немедленно прекратить все работы! Может произойти катастрофа!

Симэн, сжав губы, покосился на своего коллегу из «Blue Horizon». А тот вперился в эксперта по безопасности с такой обнажённой иронией, что это выглядело почти смешным. Встречавший прилетевших гостей Тони Финли - главный инженер платформы – не удержался и прыснул.

- Что опять случилось, господин Римандо? – тяжело вздохнув, сквозь зубы, точно чревовещатель, процедил Алтидор.

Он по-хозяйски засунул руки в карманы брюк, отвёл глаза в сторону и снисходительно выслушал следующее:

Первое. Закрепление последней секции скважины было произведено неправильно. Вниз спустили однорядную колонну обсадных труб с шестью центраторами. А шести центраторов недостаточно, нужен как минимум двадцать один. Давление на глубине пяти тысяч метров слишком велико, и при шести центраторах высока вероятность прорыва газа.

Второе. Необходимо добавить надстройку хвостовика – вторую обсадную трубу. Это существенно снизит риск протечки, ибо обеспечит двойной барьер для газа.

И третье. В настоящий момент не действует один из имеющихся пультов управления противовыбросного превентера. Скорее всего, разрядился аккумулятор. И по правилам MMS, все дальнейшие операции в таких случаях следует немедленно прекратить.

Римандо умолк. Не понявшие практически ничего из его речи Алтидор и Симэн снова переглянулись и скривили губы в некоем гибриде саркастической гримасы и циничной ухмылки.

- Пол, когда вы, наконец, перестанете верить в фантазии собственного изготовления? – укоризненно произнёс Алтидор.

- Это не фантазии! – яростно возразил Римандо. – Это реальная опасность!

Симэн вопросительно посмотрел на стоявшего рядом Финли.

- Вариант с использованием однорядной колонны согласован с MMS, - развёл руками тот. – Мы с ними связывались – они дали на это разрешение. А вариант с надстройкой хвостовика уж слишком дорогой. Мы подсчитали, он обойдётся нам на восемь миллионов дороже.

- Есть разница, потратить восемь миллионов для безопасности или потерять абсолютно всё?! – в сердцах вскричал Римандо.

- Ну-ну, господин эксперт, это вы уж слишком, - состроил улыбку Симэн; это была граничащая с издёвкой насмешка. – Вы же слышали, вопрос с MMS согласован. А там наверняка сидят не дураки. И перестаньте вы пугать нас каким-то пультом управления. Один неисправен, но остальные-то работают. Уровень безопасности у нас достаточно высок.

Дав понять, что разговор закончен, вице-президенты задействованных в проекте компаний в сопровождении главного инженера платформы направились в управленческий отсек.

- Ваша безалаберность до добра не доведёт! – яростно бросил им вслед Римандо, но его крик заглушил дувший навстречу ветер.

А день тем временем разгорался. Солнце поднималось всё выше и выше. По поверхности океана гулял знойный муссон. Волны то таяли, как снег, то снова вздымались из глубины. По воде пробегали блестящие, ослепительные полосы.

Эксперт по безопасности не оставил своих попыток, и на состоявшейся через полчаса планёрке снова поднял уже озвученный им вопрос. Но молодое амбициозное руководство опять не восприняло его доводы. Алтидор – тот вообще перешёл на крик:

- Вы знаете, сколько наша компания платит за аренду этой платформы? - обрушился на Римандо он. – Полмиллиона долларов в день! А это, согласитесь, не хило! Поэтому в наших интересах закончить работы как можно быстрее!

Обессиленный бесплодными спорами Римандо обречённо махнул рукой:

- Делайте, что хотите...

За финальным этапом проекта он предпочёл наблюдать со стороны. Сидел себе тихонько у ограды, оперевшись спиной о свёрнутый кольцом пожарный рукав, и ни во что не вмешивался. В его глазах тлели равнодушие и усталость.

Работы по запечатыванию пробуренной скважины стартовали ровно в 16.00. Всё началось с закачивания свежего цементного раствора с параллельным поднятием со дна уже использованного.

По плану работ на эту процедуру отводилось 12 часов. Именно столько времени требовалось, чтобы полностью удалить из раствора пузырьки газа и ослабляющие цементный слой остатки пород. Но мало что смысливший в технологии Алтидор приказал работать быстрее и уложиться в час!

После закачки раствора настал черёд опрессовок. Они были проведены под повышенным давлением – проверялось, хорошо ли держит цементная заливка. Сделали три опрессовки, – держит, вроде бы, хорошо, - после чего Алтидор нашёл новую статью экономии – отослал обратно прибывших на платформу специалистов акустической дефектоскопии: «Сколько на неё потребуется времени? Двенадцать часов?! Ну уж нет, обойдёмся как-нибудь без неё».

Это его решение стало роковым.

В 23.37 метан под высоким давлением прорвался через превентор и по стояку достиг платформы. На верхушке вышки взвился стометровый гейзер. Вниз посыпалась «дымящаяся» от испаряющегося газа каша, похожая на снег. Аварийная система, предназначенная для отключения двигателей, не сработала.

Моментально разобравшийся в происходящем Римандо вскочил с места и со всех ног бросился к рабочим:

- Бегите отсюда! Спасайтесь! Быстро!..

Но вспыхнувшая перед ним электрическая дуга отбросила его, точно тряпичную куклу.

Впрочем, рабочие уже и сами всё поняли. Преодолевший непрочную защиту метан превратил платформу в гигантский, пока ещё незажжённый факел, который мог вспыхнуть в любой момент. Все бросились к спасательным шлюпкам. Таковых на платформе оказалось всего две – явно недостаточно для эвакуации персонала. Вспыхнула ожесточённая борьба за места. Началась безудержная паника.

Тем временем продолжавший подниматься со дна газ проник в дизеля. Последовала цепь взрывов. Платформа затряслась и злобно загудела. Охватывавшую её со всех сторон чернильную тьму растворило взметнувшееся вверх ослепительно-красное пламя. Запах гари разъедал лёгкие. Небо задёргалось в багровых судорогах отсвета стремительно набирающего силу пожара.

Это был пылающий ад!..

О произошедшей в акватории Мексиканского залива катастрофе сообщили все средства массовой информации. Так, одна из крупнейших американских газет «The New York Times» поместила на первой полосе статью с лаконичным, но предельно отражающим суть случившегося, заголовком: «КАТАСТРОФА».

«Накануне, примерно в 100 километрах от Восточного побережья США, произошла крупная авария на передвижной буровой платформе «Polar Star». В результате взрыва газа на платформе вспыхнул пожар, который продолжался более 40 часов. Погибло 78 человек. Ещё

50 получили тяжёлые ранения и увечья. В открытое море вылились сотни тысяч тонн сырой нефти.

Для ликвидации последствий аварии были подняты буксиры, баржи, спасательные катера, подводные лодки компании «Northern Lights Corporation». Им помогали суда, самолёты и военно-морская техника ВМФ и ВВС США.

В общей сложности в аварийных работах было задействовано порядка 7000 человек.

Для ограничения площади нефтяного пятна распылялись диспергенты (активные вещества, используемые для осаждения нефтяных пятен), были установлены боковые заграждения, локализирующие зону разлива, применялся механический сбор нефти, как с помощью специальных судов, так и ручным способом. Кроме того, проводилось контролируемое выжигание нефтяных пятен.

Как сообщил вице-президент компании «Northern Lights Corporation» Лоран Алтидор, в результате предварительного внутреннего расследования было установлено, что причиной аварии на буровой платформе стали грубейшие ошибки, допущенные экспертом по безопасности компании Полом Римандо. Он не придал значения имеющимся на платформе неисправностям и не обеспечил необходимый уровень безопасности буровых работ. Но привлечь к ответственности виновника трагедии не удастся. Пол Римандо погиб - сгорел во вспыхнувшем на платформе пожаре.

Господин Алтидор также заверил, что компания «Northern Lights Corporation» устранит все последствия аварии в самый кратчайший срок, и что большого вреда экологии залива нанесено не будет...»

А спустя два месяца, появился подготовленный изучавшими последствия аварии экспертами доклад, который сразу же получил статус «Совершенно секретно»:

«В результате распыления над загрязнёнными водами специальных химикатов, - говорилось в нём, - разлившаяся на поверхности Мексиканского залива нефть опустилась на дно, создав при этом препятствия течению Гольфстрим, которое разбилось на множество мелких потоков.

По последним данным, сейчас течение переносит на треть меньше тепла, чем переносило до аварии, и продолжает постепенно слабеть. В результате ослабления Гольфстрима холодный воздух Арктики начнёт заходить в Европу и на Восточное побережье США и Канады всё глубже и глубже. На вышеуказанные территории придут катастрофические морозы (от -40°C), и примерно через сорок - пятьдесят лет эти территории окажутся во льдах. Всё это неминуемо приведёт к социальным и экономическим потрясениям...»

(СПРАВКА: Течение Гольфстрим – главная «печка» Северного полушария Земли. Оно забирает тёплую воду от Экватора и несёт её по поверхности Атлантического океана на Север. По дороге тёплая вода обогревает воздух, который западными ветрами переносится в Европу, а также на Восточное побережье США и Канады, обеспечивая тем самым благоприятный климат на означенных материках)

2

Карибское море, остров Мидл-Кайкос

Этот скрытый в амфитеатре окружённых густым тропическим лесом гор особняк поражал своим величием. Взгляду, привыкшему к современной безликой заурядности, он показался бы шедевром. Знатоки архитектуры раззявили бы от изумления рот: ничего похожего ни на один из известных ныне стилей! Где пропорции? Где чёткость граней? Форма здания напоминала слепленный впопыхах земляной ком, который вот-вот должны были швыр-

нуть. Но богатство отделки придавало ему такое горделивое величие, что первоначальное впечатление о банальной безвкусице быстро менялось на восхищение проникшим в архитектуру сюрреализмом.

В просторной, отделанной красным деревом гостиной особняка сидели трое. Двое изучали какую-то бумагу, третий, хозяин, задумчиво смотрел в окно.

Пока они поглощены своими мыслями, есть возможность представить этих персонажей. Они появятся в моём повествовании всего один раз, сейчас, но тон всем описанным в нём событиям зададут именно они.

Итак, знакомьтесь: Якоб Белтран - владелец не только вышеупомянутого особняка, но и всего острова, и Джеймс Вондолóвски с Натаном Дефó – его гости. Трое седовласых, пожилых джентльменов, своим видом чем-то напоминающих врачей со старинных фламандских полотен. Самые могущественные люди на Земле. Главы самых влиятельных семейств, прямо или косвенно контролирующих порядка двух третей мировой экономики.

- Глобальная техногенная катастрофа? – нарушил стоявшую тишину Дефо.

Белтран отвёл глаза от окна.

- Да, - подтвердил он. – Я согласен, эти слова звучат слишком дико, чтобы осознать их значение сразу. Но дела, господа, к величайшему прискорбию, обстоят именно так. После этой чёртовой аварии в Мексиканском заливе речь идёт уже не просто о предстоящем глобальном изменении климата, а о нашем выживании. Да-да, ни много ни мало. Привычному нам миру, - миру, каким мы его сейчас знаем, - приходит конец. Через пятьдесят лет бо́льшую часть Европы и Восточное побережье Северной Америки скуют вечные льды. Нас ждут жестокие войны, голод и холод.

- А вы уверены, что можно доверять этому докладу? – пытливо поинтересовался Вондоловски. – Из чего исходят его авторы в своих столь неутешительных прогнозах?

- В первую очередь, из анализа полученной информации, - пояснил Белтран. - Эру наступающего оледенения приближает и глобальное потепление климата, которое окончательно убьёт Гольфстрим. Ледники, как вам известно, тают. И в том числе самый мощный из них – Гренландский щит. Пресная вода, уходящая с Гренландских ледников, притапливает и уводит на глубину тёплые воды Гольфстрима, ибо пресная вода значительно легче солёной. Гольфстрим, таким образом, изменит свою конфигурацию и замкнётся кольцом между Африкой и Южной Америкой. Европейский континент замёрзнет. Северные берега США и Канады смоем в море, поскольку из-за повышения температуры они перестанут быть твёрдыми. Полностью уйдут под воду такие государства, как Дания и Нидерланды. Аналогичная участь постигнет Северную часть Германии. Будут полностью затоплены такие мегаполисы, как Сингапур, Нью-Йорк, Шанхай. Если гренландские льды растают полностью, и уровень мирового океана поднимется на восемь метров, последствия будут ещё ужаснее: исчезнут с лица земли Лондон, Венеция, штат Флорида и всё атлантическое побережье США. Под водой окажутся Буэнос-Айрес, Уругвай, большая часть Парагвая. От островных государств типа Мальдив не останется и следа. Поэтому нам и нужно как можно скорее заняться переселением. Давайте своевременно позаботимся о нашей с вами стране. В ближайшие сорок лет Америке нужно освоить новые жизненные пространства. Пространства, которые не затронет грядущее оледенение. Такие пространства есть, и в первую очередь это Сибирь. Обширная территория, богатая полезными ископаемыми, с благоприятным в недалёком будущем климатом. Сибирь должна стать центром новой жизни. По всем раскладам, Сибирь – это самый благоприятный для переселения вариант.

- Да, но нужно сперва убрать оттуда русских, - возразил Дефо. Он сидел, опершись локтями о колени, и, сложив вместе кончики пальцев, прижимал эту похожую на палатку фигуру к своему подбородку.

- Нужно, - согласился Бертран. – Я полагаю, вы хотите полюбопытствовать, как это можно сделать?

Дефо слегка кивнул головой.

- Именно. История уже знает несколько попыток завоевать Россию, но все они с треском провалились. Россия – это огромное государство. Россия – это умеющий постоять за себя народ.

- Уж не хотите ли вы, старина Якоб, опять начать против России войну? – вяло удивился Вондаловски. Он поднёс к губам аляповатую чашку, наполненную чаем, и сделал оттуда глоток. – Идти войной на население в сто пятьдесят миллионов человек? Это же настоящее самоубийство!

- Ну что вы, старина Джеймс, - дружелюбно улыбнулся Бертран. – Я отнюдь не собираюсь повторять ошибки наших с вами предков. Да, я действительно предлагаю начать против России войну. Но войну совсем другого рода - войну скрытую. Суть её заключается в воздействии на Россию не извне, а изнутри. Я тут набросал один документ...

Бертран взял в руки лежавшую перед ним на журнальном столике папку.

- План «Анаконда»? – прищурившись, прочёл начертанное на ней Дефо.

- Именно так. Это план операции по установлению Соединёнными Штатами Америки полного и всеобъемлющего контроля над Россией.

- А почему такое название? – поинтересовался Вондаловски. – Оно со смыслом или взято просто так, с потолка?

- Не просто так и не с потолка, - помотал головой Бертран. – Суть моего плана очень напоминает методы охоты этой весьма разумной рептилии – она лишает намеченную жертву жизненного пространства. Мы должны заблокировать Россию, чтобы она постепенно истощилась. Мы должны полностью перекрыть ей кислород. Мы должны ограничить её влияние до минимума. Мы настроим против неё всех её соседей. Мы вобъём национальные перегородки в умы людей. Мы обложим её со всех сторон нашими военными базами: Скандинавия, Прибалтика, Польша, Казахстан, Грузия, Украина. Нужно сделать так, чтобы Россия осталась одна. Мы разрушим её экономику санкциями, мы перекроем ей доступ к мировым рынкам. Мы сделаем так, чтобы она смогла продавать только нужное нам сырьё: цветные металлы, нефть, газ. И по ценам, которые мы сами же для неё и установим. Мы должны получить возможность влиять на российскую элиту. И в первую очередь – на высокопоставленных чиновников. Для этого мы поможем им наладить в нашей стране их бизнес. Тем самым мы подвесим их на крючок. Они должны быть пойманы в ловушку паутины долгов, которая гарантирует их последующую лояльность.

- Помочь им никогда не выбраться из кабалы? – криво усмехнулся Дефо.

- Именно, - вскинул указательный палец Бертран и продолжил перелистывать страницы своего плана. - Теперь о том, что должно происходить внутри страны. Особое внимание следует уделить моральному облику российских чиновников. Нужно сделать так, чтобы русские возненавидели свою власть. У власти в России должны находиться одиозные персоны, как можно больше воров и взяточников. И мы должны этому всячески способствовать. Коррупция должна стать в России нормой. Причём, абсолютно во всех сферах. Порядочных, радеющих за свою страну людей из властных структур следует безжалостно выживать. Нам следует приложить все силы, чтобы изменить химический состав атмосферы, в котором живёт российское общество, - здесь я говорю образно, - чтобы его морально разложить. Мы должны вести постоянную пропаганду, нацеленную на разобщение её национальных и социальных групп. Мы должны сделать так, чтобы русские утратили свои традиции, нравственные ценности, а главное - идеалы. Гибель народа начинается с утраты идеала. Даже самый прекрасный идеал будет отвергнут, если он обгажен и извращён. Мы должны сделать так, чтобы в умах проживающих в России людей главенствовал один-единственный культ – культ секса и денег. Мы должны сделать так,

чтобы свою страну они считали вонючей клоакой. Мы должны полностью вытравить из них патриотизм. Народ, в котором царят духовное обнищание, идейная опустошённость и растление нравов, окажется не в силах защитить себя в нужный момент. Вот это и есть наша цель. Мы устроим у них новую революцию. Они разрушат себя своими же собственными руками. У них воцарится такой хаос, что они будут согласны на любую власть. Абсолютно любую, которая создаст хотя бы подобие порядка и нормальной жизни. Вот такую власть мы им и подкинем. Это будет полностью подконтрольная нам власть. Власть, которая будет двигаться в начертанном нами фарватере. А фарватер следующий - России, как единому государству, должен прийти конец. Так же, как некогда пришёл конец и Советскому Союзу. Россия должна распаться на множество мелких государств. Как по национальному: Башкирия, Татарстан, Чечня, - так и по территориальному признаку: Сибирская Республика, Дальневосточная Республика, Республика Поволжье, и прочее в том же духе. После этого мы без всяких проблем сможем выдернуть у неё «ядерный зуб». А без «ядерного зуба» Россия не опасна. И подмять под себя нужные нам территории станет лишь делом техники.

Бертран умолк и поочерёдно оглядел своих гостей. Те сидели, откинувшись на спинки кресел, и пребывали в глубокой задумчивости.

- У русских есть одна национальная черта, - наконец промолвил Дефо, - черта, которая нам на руку. Она называется раздолбайство, извините за грубость. Будь все их природные ресурсы, например, у немцев, мы имели бы сейчас такую супердержаву, которая держала бы всех в кулаке.

- Но русские ведь победили немцев, - заметил Вондаловски. - Германский план «Ост» потерпел полный крах.

- Это лишний раз подчёркивает их раздолбайство, - парировал Дефо. - С внешним врагом они сильны, а вот внутреннего зачастую не замечают. Забор крепок, а дома бардак, - он тряхнул головой. - Мы поддерживаем ваш план, старина Якоб. Думаю, у нас с вами всё получится.

3

«Центральное разведывательное управление США
КОНЦЕПЦИЯ ОПЕРАЦИИ «АНАКОНДА»
Совершенно секретно

Цель операции – уничтожение России как основного геополитического противника путём её расчленения на 15-20 мелких самостоятельных государств по национальному и территориальному признакам, захват всех ресурсных зон, переход к управлению образовавшимися на территории бывшей России государствами через правительства подконтрольных марионеток.

Фаза 1

Резкий рост протестного движения в стране. Базовый лейтмотив – высокий уровень коррупции, низкий уровень жизни, нарушение прав человека, отсутствие прав и свобод. Основная движущая сила – специально организованная группировка радикально настроенной молодёжи. Любые попытки властей вернуть ситуацию в стране под контроль будут пресекаться путём соответствующего воздействия на подкупленных представителей политической и экономической элиты.

Фаза 2

Дезорганизация системы государственного управления. Рост территориального сепаратизма. Базовый лейтмотив – все богатства региона вывозятся в Москву, и региону ничего не достаётся. Движущие силы – подкупленная местная политическая и экономическая элита.

Фаза 3

Перерастание народных протестов в вооружённые восстания как в Москве, так и в регионах. Переход власти к завербованным ЦРУ политикам. Провозглашение регионами государственного суверенитета, ликвидация федерального центра власти. Создание конфедеративного Союза Независимых Государств России (СНГР). Выборы Президента СНГР. Отказ СНГР от ядерного оружия в обмен на инвестиции. Ликвидация военных ядерных объектов, переход имеющегося на территории бывшей России ядерного оружия под контроль НАТО.

Фаза 4

Резкий рост межэтнических столкновений. Начало полномасштабной гражданской войны.

Фаза 5

Молниеносная военная операция НАТО с объявленной миротворческой функцией остановить на территории бывшей России гражданскую войну. Ликвидация центра конфедерации. Переход стран бывшего СНГР под протекторат стран G7.

Фаза 6

Снижение численности коренного населения бывшей России до 15-20 миллионов человек. Средства: создание неблагоприятных экономических условий для рождаемости, поставка генетически модифицированных, способствующих стерилизации потребителей, продуктов. Заселение освобождённых от коренного населения территорий гражданами стран G7».

Прошло тридцать лет...

4

Россия, Москва

На землю спустились сумерки.

В небольшом, состоящем главным образом из старинных, почти векового возраста, двухэтажек, переулке одиноко стоял чёрный «Ягуар». Хозяин машины, тучный силуэт которого смутно проглядывал сквозь тонированные стёкла, откинулся назад и, пребывая в некоем ожидании, постукивал пальцами по рулю в такт звучащей из динамиков ритмичной музыке.

Стояла безветренная тишина. В воздухе ощущалась крепкая хватка набравшего силу мороза. В свете редких уличных фонарей поблёскивали островки дорожной ледяной корки.

Внезапно из темноты вынырнул невесть откуда взявшийся бродяга. Заметив дорожную иномарку, он, пошатываясь, двинулся к ней.

Подойдя к машине, бродяга принял раболепную позу и робко постучал указательным пальцем в окно. Стекло медленно опустилось.

- Сори, сэр, - учтиво прохрипел он. - Не могли бы вы чем-нибудь помочь? Второй день не жавши, ей богу!

Хозяин автомобиля лениво оглядел подошедшего с головы до ног, сморщился и нехотя достал из внутреннего кармана пиджака бумажник. Выцарапав из внушительной денежной пачки пятидолларовую купюру, он брезгливо протянул её бродяге.

- Спасибо, сэр! - обрадовался тот. – Какие же вы, иностранцы, всё-таки люди! Не то что наши - сплошное жлобье! Спасибо вам и доброго вам здоровья!

Бродяга быстро засеменил прочь. Хозяин «Ягуара» иронично посмотрел ему вслед.

- Конспираторы! – хмыкнул он, словно обращаясь к самому себе. - Нищий с такой откормленной харей! Неужели не могли отрядить на проверку кого-нибудь другого? «Два дня ничего не жравши!». Хе!..

Он криво усмехнулся, нажал на кнопку стеклоподъёмника и вернул себе прежнюю позу.

«Бродяга» тем временем свернул в соседний проулок. Пройдя несколько шагов, он остановился и прижал к уху мобильный телефон.

- Аллё, Альберт Николаевич? - приглушённо проговорил он. – Я его видел. Это действительно Пеплински.

Выслушав собеседника, он энергично закивал головой.

- Да, да, я подтверждаю, это Джозеф Пеплински, собственной персоной. Вице-президент концерна «Сагмал Фармасьютикал», одного из крупнейших мировых производителей лекарственных средств. Кстати, его старший брат – американский сенатор...

Через несколько минут пространство точно перенёсшегося в наши дни из прошлого века переулка прорезал холодный свет неоновых фар. Из припарковавшегося у обочины «Лэнд Ровера» вылез холёный молодой человек лет двадцати – двадцати пяти. Он степенно подошёл к «Ягуару».

- Господин Пеплински?

- Да. А вы - Альберт Николаевич Васильчук?

Последовал подтверждающий кивок. Протянув для рукопожатия оладьистую ладонь, хозяин «Ягуара» предложил молодому человеку расположиться рядом с ним на переднем пассажирском сиденье.

- Как поживаете? Как дела?

- Нормально. Потихоньку, помаленьку.

Молодой человек отвечал нехотя, всем своим видом показывая, что не настроен разглаживать о всяких пустяках. Пеплински это прочёл и сразу перешёл к делу.

- Альберт Николаевич, я попросил вас об этой встрече для того, чтобы предложить вам взаимовыгодное сотрудничество. Наш концерн, как вам, наверное, известно, производит широкий спектр фармацевтических препаратов, и в прошлом году мы вывели на рынок нашу новую разработку – Неореферон. Это средство для повышения иммунитета.

- Слышал, слышал, - сдержанно кивнул Васильчук.

- За сравнительно небольшой срок своего существования этот препарат успел зарекомендовать себя с самой лучшей стороны. Мы испытывали его в некоторых странах Африки: Сомали, Гане, Буркина-Фасо, - и результаты оказались просто ошеломляющими. Уровень заболеваемости в этих странах снизился в несколько раз. Мы стремимся наладить поставки Неореферона по всему миру, и применительно к России решили обратиться именно к вам. Ваша компания «Гедеон-Биофарм» довольно сильный игрок на российском фармацевтическом рынке. Не последнюю роль в нашем выборе сыграли, извините за прямоту, и ваши родственные связи. Если учредителем фирмы является сын министра здравоохранения, то этой фирме однозначно гарантирован успех.

По лицу молодого человека пробежала тень самодовольства.

- Так что вы хотите мне предложить? – сухо спросил он.

- Мы хотим предложить вам стать нашим официальным дистрибьютором. Условия самые выгодные. При обязательной вакцинации населения вы будете иметь многомиллиардные прибыли.

- У нас нет обязательной вакцинации населения, - заметил Васильчук. – У нас вакцинация добровольная, и люди идут на неё не всегда.

- Так давайте её введём. Хотя бы для детей. Страна должно заботиться о здоровье своего подрастающего поколения, ведь это её будущее. Или ваш глубокоуважаемый батюшка так не считает?

Глаза молодого человека хитро сузились. Хозяин «Ягуара» по-братски потрепал его по плечу.

- Давайте делать бизнес, Альберт, пока есть такая возможность. Ведь схема очень проста. Министерство здравоохранения Российской Федерации издаёт постановление об обязательной вакцинации детей с целью повышения их иммунитета. В качестве вакцины выбирается уже доказавший свою эффективность Неореферон. Из государственного бюджета на его закупку выделяются необходимые средства, и компания «Гедеон-Биофарм», пройдя через полагающийся по закону тендер, получает монопольное право на поставку этого препарата во все лечебные учреждения страны. Вы представляете, какие на этом можно сделать деньги?

Васильчук нахмурил лоб. В его глазах заиграла алчность.

- Хорошо, - после небольшой паузы произнёс он, - я поговорю об этом со своим отцом...

Спустя два месяца министр здравоохранения Российской Федерации подписал приказ об обязательной вакцинации препаратом Неореферон детей дошкольного и младшего школьного возраста. Тендер на поставку этого препарата в Россию выиграла компания «Гедеон-Биофарм».

А спустя ещё месяц, состоялся один очень важный, имеющий непосредственное отношение к вышеупомянутому событию, разговор. Но речь о нём пойдёт уже в следующем эпизоде...

5

США, Вашингтон

Президент Соединённых Штатов Америки Хармас Лу поднялся навстречу вошедшему в Овальный кабинет Белого Дома сенатору от Республиканской партии Биллу Пеплински.

- Хэлло, старина Билл!

После стандартного в таких случаях обмена любезностями, он перешёл непосредственно к делу.

- Ты, Билл, конечно понимаешь, что я пригласил тебя сюда не просто так. Насколько мне известно, твой концерн «Сагмал Фармасьютикал» начинает через полгода крупные поставки в Россию одного из своих препаратов.

- Да, господин Президент. Это препарат Неореферон. Русские решили использовать его для вакцинации своих детей.

- Так вот, Билл, нужно сделать так, чтобы наряду с настоящим Неорефероном, под его видом, в Россию поставлялся ещё и другой, очень похожий на него препарат. Тебе дадут его формулу. Не спрашивай меня, зачем это нужно. Это государственная тайна. Могу только сказать, что начинается одна большая игра, завершать которую предстоит уже следующему поколению. И эта моя просьба к тебе имеет непосредственное отношение к нашей национальной безопасности.

Упоминание о национальной безопасности отрезало всякую попытку отказа.

Сенатор развёл руками.

- Ну что ж, - пробормотал он, - надо – так надо...

6

Россия, Москва

Главный врач районной детской поликлиники №37 Светлана Павловна Добролюбова, оседлав очками нос, изучала анкету новой медсестры. Точнее, не медсестры, а пока всего лишь претендентки на эту должность. Сидевшая перед ней чернявая, похожая на цыганку, девушка ещё не была принята на работу. Но в том, что она будет зачислена в штат, сомнений быть не могло, ибо работать в поликлинике было практически некому. Молодёжь, ввиду оскорбительно низкой зарплаты, сюда не шла, вся деятельность поликлиники держалась в основном на давно перешагнувших пенсионный рубеж стариках, и каждый сотрудник в ней был на вес золота.

«Дубровская Жанна Михайловна, 21 год, закончила медицинское училище №19 города Москвы, присвоена квалификация «медицинская сестра...»

Светлана Павловна вскинула брови и пытливо посмотрела на недавнюю выпускницу.

- Ну что ж, молодым кадрам мы всегда рады, - изрекла она. – Правда, в последние годы молодые кадры нас не жалуют. Предпочитают трудоустроиваться в частных клиниках или, на худой конец, в больницах, где помимо официального оклада существуют ещё и неофициальные источники. У нас же таковых источников нет. Вся наша зарплата складывается из того, что указано в платёжной ведомости. Но вы, тем не менее, решили поступить именно к нам. Что же стоит за таким решением? Если это, конечно, не секрет.

Девушка застенчиво улыбнулась.

- Тут никакого секрета нет. Просто мы с мужем купили квартиру в этом районе. Я живу на соседней улице, в пяти минутах ходьбы. Работать рядом с домом, сами понимаете, удобно. А что касается материальной стороны, то она меня не волнует. Мой муж - бизнесмен, гражданин Соединённых Штатов Америки, зарабатывает прилично, так что никаких затруднений с деньгами я не испытываю.

Добролюбова помрачнела.

«Вот она, ещё одна баловница судьбы, – зло подумала она. – Кукла. Думает, что её рай будет вечным. Погоди, погоди, девочка. Постареешь – уйдёт твой заграничный суженый к кому-нибудь помоложе. Поймёшь тогда, почём фунт лиха».

Во вспыхнувшем в ней негодовании говорила её собственная судьба.

Светлана Павловна снова пробежала глазами анкету.

- Мне требуется медсестра в процедурный кабинет, - сказала она. - Участок, предупреждаю, сложный. Дети есть дети. Уколов боятся. Каждый день крики, шум, плач. Женщина, которая там сейчас работает, уже в возрасте. У неё от каждодневного гвалта болит голова. Просит её оттуда перевести. Вот я и ищу, кого вместо неё поставить.

Дубровская кивнула головой.

- Я согласна.

Главный врач поликлиники снова взглядела в её круглые, пуговичные глаза: «И впрямь, кукла. Закваска домохозяйки, стремлением к карьере не обременена. Ладно, если хочет - пусть работает», - и положила перед посетительницей чистый листок бумаги.

- Пишите заявление...

Стояло утро. Медсестра Жанна Дубровская, которая работала в поликлинике уже полгода, протиснулась сквозь сгрудившуюся у регистратуры толпу, поднялась на третий этаж и зашла в процедурный кабинет.

Воровато оглянувшись по сторонам и убедившись, что в процедурной больше никого нет, она подошла к лекарственному шкафу, вытащила оттуда коробку с ампулами, достала из сумочки точно такую же, как две капли воды похожую на ту, что лежала в шкафу, и спешно поменяла их местами.

На упаковках было написано: «Неореферон».

Захлопнув приоткрытую форточку, Дубровская сняла плащ, облачилась в белый халат, покрутилась, наводя макияж, у зеркала, села за стол, включила компьютер, после чего крикнула:

- Заходите.

Первым пациентом её смены оказался мальчик лет пяти. В его глазах отчётливо светился страх.

Жанна ласково улыбнулась.

- Боишься уколов? Ну какой же ты мужчина? Мужчины уколов бояться не должны. Как тебя зовут?

- Денис, - тихо ответил мальчик.

- А фамилия?

- Токарев.

- Любишь болеть гриппом?

- Не-е-ет.

- Вот я и сделаю тебе сейчас укол, чтобы ты не болел. Это очень хорошее лекарство, которое не пускает в организм микробов. Оно, правда, горькое, и когда я начну его вводить, будет немножко больно. Но ты же мужчина, и должен потерпеть. Потерпишь?

- Угу.

Дубровская подошла к шкафу, достала оттуда ампулу подкожного Неореферона и наполнила препаратом шприц.

Когда ребёнок вышел из кабинета, Жанна настороженно посмотрела ему вслед. После каждого такого укола её охватывало чувство вины и беспокойство.

В её памяти снова всплыл разговор с мужем:

«- ...С детьми ничего не случится. Не волнуйся.

- Но почему я должна подменивать препарат? Что я должна колоть за раствор, и чем он отличается от настоящего лекарства?

- У нас в Америке есть такая поговорка: «Это не ваши похороны». У вас в России она звучит несколько по-иному – «Не ваше дело». Я тебе ещё раз повторяю, что с детьми ничего не произойдёт. Они будут живы и здоровы. Мы с тобой, по-моему, договорились, что ты не станешь задавать лишних вопросов. Делай, что тебе говорят – и всё...»

Жанна вздохнула: вот она – плата за удачный брак. Делай, что тебе говорят, и ни о чём не спрашивай. Странное какое-то задание – вкалывать детям не настоящий, а фальшивый препарат. Какой же в этом всё-таки смысл, и что за всем этим скрывается?..

Минуло ещё девять лет.

Денис Токарев, который за это время из боявшегося уколов ребёнка превратился в четырнадцатилетнего, стремящегося быстрее вступить в самостоятельную, взрослую жизнь подростка, получил вдруг по почте красивую, по-праздничному оформленную открытку.

«Уважаемый Денис! – было написано там. – Молодёжный патриотический клуб «Сокол» приглашает тебя принять участие в летнем тренировочном военно-спортивном сборе. Сбор проводят опытные инструкторы. Участие в сборе бесплатное.

Задачей нашего клуба является воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма, подготовка молодёжи к службе в рядах Вооружённых Сил.

Программа сбора:

1. Воспитание физической выносливости.
2. Обучение боевым единоборствам.
3. Обучение навыкам владения оружием...»

Обучение боевым единоборствам! Обучение владению оружием! Да ещё бесплатно! Вот это класс!

Обуянный нахлынувшим на него воодушевлением, Денис схватил телефонную трубку и набрал номер своего друга Виталика Сычёва, который не только учился с ним в одном классе, но и так же, как и он, входил в фанатскую болельщицкую группировку популярной футбольной команды «Гладиатор». И тут выяснилось, что и Виталик, и многие другие члены их фан-клуба получили точно такие же приглашения на летний тренировочный сбор.

Мать Дениса против поездки сына в военно-спортивный лагерь не возражала. Ознакомившись с открыткой, она без колебаний дала добро: уж лучше заниматься спортом, чем орать всякие глупости на стадионах и бесцельно шататься по улицам.

Когда после сборов Денис вернулся домой, в его глазах светился восторг.

- Знаешь, как там было здорово! – восхищённо поведал он матери.
- И чему же тебя там научили? – спросила та.
- Многому. Я теперь набью морду любому, - с гордостью ответил Денис.
- И кто же тебя учил там бить морды? – вздохнула мать.
- Наш инструктор, Бадри Ревазович.

Имя-отчество инструктора Денис произнёс почтительно, даже с каким-то придыханием. Причём сделал он это не специально, это получилось как-то само собой. Бадри Ревазович Гогричиани, экс-сотрудник спецподразделения ФСБ «Альфа», - так он им представился, - имел в их подростковом кругу непререкаемый авторитет. Его солидная (в их подростковом представлении) внешность: огромный мужик с ногами сорок пятого размера и пудовыми кулачками, - негромкий голос, спокойная размеренная речь, отсутствие какой бы то ни было нервозности, сразу вызывали к нему уважение. Человек бывалый и много чего успевший повидать! Но что особенно в нём подкупало – так это его манера себя держать. Нет, он не пытался быть среди них своим, он не держал себя с ними на равных. И это было абсолютно правильно, ведь при таком различии жизненного опыта, не говоря уже о возрасте, о каком-то равенстве можно, вообще, вести речь? Но и чисто как начальник он перед ними тоже себя не ставил. Его отношение к ним чем-то напоминало отеческое, и они этим прониклись. К концу сборов они как-то непроизвольно даже стали воспринимать его своим вторым отцом.

Бадри Ревазович тренировал их не только физически. Он заставил их по-новому взглянуть на жизнь. Как-то, что ли, более широко. Как-то более глубоко, что ли. Сколько интересного и поучительного рассказал он им, сидя у вечернего костра!

«Я, ребята, так же, как и вы, родился в обычной, простой семье, - говорил Бадри Ревазович. - Мои родители – рядовые заводские трудяги. Самое моё яркое впечатление из детства – это колония для несовершеннолетних, куда меня угораздило загнать в четырнадцать лет. Попал я туда вместе с двумя своими приятелями за драку. Набили морду одним ублюдкам, которые слишком борзо себя вели... Ну, не так, чтобы сильно набили. Просто немного их повоспитывали. Без всяких, там, увечий и переломов. Разбитые носы, синяки, шишки – и всё. Особо никого не покалечили. Все эти ссадины прошли у них уже через несколько дней. Но эти чудачки на букву «М» оказались из начальственных семей, и нам вкатили, что называется, на полную катушку. Адвокаты даже условного срока добиться не смогли. И вот с тех пор я стал смотреть на жизнь совсем другими глазами. Какие она имеет особенности, как она в действительности устроена. Короче говоря, раньше времени повзрослел. А устроена жизнь, скажу я вам, ребята, по-скотски. Немного подрастёте, станете по-настоящему на её столбовую дорогу и сами всё почувствуете. Мы вынуждены жить в такой системе, при которой только барыгам живётся хорошо. Эту систему выстроила горстка находящихся сейчас у власти ублюдков. И вот

вся эта барыжная мразь пребывает в полной уверенности, что заплатив чиновникам и ментам, они купили себе весь русский народ и теперь могут делать с ним всё, что угодно. Не знаю как у вас, а у меня, когда я вижу какого-нибудь подонка в крутой иномарке, возникает только одно-единственное желание – проломить ему голову кирпичом. Они сытно жрут, живут в элитных квартирах и коттеджах, и не испытывают тех насущных проблем, которые испытываем мы. Так что же нам делать, ребята? Мириться с накинутыми на наши шеи ошейниками? В стремлении услужить господам лизать их вонючий зад? Как по мне, то нет. Нужно бороться, сопротивляться. Нужно силой обеспечить себе достойную жизнь. Ведь мы с вами всё-таки люди, а не животные. Учитесь владеть своими нервами, учитесь контролировать свои чувства, учитесь хладнокровно исполнять приказы своего холодного, расчётливого разума. Вам негде жить? Не впутывайтесь в эти кредиты. Возьмите и захватите пустующее жильё. И никто вас оттуда не выгонит, если вы – мощная, хорошо организованная сила, способная, если нужно, хорошенько накомистить. Вас достали «легалы»? Не терпите их, а возьмите и всячески отравляйте им жизнь. Поджигайте их дома, разбивайте их машины. По-другому они ничего не поймут, уж такая у них порода. Вы скажете мне, что это незаконно? А с вами поступают законно? Законы, ребята, это только для дураков...»

Вот в таком вот плане Денису и его приятелям объяснял премудрости жизни ловец юных, неокрепших душ Бадри Ревазович Гогричиани, так называемый «сотрудник спецподразделения ФСБ «Альфа».

Почему «так называемый»? А потому, что на самом деле он в «Альфе» никогда не служил. На самом деле у него было чисто криминальное прошлое. Восемь лет в тюрьме под Няндомой – вот его настоящий героический боевой список.

А тюрьма – школа, действительно, хорошая. Она учит правильно себя вести, убедительно говорить. Ведь если ты не постигнешь эту науку, ты в тюрьме просто не выживешь.

И подростки верили своему инструктору. Верили и доверяли.

Пройдёт совсем немного времени, и это вбитое в них Бадри Ревазовичем мировоззрение даст заданный результат...

7

США, Вашингтон

Депутат Государственной Думы Российской Федерации, лидер партии «Свободная Россия» Виктор Олегович Степанцов пристально смотрел на своего собеседника и пытался уяснить, правильно ли он понимает цель проявленной последней инициативы?

- Любому государству, в особенности такому как Россия, нужны сильные, интеллектуально богатые лидеры, - излагал тот. – В России есть две напасти – дороги и дураки. Так, кажется, у вас говорят. И эти напасти неотделимы друг от друга. Пока страной правят дураки, хороших дорог не дождёшься. Пробился как-то один дурень на самый верх и потянул за собой себе подобных, потому что он прекрасно понимал, что если в его окружении заведутся умные, то они его непременно подсилят. Вы со мной согласны?

«Похоже, действительно вербовка», - подумал Степанцов и осторожно произнёс:

- Допустим, согласен.

Его собеседник оживился.

- Давайте посмотрим на ситуацию здраво, без патриотических шор. Противопоставить себя всему миру, отгородиться какой-то придуманной идеологией, какой-то моралью - ну разве это правильно?

Степанцов молчал.

- В мире всё взаимосвязано. Мир – это единый, многоуровневый, многофункциональный механизм, в котором есть свой двигатель, свои узлы, свои шестерёнки. Все мы под кем-то ходим. Все мы делаем свою работу. А по-иному нельзя, и от этого никуда не уйти. Тут надо определиться, что предпочтительнее: наслаждаться своими принципами, сидя у помойки, или работать в команде и жить во дворце?

Степанцов тряхнул головой, точно придя к какому-то убеждению, закинул ногу на ногу и дерзко спросил:

- Может хватит изощряться в философии? Может поговорим всё-таки начистоту?

- Я очень рад, что вы предпочитаете деловой подход, господин Степанцов, - улыбнулся его собеседник. – Это доказывает, что мы не ошиблись, остановив свой выбор именно на вас. Прямота и откровенность значительно экономят время. А время – это деньги. А деньги – это жизнь. Не в биологическом, а в смысловом её проявлении. Буду краток. Мы хотели бы сместить находящийся в вашей стране у власти клан во главе с Президентом Рогачёвым. Мы хотели бы, чтобы Россия перестала быть нашим недругом и стала бы нашим верным партнёром. От этого будет лучше всем – и вам, и нам.

Степанцов криво усмехнулся:

- А вы уверены, что вам это удастся? Клан Рогачёва пустил свои корни очень глубоко.

- Уверен, - без тени сомнения отрезал его собеседник. – Нет такого дерева, которое нельзя было бы подпилить, а то и просто выкорчевать. Клану Рогачёва осталось существовать недолго. Можете мне верить, основания для такого утверждения у меня имеются. Материальная база уже подготовлена, организационная сила определена. Осталось лишь найти сильную политическую фигуру, способную возглавить этот процесс. И вы, по нашему мнению, для этой роли очень даже подходите.

- Хм, - приосанился Степанцов, пытаясь скрыть охватившее его удовольствие. – И чем же это я вам так понравился?

- Прежде всего, своим умом. Вы реально смотрите на жизнь, не витаєте в несбыточных мечтах, умеете реально оценивать свои возможности. Вы расчётливы. Вы, в хорошем смысле этого слова, хитры. Вы однозначно достойны большего, чем сейчас имеете. Но рогачёвский клан вас к власти не подпустит. По причинам, которые были изложены мною выше. Мы поможем вам стать Президентом. Мы поддержим вас всеми имеющимися у нас ресурсами: обеспечим деньгами, снабдим людьми, сформируем выигрышный во всех отношениях имидж. Или вы не хотите стать Президентом, господин Степанцов?

Степанцов сжал губы.

- Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, - процедил он. – А если всё-таки Рогачёв окажется сильнее?

- Политическое убежище в любой стране по вашему выбору, включая нашу. Так как, работаем?

- Работаем, - решительно подался вперёд Степанцов. - Но такие предложения не делаются просто так. Они, как правило, имеют определённую цену.

- Разумеется, господин Степанцов, разумеется. Свою цену имеет любая услуга. И давайте её сейчас обговорим...

США, Нью-Йорк

Ясное, необъятное, усыпанное трепещущими звёздами вечернее небо было воистину прекрасно.

Российский бизнесмен, владелец группы компаний «ХимОптТэк» Руслан Хайретдинов, состояние которого являлось предметом неусыпного внимания журнала «Форбс», закинув руки за голову, лежал на кровати в своём номере в престижном отеле «Плаза», благодушно смотрел на мерцающее за окном небесное покрывало и подергивал ступнёй в такт доносившейся из расположенного неподалёку парка танцевальной музыки.

Очередное посещение Америки подходило к концу. Визит снова получился удачным. Все вопросы, ради которых он прилетел в Нью-Йорк, были решены. Утром обратный самолёт в Москву, и оставшееся до отлёта время ему хотелось провести в покое.

Насытившись звучащими снаружи ритмами, Хайретдинов повернулся на бок, засунул руки под подушку и закрыл глаза, намереваясь немного вздремнуть. Но зазвонивший на тумбочке телефон заставил его снова принять прежнюю позу.

В трубке раздался голос портъе. Он заученно извинился за беспокойство и сообщил, что к господину Хайретдинову просит разрешения подняться некий мистер Тейлор.

«Тейлор... Тейлор», - напряг память бизнесмен, но в числе своих знакомых найти человека с такой фамилией не смог.

- Что ему нужно?

- Он говорит, что имеет к вам какое-то важное дело.

- Пусть изложит своё предложение моему референту. Он в соседнем номере. Если оно меня заинтересует, я с ним потом свяжусь.

- Но он хочет говорить только с вами. Ссылается на некие деликатные моменты, которые он может поведать только вам.

Хайретдинов задумчиво свёл брови. День получился очень насыщенным, он устал. Но мало ли что там может быть! Как-то на заре его предпринимательской деятельности к нему в гостиницу в Москве вот так же пришёл незнакомый человек. Предложил оказать содействие в налаживании контактов с Кремлём. Хайретдинов ему доверился и, благодаря этому, стал тем, кем он является сейчас – одним из богатейших людей своей страны. Отфутболь он тогда того незнакомца, который через несколько лет стал вице-премьером российского Правительства – кусал бы, наверное, локти и по сей день.

- Ладно, - смягчился Хайретдинов, - пусть пройдёт.

Он поднялся с кровати, посмотрел в зеркало, пригладил свою не особо пышную шевелюру, уселся в кресло и принялся ожидать стука в дверь.

Мистером Тейлором оказался невысокий коренастый человек с упрямым, волевым лицом и жёсткими, холодными глазами.

- Разрешите прежде всего попросить у вас прощения, господин Хайретдинов, за то, что я нарушил ваш покой, - почтительно, по-восточному склонил голову он, усаживаясь на стул. – Но дело, ради которого я сюда явился, действительно очень важное.

- Слушаю вас, - кивнул бизнесмен.

Но следующие слова незнакомца заставили Хайретдинова вскипеть. Тот произнёс совсем не то, что он ожидал от него услышать.

Сделать взнос в благотворительный фонд? И это «действительно очень важное дело»?! И это те самые «деликатные моменты»?! Лишь бы что ляпнуть! Попрошайка! Брехло!

- Ну что вы, какая от меня может быть благотворительность! – стараясь держать себя в руках, попробовал отшутиться бизнесмен. - Тут бы самому кто помог. Я весь в долгах, как в шелках.

- А мы вам уже помогли, - заметил незнакомец и принялся поочерёдно загибать пальцы: - Судите сами, основная доля вашего бизнеса сосредоточена в нашей стране. Основную массу ваших химикатов покупаем мы, американцы. Мы даём вам кредиты. Мы, в обход поправки Джексона-Вэника, способствуем вашим закупкам высокотехнологичного оборудования. Мы предоставили вам двойное гражданство, которое ощутимо помогает вам в ваших делах. Мы не

сопоставляем стоимость приобретённой вами у нас недвижимости с вашей налоговой декларацией, а здесь имеются очень серьёзные вопросы. Короче, мы не причиняем вам никаких хлопот. Неужели при такой высокой, согласитесь, лояльности мы не имеем права просить вас о небольшой ответной услуге – немного, совсем немного помочь «Фонду развития демократии в России»? Вы что, не сторонник демократии? А, господин Хайретдинов?

(СПРАВКА: Поправка Джексона-Вэника – поправка 1974 года к Закону о торговле США, ограничивающая контакты с отдельными странами, в т.ч. с СССР, а позже с Россией)

- А вы, собственно, кто такой? – побагровев, во всю мощь своих лёгких, рявкнул бизнесмен.

- Я работаю на правительство Соединённых Штатов Америки, - невозмутимо отвечивал посетитель.

Он продолжал оставаться вежливым, но это был тот самый случай, когда в оболочке строгого этикета скрывается ничем не прикрытый ультимативный цинизм. По губам Тейлора бродила нагловатая усмешка.

- И о какой же сумме идёт речь? – подавив в себе гнев, поинтересовался Хайретдинов.

- Сущие пустяки. Миллионов десять-пятнадцать.

Бизнесмен кашлянул.

- Говорите, пустяки? А по-моему, это слишком крупная сумма.

- Но и комфорт, которого вы достигли с нашей помощью, тоже стоит недёшево, - вонзил в него, точно когти, свой цепкий взгляд гость.

Хайретдинов нервно забарабанил пальцами по колену.

- Мне надо подумать, - глухо проговорил он.

- Пожалуйста, подумайте, - согласился Тейлор. – Недели вам хватит?

- Хватит.

- Значит, через неделю я жду вашего звонка.

Незнакомец положил на стол свою визитную карточку, поднялся с места и направился к выходу. Хайретдинов исподлобья посмотрел ему вслед.

Ну что за тварь! Испортил такой удачный день!..

А впрочем, стоит ли так серьёзно реагировать на этого «мистера Тейлора»? Чем он доказал, что относится к числу сильных мира сего? Разве может у представителя правительства быть такая куца визитка – просто фамилия, имя и телефон. Скорее всего, это обычный прохиндей. Выходец из эмигрантской среды. Мошенник.

Прошёл месяц.

Тот день у Рината Хайретдинова не задался с самого утра. Не успел он приехать в свой московский офис, как секретарша положила перед ним пришедший ночью факс: «Лизинговая компания «BOT Financial Corp» с сожалением сообщает, что вынуждена приостановить выделение средств по контракту на приобретение оборудования».

Хайретдинов чертыхнулся.

- Соедините меня с ними, - распорядился он.

Но телефонный разговор ничего не дал. Управляющий компании говорить с ним отказался, а подставленный для ответа клерк толком ничего не объяснил. «Просим прощения, приносим извинения, но такая, вот, у нас ситуация», - извивался, как уж, он.

Когда Хайретдинов, пылая от гнева, швырнул трубку, перед ним положили ещё одно послание: ««Сити Банк» с сожалением извещает, что не имеет возможности дальнейшего выделения средств по кредитной линии».

- Да что они там, очумели все, что ли? - в сердцах воскликнул он. – Соедините.

Но беседа с представителем банка ясности не внесла. Всё те же извинения, и всё то же отсутствие каких-либо конкретных объяснений, что и в случае с «BOT Financial Corp».

А спустя час грянул ещё один гром. Два основных контрагента-покупателя из-за океана официально уведомили его, что не намерены продлевать с ним контракты на следующий год.

Бизнес одного из богатейших людей России рушился буквально на глазах.

Но окончательно добил Хайретдинова вызов на допрос в ФБР. От него ждали объяснений по несоответствию суммы доходов, указанной им в налоговой декларации, с суммой приобретённой им недвижимости в США. Кроме этого, в факсе содержалось требование предоставить всю документацию по сделкам с фирмой «Глория Трейдинг», через которую он выводил из-под налогообложения средства, размещая их в оффшорной зоне на Каймановых островах. Выявление этой финансовой схемы грозило тюремным заключением.

Хайретдинов вытер обильно выступивший на его лбу пот, выпил рюмку коньяка и стал прокручивать в памяти события последнего времени. Логика напрашивалась сама собой. Он стал догадываться, откуда дует ветер.

С трудом найдя нужную ему визитку (хорошо, что не выкинул!), бизнесмен потянулся к телефону.

- Аллё, мистер Тейлор? – выдавил он. - Здравствуйте. Это Хайретдинов. Извините, что долго не звонил. Была просто немыслимая куча дел. Я принял положительное решение относительно вашей просьбы о помощи «Фонду развития демократии в России»...

9

США, Вашингтон

Президент Соединённых Штатов Америки Ричард Бард сидел за своим рабочим столом и, сведя брови, внимательно вчитывался в поданную ему директором Центрального разведывательного управления Скоттом Миллером бумагу.

«Президенту США Р.Барду

Совершенно секретно

Центральное разведывательное управление США обращается с просьбой о выделении дополнительных средств в размере пятисот миллионов долларов для проведения на территории России активной фазы диверсионной спецоперации «Анаконда». Условия для проведения активной фазы спецоперации можно охарактеризовать как благоприятные.

В настоящий момент российская государственная власть не являет собой строго вертикальную структуру, управляемую каким-либо одним конкретным человеком (Президентом). Современная российская государственная власть представляет собой конгломерат пяти основных группировок (кланов), концентрирующих в своих руках основные государственные ресурсы: газ, нефть, банки, транспорт, атомную энергетику. Президент России при этом является компромиссной межклановой фигурой, играющей в существующей системе лишь техническую, представительскую роль. Министерские портфели в Правительстве России распределяются по договорённости между кланами. Формальный статус высших государственных чиновников России не отражает их реального влияния в государственные политико-экономические процессы.

Структура российской национальной экономики уже многие годы ориентирована преимущественно на добычу и экспорт сырьевых ресурсов, ввиду чего большая часть государственного бюджета направляется в сырьевые отрасли. Во вторую очередь финансируются правоохранительные органы, вооружённые силы, органы государственной безопасности. В третью – промышленность и сельское хозяйство. Наука и образование, культура, физкультура и спорт, а также социальная сфера финансируются по остаточному принципу.

Следует отметить, что стратегические отрасли экономики России в настоящий момент имеют в себе высокую долю иностранного капитала. В сочетании с преимущественной ориентированностью этих отраслей на зарубежных потребителей, это делает их сильно неустойчивыми к давлению извне, которое, если оно произойдёт, с большой долей вероятности может нарушить стабильность всей экономической, а вслед за ней и политической системы.

Российской государственной власти продолжает оставаться присущим высокий уровень коррупции. В стране существует устоявшаяся система получателей и плательщиков «ренты». Согласно последним оценкам, коррупционные связи съедают ежегодно около 35% национального ВВП. Серьёзной борьбы с коррупцией в государстве не ведётся...»

- Вы точно уверены, что условия для дестабилизации положения в России сейчас действительно благоприятные? – исподлбья покосился на директора ЦРУ Президент. – Я что-то не слышал, чтобы там наблюдались сейчас какие-либо массовые народные протесты.

- Уверен, - решительно кивнул тот. – Фундамент власти в России – гнилой. Да, протестов сейчас там нет. Но мы создадим эти протесты искусственно. Внушим людям, что их права безнаказанно нарушаются, и что они очень плохо живут. Точно так же, как мы это делали в своё время в Советском Союзе, в странах Восточной Европы и Ближнего Востока. И нам в этом везде сопутствовал успех.

Бард выпрямился.

- Господин Миллер, вы осознаёте, какое огромное, жизненно важное значение имеет эта операции для нашей страны? – негромко, но строго спросил он.

- Осознаю, - не мигая, ответил Миллер.

- Вы гарантируете положительный результат?

- Гарантирую, - подтвердил директор ЦРУ.

- Хорошо, - промолвил Президент, - я согласую выделение вам этих средств с Конгрессом.

10

Я любил отдыхать на Гавайях.

Я – это автор читаемого вами сейчас повествования. Позвольте отрекомендоваться - Эдгар Морвуд, бывший агент отдела специальных операций ЦРУ.

Тёплый климат, богатая природа делали Гавайские острова воистину райским уголком. Когда приходило время отпуска, я всегда летел туда. Предпочтение отдавал Гонолулу, как и все любители сёрфинга (а я был настоящим фанатом сёрфинга!), ибо лучшего места, чем Вайкики, – так назывался район, где находились пляжи, - для него было не найти.

Ах, сёрфинг! Какая же это классная штука! Какой же это адреналин! Сколько бы я сейчас отдал, чтобы снова встать на доску и взмыться на гребне волн!

Попаришь так в воздухе до сумерек, вернёшься в отель, зайдёшь в бар – а там Тони со своим джаз-бэндом...

Хороший был мужик, этот Тони. С ним всегда было приятно поговорить. Порой я ему даже завидовал. Живёт, вот, в таком раю круглый год. Ни забот, ни хлопот. Ничем не рискует. А тут мотаешься по всяким, там, «горячим точкам», и никогда не знаешь, удастся ли тебе вернуться оттуда живым или нет...

Темнеет. Я прихожу в номер, расставляю на столе бокалы, наполняю их вином и жду, когда в дверь раздастся условный стук.

Он обязательно раздастся. С Мари у нас давно установились близкие отношения. Это официантка отельного бара. Я познакомился с ней в самый первый свой сюда приезд. Сочные губы, широкий рот, миндалевидный разрез глаз – в ней всё, абсолютно всё, дышало сексом.

Слово за слово, мы разговорились, возникла взаимная симпатия, и на следующее утро мы проснулись в общей постели. И после этого стали встречаться регулярно.

Можно ли это было назвать любовью? Скорее всего, нет. Нам вполне хватало эпизодической близости. Нам просто было друг с другом хорошо.

Джек Николсон, однофамилец и тёзка известного киноактёра, замшелый, невзрачный, постнолицый человечиха с внешностью придворного церимонимейстера, «адъютант» моего шефа, появился вечером...

Собственно, он всегда появлялся вечером, понимая, что неприятные новости лучше преподносить ко сну, чтобы не портить человеку весь день. А его визит означал только одно – что отдых закончился, и что пора возвращаться в «пекло».

- У-у-у! – удивлённо выпятил губу он, когда я вошёл в сверкающий разноцветным кафелем холл отеля. – Тебя прямо не узнать - вылитый негр.

Мы обменялись рукопожатием. Николсон дружески потрепал меня по плечу.

- Чего такой кислый? – поинтересовался он.

- А чему веселиться? – вздохнул я. – Разве от тебя можно ожидать чего-то хорошего?

- О-о-о, я смотрю, ты совсем обленился. Сколько ты уже отдыхаешь?

- Месяц.

- И что, не надоело?

- Хорошее никогда не может надоест. По правде говоря, я рассчитывал, что ты оставишь меня в покое ещё хотя бы недельки на две.

Николсон беспомощно развёл руками.

- Не могу, дружище, не могу. Поступила команда доставить тебя в Лэнгли. Так что иди, высыпайся, а завтра в путь. Самолёт в десять утра.

- Слушаюсь, - шутливо козырнул я, после чего мы расстались...

(СПРАВКА: Лэнгли – небольшой городок в США, штат Виргиния, находился в 13 км от Вашингтона. Месторасположение штаб-квартиры ЦРУ).

Я поднялся на четвёртый этаж, прошёл по освещённому флуоресцентными лампами и напоминающему аэропортовский проход к терминалу коридору, миновал огромную приёмную, вошёл в обитую кожей дверь и оказался перед шефом - директором Центрального разведывательного управления Скоттом Миллером.

- А загорел! А поправился! – рокошущим басом поприветствовал меня он. - Сразу видать, с курорта!

Падавший от окна свет отражался в затемнённых стёклах его очков и не позволял разглядеть выражение его глаз. Да, собственно, мне это было и не нужно. Я ни капли не сомневался, что они были такими же холодными и безжизненными, как и всегда. Миллер не относился к числу людей, способных выражать свои эмоции. Он даже в минуты гнева сохранял каменное выражение лица. Порой мне казалось, что это вовсе не человек, а какой-то биоробот.

Это был Генерал. Генерал с большой буквы, настоящий, в самом полном значении этого слова: властный, хладнокровный, расчётливый, ладно скроенный, с большим белым лбом, который казался ещё больше оттого, что его обладатель спереди лысел, и с аккуратно подстриженными на висках, проникнутыми сединой, волосами.

Мы уселись за приставной стол. Миллер выбросил руку вперёд. Недокуренная сигара описала в воздухе дугу и исчезла в стоявшей в углу кабинета урне.

- Где отдыхал? – полюбопытствовал он.

- Где обычно, на Гавайях, - ответил я. (Как будто он этого не знает!)

- Хорошо отдохнул?

- Хорошо.

- Как настроение?
- Боевое.
- Запас сил?
- На максимуме.
- Вот и замечательно, ибо дело, которое тебе предстоит, очень важное.
- А раньше у меня, что, были не важные дела?
- Важные. Но это самое важное.

Миллер сменил положение тела в кресле, взял листок бумаги, написал на нём число и показал мне.

- Это твой гонорар, - пояснил он.

У меня перехватило дыхание: число было семизначным. Таких высоких гонораров мне ещё никогда не выплачивали.

- Но только в случае успешного проведения операции, - вскинул указательный палец шеф.

- Куда на этот раз? – осведомился я.

Ответ Миллера заставил меня помрачнеть.

- На твою историческую родину. В Россию.

Я непроизвольно округлил глаза. Россия меня пугала.

Да, я был в какой-то степени русским. Я родился на Украине и прекрасно владел русским языком. Но это уже была для меня не Родина, а совершенно чужая для меня страна. Я эмигрировал в Америку давным-давно, более тридцати лет назад, вместе с родителями, в далёком-далёком детстве.

- Нет, если ты сомневаешься в своих силах, то так и скажи, - проговорил, заметив мою заминку, Миллер. – Если ты не хочешь браться за это дело, мы подберём кого-нибудь ещё.

Мой взгляд опять упал на листок с суммой обещанного гонорара.

- Не надо никого подбирать. Я в игре, - отсёк я.

- Ну вот и прекрасно, - осклабившись, подвёл черту моим сомнениям Миллер...

Глава первая

1

Россия, Москва

Кафе «Панорама», как обычно, было забито под завязку. Гремела музыка, клубился табачный дым, на стенах пульсировали разноцветные блики вращающихся под потолком зеркальных шаров. Суетливо сновавшие по залу официанты едва успевали принимать сыпавшиеся как из рога изобилия заказы.

- Гляди, Белоснежка и Гном, - тихонько шепнул бармен своему напарнику, осторожно кивая на сидевшую в дальнем углу зала пару - пышногрудую блондинку и низкорослого неряшливого кавказца, лицо которого уродовал тянувшийся от уха до подбородка багровый шрам.

Напарник усмехнулся, и они тут же отвели глаза. «Гном» был горяч и, несомненно, вступил бы в конфликт, заподозри неуважение к своей персоне. А конфликт с ним ничего хорошего не сулил. Мансур Идигов, – так звали кавказца, - был чемпионом страны по боям без правил, и бармены это знали.

Люба Короткевич, - так звали блондинку, - довольно часто бывала в этом заведении. Оно ей нравилось. Здесь было шумно, весело, присутствовал приятный глазу антураж, да и контингент собирался, образно говоря, перспективный. На первых порах она приходила сюда со своей подругой, но затем у каждой из них появился свой ухажёр. У подруги в плане жениха оказалось всё нормально, а вот у Любы с этим поначалу не вышло. Между ней и её первым приятелем вскоре произошла ссора, и они расстались. Но, как говорится, нет худа без добра. Случайная встреча в гольф-клубе, где она работала администратором – и вот он, новый кавалер.

Люба любила мужчин. Именно мужчин, в самом полном значении этого слова. Внешность была для неё второстепенна. Люба в первую очередь ценила силу, и Мансур с этих позиций её просто покорял.

Они разговаривали, смотрели друг на друга. Мансур рассказывал о последних соревнованиях в Махачкале. Люба слушала, кивала, и тут её внимание привлёк стоявший у входа в зал человек.

Студент Игорь Бобров пристально вглядывался в публику. В его мутных, налитых кровью глазах играл «дьявольский огонь», «зажжённый» обильным количеством выпитого только что спиртного. Это был её «бывший».

Люба подалась вправо, спрятавшись за Мансура.

«Однако, лучше будет уйти», - подумала она.

Дождавшись, когда Бобров пройдёт к бару, она взяла Идигова за руку и, мило улыбаясь, предложила погулять.

- Здесь очень душно, у меня начинает болеть голова, - притворно сморщилась она.

Мансур не возражал. Он положил под бокал несколько купюр, они вышли из-за стола и, огибая танцующих, стали пробираться к выходу. Но едва они окунулись в прохладный вечерний воздух, как Идигов вознамерился вернуться назад.

- Я ненадолго, - сказал он. – Мои баки переполнены, и это создаёт определённый дискомфорт.

Они рассмеялись, Мансур скрылся за дверьми, а Люба отошла в сторонку и принялась ждать.

И тут из кафе вылетел Игорь.

Завидев бывшую подругу, он остановился, приосанился, по-блатному засунул руки в карманы и прокричал:

- А-а-а, вот ты где! Ну, здравствуй!

Люба раздражённо сжала губы. Чёрт бы его побрал!

- Игорь, уйди, пожалуйста, - мягко попросила она. - У нас с тобой всё кончено. Мы с тобой, по-моему, это уже решили. Уйди, пока не появился мой парень.

Но Бобров уходить категорически не желал.

- Ах, вот оно что! Понятно. И кого ж ты себе нашла? Может, покажешь?

- Я не рекомендую тебе с ним встречаться.

- Ах, не рекомендуешь! А почему? Боишься, что я сделаю из него бифштекс?

- Скорее это он сделает из тебя бифштекс, - уже строже проговорила Люба. - Игорь, я тебя прошу, уходи, не нарывайся.

- А почему это я должен уходить? - запальчиво прокричал Бобров и сделал несколько шагов вперёд. - Показывай, под кого легла, подстилка!

Следовавшие мимо прохожие стали останавливаться. Люба почувствовала, что в её душе начинает бурлить вулкан.

- Пошёл вон! - прошипела она.

- Че-го?!

- Чего слышал.

- Я не понял, это ты мне?

- Тебе.

- Шлюха ты подзаборная! Да ты знаешь, кто я такой?

Между Любой и Игорем вспыхнула перепалка. «Дискуссия» развивалась по схеме «кто кого переорёт».

Собравшиеся в стороне зеваки с любопытством наблюдали за развитием конфликта. Некоторые, следуя возникшей с появлением электронных гаджетов моде, снимали происходящее на мобильный телефон.

Взаимные словоизвержения прервало появление Мансура.

- Что здесь происходит? - строго спросил он.

Игорь обернулся, смерил соперника подчёркнуто насмешливым взглядом, картинно выкатил глаза так, что могло показаться, будто они сейчас повиснут на ниточках, и, повернувшись к Любе, презрительно произнёс:

- Это что, он? Этот урод?

На лице Мансура не дрогнул ни один мускул. Бобров фальшиво рассмеялся, расправил плечи и развязно изрёк:

- Вали отсюда, пока цел. Эта тёлка пойдёт со мной. Я её снял, - и он самым беззастенчивым образом хлопнул ладонью по мягким тканям Любы, за что тут же получил сочную пощёчину.

- Может ты и меня снимешь? - невозмутимо спросил Идигов.

- Захочу - сниму.

Последовал резкий хук в челюсть. Бобров упал. Мансур вытащил из кармана носовой платок и брезгливо отёр пущенный в действие кулак.

- Ты там живой? - наклонился он к поверженному «оппоненту».

Игорь лежал без движения и лишь беззвучно разевал кривую прорезь рта.

Идигов потормошил его за плечо.

- Эй, ты там как?

Из уст Боброва вырвался слабый стон. Мансур выпрямился.

- Цел, - констатировал он. - Минут через сорок акклиматизация.

Идигов взял Любу за руку, и они неторопливо зашагали прочь. Зеваки взирали ему вслед со страхом...

На следующее утро Люба проснулась поздно. Она сладко потянулась, поднялась с кровати, прошла в ванную, приняла душ. Затем проследовала на кухню, налила чаю, включила телевизор. Чашка едва не выпала из её рук.

«Накануне вечером в Москве, у кафе «Панорама», ударом в лицо был убит студент Игорь Бобров, - сообщал диктор. - Убийца установлен. Это чемпион России по боевым единоборствам Мансур Идигов. Преступник объявлен в федеральный розыск».

Слова ведущего сопровождала сцена вчерашнего конфликта, заснятая кем-то на мобильный телефон...

2

Россия, Санкт-Петербург

Студентка Олеся Куркина вышла из университета и направилась к импровизированной стоянке машин, на которой ярко выделялась её белая «Тойота» - подарок родителей за успешную сдачу ЕГЭ. Усевшись за руль, она положила сумочку на пассажирское место, завела мотор и стала выруливать между стоявшими по обе стороны «Жигулями»: «Понаставили своих «унитазов» - не развернёшься».

Демонстративно отвернув нос от проходивших мимо сокурсников: «Коммон херд!» (*стадо простолудинов; англ.*), - она выехала на шоссе и помчалась домой.

У Олеси были основания для такого высокомерного отношения к окружающим, ведь она относилась к категории «золотой молодёжи». Мать – председатель городского суда, отец – ответственный сотрудник городской прокуратуры. Как говорится, со всеми вытекающими отсюда для Олеси последствиями. Ей всё давалось легко. Она никогда не знала нужды. Но вот сегодня перед ней стояла очень острая проблема, которая её очень нервировала: вечером в «Юбилейном» будет петь Лепс, а в её обширном гардеробе нет ничего нового.

(СПРАВКА: Григорий Лепс – популярный российский певец начала 21-го века)

А ведь на концерте будет вся питерская знать! В том числе и вызывавшая в ней чувство соперничества губернаторская дочка.

«Крашенная кукла! Точно вырядится во что-нибудь эдакое. Папаня на днях вернулся из Парижа и наверняка ей что-нибудь привёз.

Что же делать? Может как-нибудь скомбинировать старые наряды и за счёт этого создать эффект новизны?..»

Мысли Олеси прервала старая, потрёпанная «четвёрка». Она тащилась впереди и мозолила глаз заключённым в жёлтый треугольный восклицательным знаком – «знаком новичка».

Олеся сбросила скорость и раздражённо вдавила клаксон: езжай, мол, быстрее, урод! «Четвёрка» не реагировала. Тогда она включила «дальняк»: мол, сдай в сторону! Реакция по-прежнему нулевая.

Олеся, чертыхнувшись, повернула руль, резко ускорила и выполнила обгон через «встречку». Вернувшись на покинутую полосу, она обернулась и показала сидевшему за рулём «Жигулей» парню «фак». И тут машину сотряс удар. Олеся инстинктивно нажала на тормоз и выглянула в окно. Представшая её глазам картина была ужасной. На асфальте, на белой «зебре», дымились вывалившиеся наружу кишки. Из лежавшего под её машиной раздавленного мальчика ручьём текла кровь, а чуть поодаль в предсмертных судорогах корчились два его приятеля, которые вместе с ним переходили дорогу.

Олеся изо всех сил надавила на газ и быстро скрылась. Её совершенно не заботило, что она только что лишила жизни трёх детей. Её беспокоило другое - что из-за этого её теперь могут лишить машины...

3

Россия, Владивосток

- Вы позволите, Николай Макарович?

Губернатор Приморского края Николай Макарович Сидорчук, тучный мужчина с красным, излучавшим непреклонную властность, лицом, поднял глаза и посмотрел на просунувшего голову в дверной проём референта. По кабинету прокатился басистый рык:

- Позволяю, входи.

Референт плотно притворил за собой дверь, просеменил, ссутулясь, к губернаторскому столу и, почтительно наклонившись, положил перед начальником список имён и фамилий.

- Это записавшиеся на сегодняшний приём, Николай Макарович.

Сидорчук взгляделся в бумагу.

- Ястребов, Дорошенко, Гройсман, - лениво прочёл он. – Хм, а кто такой Гройсман?

- Новый управляющий краевым филиалом ВТБ.

- А-а-а, - раздражённо отмахнулся губернатор. – Небось, пришёл упрашивать вернуть кредит. Подождёт. Пустишь его последним. Андреев, Натансон... Ну, с Натансоном всё понятно: будет просить денег на свой грёбанный театр. Пустишь его предпоследним. Нарышкин... Этот опять со своей автотрассой. Хон Ен Мин... Так, а это кто?

- Корейский бизнесмен, - пояснил референт. - Хочет построить у нас крупный торгово-развлекательный центр.

- О! - оживился Сидорчук; у него даже задёргался кончик носа, как у почуявшего аромат редкого блюда гурмана.

Он немного подумал, взял ручку и поставил перед фамилией иностранца цифру «1».

- Пустишь его первым. Вторым пусть идёт Нарышкин. Режиссёра и банкира, как я уже сказал, в самый конец. Ну, а остальных разбрасаешь по своему усмотрению.

- Хорошо, Николай Макарович.

Спустя несколько минут перед губернатором предстал респектабельный, пышущий дорогим парфюмом, господин.

- И что вас привело в наши края? – приветливо поинтересовался Сидорчук.

Губы корейца расплылись в широкой улыбке.

- Бизнес. Взаимовыгодный бизнес.

- То, что взаимовыгодный – это хорошо. И чем вы хотите нас порадовать?

- Мы хотим предложить вам строительство современного торгово-развлекательного центра.

Посетитель достал из портфеля буклет и принялся рассказывать о своей компании: что она существует с 1960 года, что дело начинал его отец, что оно досталось ему по наследству, и что их сеть функционирует уже в десятках стран.

Сидорчук слушал и вежливо кивал головой. Точнее, делал вид, что слушает. Ему было абсолютно наплевать, с какого года существует эта фирма, и где она уже имеет место быть. Его больше интересовала не суть, а конкретика. Но, по общепринятому деловому этикету, конкретика всегда должна следовать за сутью. Начинать сразу с неё – это дурной тон. Поэтому он, соблюдая необходимый декорум, терпеливо ждал главного.

- Вот такой объект мы хотим построить и у вас, - наконец подытожил иностранец. - Под него требуется около семисот гектар земли, и мы уже присмотрели себе одно местечко.

Посетитель развернул карту города и обвёл ручкой квадрат.

- Хм, - усмехнулся Сидорчук, - это почти самый центр.

- Мы понимаем, что это будет нелегко, - хитро сузил глаза кореец, - и поэтому хотим спросить, на каких условиях вы будете рады нас там видеть?

- Это будет очень нелегко, - кашлянув, повторил Сидорчук. – На этом участке располагается Покровский парк. Объект, можно сказать, исторического значения. Ему уже почти сто лет.

- Мы понимаем, что это будет очень нелегко, - снова расплылся в улыбке Хон Ен Мин.

Губернатор мазнул его лицо цепким взглядом и увиденным остался удовлетворён: лицо каменное, в глазах алчный блеск, движения спокойные. Всё указывало на то, что человек – деловой.

Сидорчук был опытным чиновником и с подобными типажамы сталкивался не раз. Деловые люди ходили у него в предпочтении. Они понимали, как устроена жизнь, и что всякая благосклонность имеет свою цену.

Сидорчук подобрал перетягиваемый толстым ремнём живот.

- Там прекрасный сквер, любимое место прогулок горожан, - озабоченно посетовал он. - Может возникнуть недовольство... Эх, ладно, - стукнул он ладонью по столу, - рискнём. Пять миллионов евро и двадцать пять процентов в управлении.

- Мы согласны, - невозмутимо кивнул Хон Ен Мин. – Мы не сомневались, что встретим в вашем лице отзывчивого и надёжного партнёра. Когда вы позволите принести вам для ознакомления проект?

Губернатор опустил голову, сведя в гармошку толстые складки, собравшиеся в нижней, переходящей в шею, части его лица, и полистал календарь.

- Давайте в четверг, после обеда, - предложил он. - Вас устроит в четырнадцать ноль-ноль?

- Устроит, - согласился посетитель.

Кореец поднялся с места.

- Позвольте выразить вам глубокую признательность за ваше расположение, - учтиво склонился он.

- А мне вам – за ваше внимание, - любезно ответил Сидорчук. – Мы всегда рады проектам, в которых присутствует общий интерес...

4

Россия, Новосибирск

Валентин Степанович Нечаев, лидер Сибирского отделения партии «Свободная Россия», впился глазами в компьютерный монитор и прокручивал новостную ленту одного из наиболее популярных информационных сайтов.

«Арестован бывший министр строительства Новосибирской области. Он подозревается в крупных хищениях из областного бюджета...»

Не то. Банально. В пронизанной насквозь коррупцией стране этим уже никого не удивишь. Считают за обыденность. Привыкли.

«Французские журналисты выяснили, что проданный недавно на аукционе старинный замок в провинции Шампань был приобретён через подставных лиц одним влиятельным новосибирским чиновником...»

Опять не то. Из той же, надоевшей всем, оперы. Здесь требуются свежие, а не трафаретные варианты.

Нечаев отвёл взгляд от монитора, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Ох, Степанцов! Ну и задал же он задачку! Найти компромат на местные власти, причём такой, который смог бы «на всю катушку» взбудоражить горожан.

Задача-то не из лёгких! Сибирь - это не Северный Кавказ, где для социального взрыва достаточно одной искры. В Сибири народ медлительный, флегматичный, думающий, и просто так его не расшевелишь.

Немного отдохнув и выпив чашку горячего чая, Нечаев вернулся к просмотру новостей.

«В результате пожара, произошедшего в доме престарелых, погибло более двадцати человек. Прокуратура выявила многочисленные нарушения в организации противопожарной безопасности здания...»

Бабушек и дедушек, конечно, жалко. Но это народ не разожгёт. В качестве сопутствующего элемента ещё рассмотреть можно. Но в качестве основы – однозначно нет.

«Ввиду распространения африканской чумы, санэпидемслужба проводит ликвидацию заражённых свиней в фермерских хозяйствах Новосибирской области. У фермера Терemenko забрали всё поголовье. Животные были куплены для выращивания фермером в кредит. Терemenko обратился в органы власти с просьбой компенсировать ему понесённые убытки, но получил на свою просьбу категорический отказ. Осознав, что он не сможет вернуть банку взятые займы средства, фермер покончил жизнь самоубийством, оставив на произвол судьбы беременную жену и трёх несовершеннолетних детей...»

Во, не повезло мужику! Влип - так влип! Такого никому не пожелаешь.

«Жители Первомайского района Новосибирска обратились к губернатору области Авдееву с просьбой вмешаться в деятельность расположенной на территории района овощной базы. Работающие на базе гастарбайтеры, - в основном, это выходцы из республик Средней Азии, - буквально терроризируют людей. Кражи, грабежи, изнасилования давно перестали быть здесь редкостью. Полиция и руководство района никаких мер не принимают...»

А вот это уже поинтереснее!

Нечаев уже собрался было детально проанализировать последнюю ситуацию на предмет принятия её в качестве «основы основ», но тут в его сознании точно что-то сверкнуло, и его внимание снова переместилось к предыдущей новости.

«...санэпидемслужба проводит ликвидацию заражённых свиней в фермерских хозяйствах Новосибирской области. У фермера Терemenko забрали всё поголовье... фермер покончил жизнь самоубийством, оставив на произвол судьбы беременную жену и трёх несовершеннолетних детей...»

Хм! А ведь в этом что-то есть!

Дерзкая, неожиданно возникшая у Нечаева мысль трансформировалась в интересную, обещающую народные волнения, конструкцию. Но чтобы эту конструкцию можно было воплотить в жизнь, требовалось, чтобы кое-что сошлось.

Он свернул окошко новостей, зашёл в «Мои документы», открыл файл с досье на новосибирского губернатора и принялся изучать информацию об его родственниках.

Жена – владелец сети супермаркетов.

Сын – владелец сети АЗС.

Шурин - владелец цементного завода.

Брат – председатель муниципального банка.

Племянник - ...

Нечаев чуть не подпрыгнул от восторга. Его сердце забилося в такт идеи, которая лихо радочно стучала в его голове.

Вот оно! Есть! Племянник – владелец животноводческой фермы, специализирующейся на выращивании свиней.

Так-так! А если историю с фермером Терemenko преподнести следующим образом?

Племянник новосибирского губернатора хочет установить монополию на региональном мясном рынке. Дядя-губернатор решает ему в этом помочь. Он подписывает постановление об истреблении свиней в частных фермерских хозяйствах (разумеется, кроме хозяйства своего племянника), ибо свиньи, якобы, заражены смертельно опасной для человека болезнью – африканской чумой. Но на самом деле никакой африканской чумы в Новосибирской области нет. Все доказательства её присутствия сфабрикованы. А истинной целью губернаторского постановления является намерение устранить конкурентов своего родственника. Беспредел новосибирского губернатора доводит людей до петли!..

О, даже заголовок пришёл на ум: «Свиноцид губернатора Авдеева»...

5

Москва встретила меня трескучими морозами. После знойного, солнечного Гонолулу было, конечно, некомфортно таскать на себе кучу всякой стесняющей тело одежды: пуховик, шапку-ушанку, рукавицы, меховые сапоги. Но ничего не попишешь – климат есть климат.

Нет, снег и мороз не были для меня в диковинку. В нашем Нью-Джерси зимы тоже были морозными, так что я к холодам привык. Просто неприятен был сам перепад, как таковой. Ещё совсем недавно – пляж, тёплая вода, песок, и вдруг вместо этого – снег и сугробы. Кому такое понравится?

- Ты, главное, иди по накатанной, - напутствовал меня шеф. – Психология людей везде одна - что в Америке, что в Африке, что в Европе. Все стремятся урвать. Жажда наживы присуща всем: и негру, и арабу, и славянину, - и этим нужно пользоваться. Основная двигательная пружина в жизни человека – это самолюбие. Все люди – дети. Вовлеки их в игру, в которой они смогут играть желанные роли - и они твои. Они послушно пойдут за тобой. Некоторые, правда, считают, что здесь нужно учитывать и особенности национального темперамента. Но национальный темперамент здесь совершенно не причём. Все люди одинаковые. Просто говорят на разных языках. При желании можно организовать революцию и во флегматичной Финляндии. Но только Финляндия нам не нужна.

- А Россия нужна? – простодушно спросил я.

- Россия нужна, - кивнул Миллер. – Нужна, и даже очень. Всё, что ты делал до этого, по своему значению для национальных интересов Америки – это детский «автограф» на пелёнке.

- А как насчёт загадочной русской души, о которой столько говорится в их литературе? – скорее в шутку, чем всерьёз поинтересовался я. – Она идти по этой накатанной не помешает?

Но Миллер не понял моего юмора.

- Не помешает, - заверил меня он. – Загадочная русская душа безвозвратно испарилась, и русские сейчас такие же, как и все. А раньше – да, раньше они действительно отличались от остальных. Когда я изучал психологию в институте заграничной службы Госдепартамента в Арлингтоне, в том курсе даже присутствовал специальный раздел: «Психология советского человека». Она, кстати, хорошо видна по их старым кинофильмам. Советский человек... в смысле, правильный советский человек... не представлял свою жизнь вне государства. Такая, вот, была там государственная система. Государство давало человеку всё: образование, работу, жильё, социальную защиту, - и всё это совершенно бесплатно. Государство охватывало все стороны существования человека. В Советском Союзе культивировалась атмосфера коллективизма. «Ячество» (от слова «я») предавалось анафеме. Высшими ценностями были: сер-

дечность, открытость, верность традициям, взаимопомощь, патриотизм, вера властям. Но всё это исчезло с крушением Советского Союза, и русским, как и всем остальным, стал присущ горизонтальный индивидуализм. Русские сейчас разобщены, их жизнь протекает в атмосфере соперничества, в насаждении преимущества личного над общественным, они полны недоверия к властям. Так что работать в России можно. Современная Россия – это уже не тот монстр, каким некогда был Советский Союз. Советский Союз был империей. Но любая империя существует лишь до тех пор, пока она может расширяться. Если эта возможность исчезнет, она развалится. После Второй мировой войны Советам удалось сформировать вокруг себя плотное кольцо в виде так называемых социалистических государств. Но благодаря неудачной экономической модели, - неудачной для мирного времени, - недостатки которой были нами использованы с лихвой, это кольцо разрушилось, и Россия превратилась в ошмёток. Пусть крупный, но всё же ошмёток. Ты едешь не на пустое место. Фундамент для проведения операции там есть. «Анаконда» готовилась много лет. Мы вложили в неё уйму усилий и денег. Мы создали и обучили необходимую агентуру. Мы заимели агентов влияния на самом «верху», и теперь настала пора вводить в игру уже приобретённые нами козыри.

- Главное, чтобы эти козыри не оказались краплёнными, - заметил я.

- Опасаешься, что их взяла под «колпак» ФСБ? Вряд ли, - поставил под сомнение мой пессимизм Миллер. – Все эти годы российские спецслужбы были заняты в основном крышеванием крупного бизнеса, но никак не решением своих непосредственных задач. Во всяком случае, у меня нет информации, что из наших агентов там кто-то провалился... Короче, - подытожил шеф, - все условия созданы, все комбинации определены, партию требуется только грамотно разыграть. Вот это и будет твоей задачей. Кстати, нашим резидентом в Москве является один твой давний знакомый.

- Кто? – вскинул брови я.

- Ван Комп. Насколько я знаю, он, в некотором роде, является твоим крёстным отцом. Значит, сработаться вам будет несложно...

Дин Ван Комп!

Услышав это имя, мне не пришлось рыться в пыльных закоулках своей памяти. И Миллер нисколько не лукавил, когда говорил, что этот человек является моим «крёстным отцом». Ван Комп действительно принял немалое участие в моей судьбе. Ведь это именно благодаря ему, я и попал на эту службу.

Наше с ним знакомство состоялось в Ираке, где я служил наёмником в «Чёрном ястребе»...

Как давно это было! Тогда я был ещё совсем зелёный пацан!

(СПРАВКА: «Чёрный ястреб» – крупная частная военная компания. Являлась одним из главных партнёров министерства обороны США по обучению армейских кадров, насчитывала в своих рядах порядка 2,5 тысяч человек, принимала участие в военных операциях в Афганистане и Ираке)

Наш отряд базировался в Багдаде.

Привыкнуть к Багдаду оказалось нелегко. Это был уже не тот цветущий город, каким знали его те, кому посчастливилось побывать в нём до войны. От одного из самых красивых городов на Ближнем Востоке практически ничего не осталось. Это было хаотичное вместилище руин, канализационных миазмов, повальной нищеты и сети мощных бетонных противударных стен, разделяющих стихийно образованные анклавы.

Гнетущее впечатление от послевоенного Багдада усиливал и климат. Если зимой там было ещё хоть как-то более-менее терпимо, то летом начинался не иначе как сущий ад: палящее солнце, томительный зной, раскалённая земля! Чувствуешь себя как грешник на сковородке. Мы ведь ходили там не в пляжном одеянии. Мы были упакованы, что называется, ого-

го! Такие уж были там требования безопасности: камуфляж, бронежилет, каска, карабин, вещмешок. Пот катил с нас градом. Он лил по лицу, стекал за шиворот, струился бурным ручьём между лопатками. Жестокая головная боль клещами выворачивала мозги. Ходишь вот так весь день и чувствуешь себя куском дерьма в выгребной яме, ибо воняло от всех немилосердно, а помыться удавалось далеко не всегда.

Наш отряд был призван заниматься охраной: мы гоняли на бронированных «Хаммерах», сопровождая конвой; катались в затонированных «Паджерах», перемещая какого-нибудь опасавшегося за сохранность своей задницы чина; несли дежурство у стратегических объектов; патрулировали улицы. Но, помимо этого, нас время от времени бросали ещё в какую-нибудь грязь. Официально это называлось «зачисткой территории». Мы приезжали в назначенное место, прочёсывали его сплошняком и уничтожали там всё, что попадалось нам на глаза. Убивали мы без разбору. Женщина или мужчина, взрослый или ребёнок – нам это было всё равно, мы не испытывали при этом никаких угрызений совести. Та мера человеческих чувств и поступков, которая свойственна людям в обычной жизни, была здесь неприменима. Наши души были заключены в железный панцирь. Здесь шла война, в которой нас тоже могли убить. Мы просто выполняли свою работу. Мы убивали, а нам за это платили. Так же, как платят трактористу за то, что он вспахал землю. Так же, как платят строителю за то, что он построил дом.

Зачисткам подвергались, в основном, те районы, которые проявляли свою нелояльность к новым властям. Тем, что воцарились с нашей подачи после свержения Саддама Хусейна.

Насажённую нами власть в Ираке приняли далеко не все. Как ни жесток был Саддам, как ни деспотичны были его замашки, а его авторитет в стране был всё же высок. То, что прощается диктатору-соотечественнику, не сойдёт с рук ставленнику оккупантов. Ирак походил на кипящий котёл, который периодически приходилось охлаждать.

Вот после одной из таких «зачисток» и произошло моё знакомство с Ван Компом.

Как-то нас послали в Эр-Рамади, - есть такой городок на западе Ирака, в ста километрах от Багдада, в провинции Анбар, - и поставили задачу - уничтожить человека по имени Мохаммед Аба-Муса. Это был один из лидеров повстанцев, которые доставляли нам очень много хлопот. Нам раздали его фотографии, очертили квадрат, где его можно было найти. Ну а точное его местонахождение мы должны были установить уже сами.

Мы стали думать, как это можно сделать, и в моей голове созрел хитрый план.

- Боб, - сказал я командиру нашего отряда Бобу Шрамму... Кстати, пренеприятнейший был тип: наглая физиономия, циничная улыбка, стеклянные, какие-то безжизненные, глаза. В мрачном настроении, - ему обычно сопутствовало похмелье, - он походил на немецкую овчарку, которую держали на удушающе коротком поводке. - А почему бы нам не проделать вот такую штуку – давай задействуем для этого дела нашу актрисулю. Дадим ей возможность по достоинству проявить свой талант.

Я говорил о Ханае, молодой бабёнке, которая уже давно крутилась в нашем отряде. Это была броская особа с сияющими, жгучими глазами, способными кого угодно сразить наповал. Актриса. Играла до войны в каком-то театре. Чтобы выжить, приблудилась к нам. Оказывала определённые услуги по, так называемой, «школе верховой езды».

- Представь себе такую картину. Сидит на улице окровавленная девушка, в её руках – грудной ребёнок... Будет лучше, если это будет мёртвый ребёнок... Сидит и льёт горячие слёзы. Вокруг неё, естественно, собирается народ. «Меня изнасиловали, искалечили, моего ребёнка убили, а сделал это высокий бородатый человек. А вот, кстати, и его фотокарточка». Народ, само собой, начинает негодовать, и, как знать, может в толпе найдётся какой-нибудь сердоболец, который опознает нашего «клиента» и сгоряча сболтнёт, где он живёт. Ну, а остальное – дело техники.

Шрамму моё предложение понравилось.

- А что, ничего, - осклабился он.

Моя задумка удалась на славу. Ханаа сыграла великолепно, она была без комплексов во всём. Уговорить её не составило никакого труда. Две стодолларовые бумажки – и она без раздумий согласилась.

Как сейчас помню, день тогда был очень жаркий. Дышалось с трудом, пыль обжигала лицо.

Мы въехали в город, вытолкнули Ханаю из машины на площади возле рынка. Она подождала, пока мы скроемся, и начала причитать...

Обо всём, что произошло потом, я сужу по рассказу Фатиха, этнического турка, служившего в нашем отряде. Мы заблаговременно отправили его на место предстоящего спектакля в качестве «дирижёра». Восточная внешность и местная одежда делали его ничем не отличимым от тех, кто проживал в тамошних краях.

...Ханаа подняла такой вой, что на него сбежался почти весь рынок. Как я и предполагал, вид избитой, окровавленной девушки с трупом младенца на руках никого не оставил равнодушным. Это было само горе. С неё можно было хоть скульптуру лепить: «Отчаяние и страх»...

Да, кстати, насчёт трупа младенца. Мы добыли его в одном мелком селении по пути в Эр-Рамади. Попалась нам там на глаза одна особа. Мы её пристрелили, ребёнка проткнули штыком, и таким вот образом получили нужный реквизит.

...Дождавшись, пока возле неё соберётся внушительная толпа, Ханаа сквозь слёзы поведала обо всех «пережитых ею муках» и предъявила на всеобщее обозрение облик своего «обидчика».

- Этого зверя нужно во что бы то ни стало найти! – разогревал народ Фатих. Драматичные модуляции его голоса зажигали кровь и побуждали к буйному проявлению праведного гнева. – Убийство младенца прощать нельзя! Кто-нибудь его знает? Кто-нибудь может сказать, где он живёт?

- Я его знаю! – выкрикнула какая-то пышущая негодованием старуха. – Он живёт на шестидесятой улице в доме номер пять.

Эта информация была тут же передана нам Фатихом по мобильной связи, и не успела часовая стрелка обежать круг, как «обидчик» Ханай был уже мёртв. Наш налёт произошёл настолько стремительно, что ни он, ни его охрана не успели сделать ни единого выстрела.

Армейское руководство было нами довольно, и через несколько дней меня внезапно вызвали в штаб.

В кабинете, куда меня привели, было темно. Там сидели двое. Мягкий свет стоявшей между ними настольной лампы высвечивал их острые, с тонкими чертами, лица, подчёркивая глубокими тенями морщины на лбу и на щеках. Один, помоложе, был в штатском. Второй, постарше – в военной форме с погонами полковника. Рядом с настольной лампой, хрипя, словно асмастик, крутился вентилятор.

- Это ты придумал всё это представление по поимке Абу-Мусы? – спросил меня полковник.

- Я, - подтвердил я.

- И с чего это тебя вдруг потянуло на такие спектакли?

- А что, разве мы плохо сработали? – возразил я, гадая, в чём здесь может быть «криминал».

- А разве я сказал, что вы плохо сработали? – продолжал, не отрываясь, смотреть на меня полковник. Штатский тем временем вытащил из лежавшей подле него пачки сигарету и закурил. – Я просто хочу узнать то, о чём спросил. Обычно вашему брату-наёмнику свойственна прямолинейность: косить всех подряд. А тут вдруг раз – и такой хитрый поворот.

- Да как сказать, - пожал плечами я. – Просто пришла в голову идея, и всё. Не хотелось проливать лишнюю кровь. Ориентировка ведь была только на этого предводителя.

- Просто пришла в голову идея? – усмехнулся полковник. – И часто тебе приходят в голову такие специфические идеи?

Я снова пожал плечами.

- Ну, хорошо, - вытянул руки полковник. - Давай допустим, что снова потребовалось применить хитрость. Тебе, наверное, известно, что в Эр-Рамади, где вы были, нас, американцев, мягко говоря, не жалуют. Вот что бы ты сделал, если бы тебе поручили улучшить к нам отношение местного населения? Чтобы оно видело в нас защитников, а не врагов. Повысить, так сказать, его лояльность.

Это был не простой вопрос. Я как-то никогда об этом не задумывался. Вначале в моих мыслях царил полный мрак, но затем в этом мраке стали вспыхивать отдельные искорки.

- Ну, во-первых, как мне кажется, нужно, чтобы наши солдаты вели себя по отношению к местным как-то подружелюбней, - проговорил я. - Уважали бы их обычаи, не пьянствовали, помогали. Кому-то, например, помогли бы починить машину, достали бы нужные запчасти. Кому-то подремонтировали бы дом. Или, там, подсобили бы с продовольствием. В общем, делали бы всё то, что порождает чувство благодарности. Можно ещё оказать помощь в борьбе с преступностью. Поймать и передать местному суду какого-нибудь вора, убийцу, насильника. Люди это оценят.

- А если там нет преступности? Если там не воруют, не убивают, не насилуют? – вступил в разговор штатский.

- Значит, нужно её создать, - нашёлся я. – Нанять каких-нибудь отморозков, чтобы те сотворили несколько чёрных дел, а через некоторое время их поймать и устроить публичную экзекуцию на центральной городской площади.

Полковник одобрительно закивал головой.

- А и правда, было бы неплохо провернуть такой фортель! – воскликнул он, обращаясь к штатскому. - Создать мощную банду, которая терроризировала бы весь город, а затем её ликвидировать. ореол защитников после этого нам обеспечен.

Штатский пытливо посмотрел на меня и потёр пальцами виски, словно укладывая в черепную коробку какую-то информацию.

- Мне этот парень нравится, – заключил он. – Котелок у него варит. - Он перевёл взгляд на меня: - Нам нужны люди, которых Господь наградил не только храбростью, но и мозгами. Которые бы не пёрли напролом, а умели бы маневрировать, умели бы хитрить. Есть у нас к тебе одно дело. Дело, прямо скажем, тонкое, и о нём не должен знать никто, даже твои ближайшие друзья. Держать язык за зубами умеешь?

- Умею, - кивнул головой я.

- Так вот, суть этого дела заключается в следующем. О том, что в Ираке существует проблема с продовольствием, ты, конечно, знаешь. Плодородных земель здесь немного. Они сосредоточены на севере и составляют лишь одну восьмую часть всей территории страны. В общем, хлебом себя Ирак не обеспечивает. Ему постоянно приходится его где-то закупать. И для нас, американцев, это хорошо. Соображаешь, почему?

- Чем больше у клиента проблем, тем легче его держать на поводке, - догадался я.

- Умница! – воскликнул человек в штатском и снова принял серьёзный вид. – Но вот в этом году у них всё складывается как-то уж больно хорошо. И курды не бузят, и засухи никакой нет. Министр сельского хозяйства уже объявил на всю страну, что урожай этого года станет рекордным. А это означает ослабление нашего влияния. Так вот, нужно сделать так, чтобы поумерить их пыл. Чтобы бо́льшая часть урожая погибла, и вина за это пала бы на кого-нибудь внутри страны.

- То-есть, нужно кого-то подставить?

- Именно так. Придумаешь, как это сделать – подумаем над тем, чтобы взять тебя к нам.

Он не сказал, куда это конкретно, «к нам». Но своим тоном дал понять, что речь идёт о каком-то элитном подразделении.

- Так как, придумашь?
- Попробую, - пообещал я.
- Дня на размышление хватит?
- Хватит.
- Значит завтра, в это же самое время, мы ждём тебя здесь...

Несколько лет спустя, когда я был уже допущен к секретной информации, я раскопал всю подноготную этого задания. Полковник армии США Дональд Лэффин и сотрудник Центрального разведывательного управления Дин Ван Комп (он как раз и был в штатском; кстати, он был зятем Лэффина) являлись фактическими учредителями фирмы, которая занималась поставками зерна в Ирак. Фирму регистрировали, понятное дело, через подставных лиц. И ситуация с урожаем оказывала самое непосредственное влияние на их доходы. Так что никакой государственной политикой здесь и не пахло. Здесь имел место чисто личный интерес.

Надо сказать, что сращивание деятельности спецслужб с личными интересами их вертушки не являлись чем-то из ряда вон выходящим. Подобные схемы были в порядке вещей. Они просто не предавались огласке. И это было свойственно не только США. Это было свойственно любой стране мира. И бороться с этим, смею вас заверить, было бесполезно. Уж слишком глубоко пустил свои корни этот «грибок». Уж слишком много власть предержащих было задействовано в этих схемах.

Но тогда я ничего этого ещё не понимал и расценивал оказанное мне штабными чинами внимание лишь как дань моей находчивости, но не как стремление сделать грязную работу чужими, то бишь моими, руками.

Моё самолюбие расцвело, на душе заиграли фанфары. Как же, меня заметили, меня выделили! Мне жутко хотелось, чтобы об этом узнали сослуживцы. Но я дал обязательство о неразглашении, поэтому приходилось молчать. Не скрою, тогда это было сродни подавлению могучего сексуального желания монахом.

Я придумал то, о чём меня просили. Правда, это была всего лишь концепция, эскиз, но не подетальный план. Выстроить всё пошагово мне мешало отсутствие знаний по земледелию. Ну, не силён я был в сельском хозяйстве. Поэтому доработку, дорисовку пришедшей мне на ум схемы я решил осуществить уже на месте, в штабе, после того, как узнаю то, что мне требовалось узнать.

- Ну как? – спросили меня Лэффин и Ван Комп, когда на следующий день я снова предстал перед их глазами.

- Всё о'кэй! – бодро отпарентовал я. – Но есть кое-какие «белые пятна».

Я шутливо извинился, что не обладаю всеядностью, и испросил разрешения задать несколько вопросов. В ответ последовал благосклонный кивок.

- Валяй.
- В моём воображении возник составленный накануне алгоритм.
- Если я правильно понял, работать придётся по пшенице.
- По пшенице.
- В каком она сейчас состоянии? Готова к уборке или ещё растёт?
- Ещё растёт.

Одна из ветвей алгоритма автоматически отвалилась.

- Для стимулирования роста этой пшеницы используются какие-нибудь удобрения? – задал следующий вопрос я.

- Конечно, - ответил Лэффин. - В почву при посадке был заложен биогумус. Колосья периодически обрабатываются пестицидами.

- Эти пестициды производятся в Ираке или их завозят из-за границы?

- В Ираке.

- Так, хорошо, - довольно потёр ладонями я. - А каким образом происходит эта обработка?

- С воздуха, - пояснил Ван Комп. - Путём опрыскивания. В небо поднимается вертолёт, он пролетает над посевами и разбрызгивает вниз химикаты... - он прервался. - Чёрт возьми, я, кажется, начинаю тебя понимать! - воскликнул он.

Я скромно улыбнулся и изложил окончательно сформировавшийся в моих мыслях план целиком.

Претворять его в жизнь поручили мне. Через неделю меня переправили в Хит. Это был небольшой провинциальный городок на реке Ефрат. В тридцати километрах от этого городка и располагался объект моего задания - одно большое хозяйство. В помощь ко мне был приставлен местный житель Мукарам, курд по национальности... Ох, и свирепый же был у него видок! Большой покатый лоб, здоровенная, походящая на булыжник, челюсть, могучие жёлтые зубы, которыми он, казалось, мог перемолоть берцовую кость слона. Уж не знаю, на каком-то таком крючке держал его Ван Комп, но все мои задания он выполнял беспрекословно. Причём, никогда не интересуясь, что, зачем, да почему.

- Мукарам, нужно выяснить, когда в хозяйстве собираются производить очередную обработку пестицидами, - говорил я.

- Угу, - следовал ответ, и на следующий день мне уже сообщалась дата.

- Мукарам, нужно выведать, где хранятся химикаты.

- Угу, - и на следующий день я узнавал, где находится склад.

- Мукарам, нужно достать яд.

- Угу, - и на следующий день мне привозили канистры.

Пробраться на склад, - это произошло ночью накануне опрыскивания, - оказалось несложно. Его даже никто не охранял. Видимо, местным хозяевам даже в голову не приходило, что кого-то могут заинтересовать сельскохозяйственные удобрения.

Справившись с помощью Мукарама с большим навесным дверным замком, я оставил своего напарника «на стрёме», а сам проник внутрь. Бочки с раствором стояли у стены в ряд...

Те, кто читают сейчас эти строки, наверное уже догадались, в чём заключалась моя задумка. Ну, а если кто-то ещё не догадался, давайте я сейчас её поясню.

В пестицидах, как известно, содержится яд. При малой концентрации он для растений безопасен, погибают только облюбовавшие растения букашки. Но если концентрацию яда в растворе увеличить в несколько раз, растение попросту сгорит. Не в смысле восплает огнём, а в смысле завянет. Вот это я и решил использовать.

Я подлил в бочки с раствором содержимое привезённых Мукарамом канистр, ничего не подозревавшие крестьяне распылили на следующее утро этот раствор на пшеницу, и о хорошем урожае им в итоге пришлось забыть. Весь урожай погиб. Изготовитель удобрений, - какой-то химический комбинат в Багдаде, - заплатил штраф, а Лэффин и Ван-Комп сорвали тот куш, на который они рассчитывали.

Полковник и его зять сдержали своё слово. Оказанная мною им услуга действительно позволила мне сделать карьерный шаг вперёд. Ван Комп предложил мне связать мою судьбу с его «Фирмой». Не той, которая поставляла в Ирак зерно, а той, которая являлась основным местом его службы.

- И что я буду делать в этом вашем ЦРУ? - выставил глаза я.

- То же самое, что и в «Чёрном ястребе» - заниматься «экспортом демократии», - последовал ироничный смешок. - Но у нас ты будешь делать это на гораздо более высоком уровне. В своём отряде ты просто пушечное мясо, а у нас будешь Человек. Ты станешь не только исполнять приказы, но и начнёшь сам принимать решения. Важные решения. Тебя будут уважать, с тобой будут считаться, тебя будут принимать в расчёт.

- Меня и сейчас уважают, меня и сейчас принимают в расчёт, - возразил я.

- Кто? Солдаты? – рассмеялся Ван Комп. – На их уважении далеко не уедешь. Я имею в виду серьёзных людей, влиятельных людей. Не тех, которыми ворочают, а тех, которые управляют. Твоя работа будет иметь гораздо больший масштаб. Ты будешь не созерцателем, а деятелем. Уловил? Так как, возьмёшь время на раздумье или примешь решение сейчас?

- А чего тут думать? – пожал плечами я. – Я согласен.

Следующие полгода я провёл на «Ферме».

«Ферма» - это такое сленговое название разведывательной школы ЦРУ. Официально она именовалась, конечно, не так. Официальное её название звучало следующим образом - «Экспериментальный тренировочный центр Вооружённых сил США». Я не знаю, кому пришло в голову именовать его «Фермой», но этот «синоним» почему-то прижился.

Находилась «Ферма» рядом с Вильямсбургом, что в штате Виргиния...

Кстати, очень даже милый и симпатичный был городок. К «Ферме» от него вела 64-я автомагистраль.

Ну, что ещё можно о ней рассказать? Территория её была достаточно большая, закрытая, со всех сторон её окружал увитый колючей проволокой забор.

Курсанты центра именовались карьерными стажёрами. Условия жизни были казарменными: все проживали в двухэтажном общежитии, которое было выстроено на берегу озера Пауэлл. Правда, озером его можно было назвать лишь с большой натяжкой. Большая лужа – так, на мой взгляд, будет точней. Но вид из окна всё равно был замечательный.

Учебная программа включала в себя несколько курсов. Курсантов обучали приёмам связи, вести скрытую видео и фотосъёмку, искусно маскироваться, незаметно проникать на различные объекты, вербовать агентов, применять психологический «пресс».

После завершения учёбы карьерных стажёров распределяли по различным подразделениям ЦРУ. Кадры тасовали в зависимости от выявленных способностей. Кто-то на всю жизнь становился бумажной крысой, а кого-то определяли на более серьёзные дела.

Я попал в число вторых. Меня распределили в подразделение, которое организовывало и проводило тайные операции за рубежом. Оно называлось: «Национальная секретная служба»...

...Мои первые впечатления от Москвы оказались смешанными. С одной стороны, конечно, величественно и красиво. Красная площадь, Кремль, Мавзолей – места, которые я раньше видел только по телевизору - смотрелись грандиозно. А с другой – серо. Нет, не в смысле архитектуры. А в смысле психологии живущих в Москве людей. Станный какой-то был в ней народ: половина – крутые, половина – как кисель. И большей частью замкнутые, хмурые, много агрессии. Сделаешь кому-то замечание, - пусть даже и абсолютно справедливое замечание: например, «подрезавшему» тебя на дороге шофёру или бесцеремонно оттолкнувшей тебя тётке в метро, - сразу же выпускали штыки: а ты, мол, кто тут такой? Ещё этот присутствовавший везде уродливый дух наживы! На иностранцев здесь смотрели как на дойных коров, только и норовили их обобрать. Кто особенно меня бесил – так это русские инспектора дорожного движения. Если увидят иностранный номер - остановят по любому, даже по неумело надуманному, поводу. Глядя на них, становилось понятно, почему дорожная культура в России была практически на нуле. А потому, что о ней попросту никто не заботился. У русских инспекторов дорожного движения в приоритете были другие, не имевшие ничего общего с их служебными обязанностями, задачи – «шкурные».

«Привыкай, привыкай, - смеясь, говорил мне Ван Комп, когда я рассказывал ему свои первые впечатления о прогулках по российской столице. – Здесь так принято. Здесь это в порядке вещей».

Мой «крёстный отец» постарел. Заметно постарел. Когда встречаешь человека каждый день, изменений в его облике как-то не замечаешь. Но когда его долго не видишь, их невозможно не уловить. Дин подрыхлел, съёжился, его лицо усеивала целая россыпь морщин. Но его глаза при этом нисколько не изменились. Они оставались такими же, как и прежде: упрямыми, безжалостными, алчными.

Свойственная встречам двух давно не видевшихся людей лирика продолжалась недолго. Бегло помянув общих знакомых, - именно тогда я узнал, что полковник Лэффин не так давно отошёл в мир иной, - мы приступили к делу.

- Так кто ты у нас теперь? – спросил Ван Комп, изучая выданные мне для работы в России документы. – Фил Робертс? Менеджер по маркетингу российского представительства фирмы «Сагмал Фармасьютикал»? Ну что ж, крыша неплохая, надёжная, мы с ними сотрудничаем давно. Поработаешь там месяц-другой, акклиматизируешься, осмотришься, а заодно и проверишь, не прицепили ли к тебе «хвоста». Хотя я думаю, что не прицепят. У ФСБ нет сейчас таких больших штатов, чтобы следить за каждым приехавшим из-за границы торгашом. Если у нас, в Нью-Йорке, на маршруте по иностранцам работают где-то четыре тысячи человек, то у них для этих целей на всю Москву не набирается даже сотни!..

Тут он отвлёкся на телевизор, где разглагольствовал какой-то пышнощёкий персонаж. Ван Комп сложил руки в замок, немного послушал, после чего снова повернулся ко мне.

- Вот, кстати, обрати внимание, - кивнул на экран он, - Виктор Степанцов, лидер партии «Свободная Россия», главный российский оппозиционер. Именно для него дорогу и расчищаем.

- Для этого? – скептически скривил губы я.

- Да, для этого. А чего ты так морщишься?

- Да простоватый он какой-то, - пожал плечами я.

- Простоватый – не простоватый, а бабам нравится, - вскинул указательный палец Дин. - А русские бабы, брат, это мощный электорат, который не учитывать нельзя.

Степанцов мне и в самом деле не понравился. Бочкообразная фигура, плебейские черты лица, манеры, говорящие о сильном пристрастии к приводящим головы в беспорядок напиткам. Ну, не производил он впечатление настоящего лидера нации!

Ван Комп придвинулся ко мне.

- Между нами говоря, он действительно полное дерьмо, - приглушённо добавил он. – Примитивен, как свинья, но в хитрости свинье не уступает. Не остановится ни перед какой подлостью. Спит и видит себя Президентом России. Ради этого, по-моему, готов продать и собственную мать.

- И чем же он берёт? – полюбопытствовал я. - В чём заключается его харизма?

- Как обычно, борьба с коррупцией. Приём практически безотказный. Правда в России эта борьба больше походит на борьбу Дон Кихота с ветряными мельницами. Всё борются, борются и борются - а толку, что называется, ни на грош...

Глава вторая

1

Россия, Москва

Мансур Идигов сидел напротив взиравшего на него с явной неприязнью дознавателя и, нахмутив лоб, писал явку с повинной.

Он пришёл в полицию сам. А что ему ещё оставалось делать, если по нему объявили федеральный розыск? Провести всю оставшуюся жизнь в родительском погребке, вибрируя мелкой дрожью от любого стука в дверь? Ну, уж нет!

Настроение у Мансура было прескверным. Вознамериться просто проучить наглеца и при этом угодить в тюрьму!

До чего же глупо всё получилось! Ну как же это он так не рассчитал? Ударил-то, ведь, не сильно, а ровно с тем расчётом, чтобы вправить перебравшему со спиртным мальчику мозги. Захочу, мол, сниму - тут любой бы не выдержал!

О том, чем закончилась для разозлившего его студента их вчерашняя стычка, он узнал сегодня утром. Ему позвонила и сообщила об этом мать. Она была в страшной истерике: как он мог так опозорить на весь свет их семью?!

Включив телевизор и посмотрев новости, он похолодел. Это был крах! Крах не только его спортивной карьеры, но и всей его жизни. Разве можно считать совместимыми такие понятия, как «тюрьма» и «жизнь»?..

Закончив писать признание и продиктовав следователю номер телефона своей подруги, с которой он был накануне в кафе, Мансур выдвинул из-под стула спортивную сумку, где были сложены захваченные им с собой пожитки для пребывания в СИЗО: полотенце, кружка, смена белья, - после чего глухо спросил:

- Куда мне теперь идти?

- Тебя отведут, не беспокойся, - сурово прорычал дознаватель.

Он выглянул в коридор и позвал конвой...

Люба Короткевич была страшно напугана. Ей ещё никогда не доводилось иметь дело с полицией. Поэтому, услышав в трубке отдававший металлом голос дознавателя, она испытала ледяную дрожь.

- Вы можете сейчас прийти в отделение? – спросил он.

- Могу, - пролепетала она.

- Возьмите с собой документы. Позвоните мне по внутреннему телефону из дежурной части – и я за вами спущусь. Так я вас жду.

- Да, - повторила она и обессилено положила трубку.

Вот так поворот! Вляпалась – так вляпалась. И не знаешь, кого винить. Оба хороши – что Игорь, что Мансур. Придурки! Себя погубили и её подставили. Мало ли что на уме у этих ментов!

Чёрт возьми, и как назло ни одного знакомого адвоката! Проконсультировал бы, что следует говорить.

А может просто рассказать всё как есть? Без каких-либо приукрас и без утайки.

А в чём, собственно, её вина? И надо ли ей бояться? Она Игоря била? Не била. Она Мансура подначивала? Не подначивала. Она просто стояла в стороне и наблюдала их конфликт!..

У председателя «Землячества Дагестана» Беслана Царгаева на душе скребли кошки. Вид сидевшей перед ним убитой горем женщины не мог оставить равнодушным.

Нет, она не плакала, не рыдала. Она изо всех сил старалась выглядеть спокойной. Но её воспалённые глаза, сильно бледное лицо, дрожавшие пальцы, беспрестанно теребившие лежавшую на её коленях сумочку, предательски выдавали владевшее ею отчаяние.

- Ну чем я могу вам помочь, Фарида Расуловна! – беспомощно разводил руками он. – Я же не судья, не прокурор, не следователь. Я всего-навсего руководитель общественной организации.

- Неужели у вас нет никаких связей? Ему бы хорошего адвоката.

- Хорошего адвоката найти, конечно, можно, только это вашего Мансура вряд ли спасёт. На нём, ведь, не мелкое хулиганство. На нём убийство. У-бий-ство!!! К тому же все доказательства налицо: видеозапись, свидетели.

- Ну помогите, хотя бы, с адвокатом.

- С адвокатом я помогу. Есть тут у меня кое-кто на примете. Но здесь есть ещё один вопрос. Вы в состоянии оплатить его услуги?

- В состоянии, - сквозь зубы произнесла женщина и отвела глаза.

Царгаев внимательно посмотрел на неё и тяжело вздохнул.

- Понятно. Ладно, с этим мы разберёмся. Поговорю с ребятами – постараемся как-нибудь облегчить ваш крест. Вы в Москву надолго?

- Не знаю. Как получится.

- Вам есть, где жить?

- Да я ещё не искала. Из аэропорта сразу к вам. Затем поеду к сыну. Ну, а уж потом позабочусь о себе... Да вы обо мне не беспокойтесь. В крайнем случае, переночую на вокзале.

Царгаев нахмурил лоб и поднял телефонную трубку.

- Мурза? Привет, дорогой. Как дела?.. Ну, молодец. Пусть так оно будет и дальше. Слушай, тут надо кое в чём помочь. У меня сидит мать нашего Мансура... Да, да, Идигова. Ей нужно где-то остановиться. Найдёшь что-нибудь?.. Спасибо, дружище, спасибо... Нет, звони мне. Я отвезу её сам. Только скажи, куда...

Адвокат Мурад Эльмурзаев сидел в своём офисе и продумывал речь к завтрашнему судебному процессу. В дверь постучали. Эльмурзаев поднял глаза.

- Да?

В комнату заглянул элегантный молодой человек.

- Здравствуйте. Можно? – учтиво осведомился он.

- Здравствуйте, - ответил Эльмурзаев. - Проходите. Слушаю.

Посетитель плотно притворил за собой дверь и уселся на предложенное ему место.

- Я по поводу Мансура Идигова. Мне сказали, что защищать его будете вы.

- Да, я, - кивнул адвокат. - А вы, собственно, кто? Вы от Царгаева?

- Нет, я не от Царгаева. В «Землячестве Дагестана» я не состою. Я представляю людей, которые хотят помочь Мансуру.

Эльмурзаев отложил бумаги завтрашнего процесса в сторону. Он неоднократно сталкивался с подобными визитами и против них нисколько не возражал. Такие визиты, как правило, приносили пользу. Если у подзащитного находились влиятельные родственники или знакомые, которые своим участием смягчали судебный приговор, все лавры победителя доставались ему: «отмазал» клиента, хороший адвокат.

- Ну, что вам сказать... Ситуация пока неблагоприятная. Есть видеозапись, есть свидетельские показания. Сто одиннадцатая, часть четвёртая – до пятнадцати лет.

- Неужели человек может умереть от удара кулаком?

- Смотря, кто будет бить. Если чемпион по боевым единоборствам, то может. Следует мощный удар в голову, мозг бьётся о заднюю стенку черепной коробки, повреждается мозжечок – и в итоге смерть.

Посетитель слегка кашлянул и понизил голос до шёпота.

- Мурад Арсланович, вы позволите начистоту?

- Позволю.

- Что можно сделать?

- Если вы имеете в виду меня, то я не волшебник. Я адвокат. Мои возможности ограничены степенью очевидности доказательств. Чем очевиднее доказательства, тем уже пространство для манёвра. Можно, конечно, договориться со свидетелями. Большинство людей идут на сделку, если цена вопроса достаточно высока. Но есть один препон - видеозапись. На видеозаписи преступление вашего Мансура налицо. Не будь её, можно было бы попытаться представить дело в том плане, что пострадавший сам накинулся на своего убийцу, а тот, дабы защитить свою жизнь, вынужден был нанести ему упреждающий удар. Сто восьмая статья, превышение пределов самообороны - здесь до двух лет. Но как противоречить тому, что запечатлела камера? А камера запечатлела, что никакой угрозы жизни со стороны пострадавшего вашему чемпиону не было.

- А если убийство в состоянии аффекта? Тот студент, ведь, его оскорбил.

- Сто седьмая? Не пройдёт. Оскорбление, каким бы обидным оно ни было, убийство не оправдывает. К тому же аффект – это совсем другое. Если бы человек, которого вы убили, был повинен в смерти члена вашей семьи - тогда это аффект. Но оскорбление – ни в коем случае. Если бы убийство можно было оправдать оскорблением, у нас началась бы такая вакханалия, что не приведи Господь. В общем, - по-барски откинулся на спинку кресла адвокат, - по тому состоянию дела, которое я вижу сейчас, прогнозировать могу не менее восьми лет. Без амнистии. На тяжкие преступления амнистия не распространяется.

- А если бы эта видеозапись, скажем, как-нибудь исчезла?

Эльмурзаев усмехнулся.

- Не пойдёт. Вряд ли кто в полиции захочет себя этим марать. К тому же эта видеозапись крутится в Ютубе, показывалась на многих телеканалах, так что достать её копию не составит никакого труда.

- Мурад Арсланович, а если выйти на судью?

- На судью? Рассматривать это дело будет Василий Петрович Гавриленко. Человек обеспеченный, пожилой, к тому же старой закалки. На контакт он не пойдёт. Если у вас действительно серьёзные намерения, то я бы порекомендовал вам выйти на прокурора. В юриспруденции существует такая хитрость: судья не имеет права назначить наказание тяжелее того, чем требует прокурор. Вот за это можно зацепиться. В нашем деле обвинение будет представлять Раиса Константиновна Леонова. Сказать о ней что-либо я не могу. Сталкивался с ней лишь однажды. Но прощупать её, конечно, можно.

- Мурад Арсланович, мы можем на вас рассчитывать?

Эльмурзаев снова усмехнулся и выразительно посмотрел на собеседника.

- Если в плане ведения деликатных переговоров - то да.

Посетитель раскрыл дипломат, достал оттуда две денежные пачки и положил их на стол.

- Это, так сказать, аванс.

Эльмурзаев небрежно смахнул их в ящик.

- Попробую, - кивнул он. – Но обещать чего-либо, сами понимаете, не могу. Я её очень плохо знаю.

- В этом мы вам поможем, - пообещал молодой человек. – В самое ближайшее время вы будете знать все её «болевые точки»...

2

Россия, Санкт-Петербург

Председатель Санкт-Петербургского городского суда Виктория Львовна Куркина бухнулась в служебную машину и судорожно выдохнула:

- В Управление ГИБДД.

Водитель завёл мотор и с любопытством покосился на свою начальницу: в таком возбуждении он видел её впервые.

Виктория Львовна закрыла глаза и сделала медленный, глубокий вдох.

«Спокойно, спокойно, - сказала себе она. - Нужно сохранять самообладание. Володя поможет. Должен помочь. Ведь я ему в своё время помогла. У него тоже были проблемы с сыном... Ой, ну какая же Олеська дура! Какая дура! Говорила я мужу, не надо ей пока дарить автомобиль. Рано ещё, пусть станет постарше. Нет, настоял. Что мы, мол, хуже соседей? Те своей подарили, так почему бы и нам своей не подарить? И как её только угораздило? Неужели не видела, что дети, что пешеходный переход? Сбила бы какого-нибудь алкаша на повороте – ещё куда ни шло. Как-нибудь бы отмазали: мол, сам бросился под колёса, рассчитывал на шантаж. Но детей! И не одного, а целых трёх!...».

Начальник Управления ГИБДД по Санкт-Петербургу полковник Владимир Николаевич Бобков к визиту Виктории Львовны отнёсся настороженно. Было очевидно, что она пожаловала к нему неспроста, и что у неё возникла какая-то серьёзная проблема. А он не любил чужих проблем. И особенно не любил, если о помощи просили люди с положением. У непростых людей и проблемы непростые, а ему страсть как не хотелось пятнать свой мундир.

- Рад вас видеть, Виктория Львовна, - сдержанно поприветствовал её он. - Что у вас случилось?

- Дочь у меня попала в переделку. Сбила трёх пацанов, - с ходу выпалила Куркина.

Бобков присвистнул.

- Вот так дела! Ну, если они переходили улицу в неполюженном месте...

- Да в том-то и дело, что в полюженном. По «зебре».

- Это уже хуже. Они живы?

- Один, скорее всего, нет. По двум другим – не знаю.

Владимир Николаевич помрачнел и стал тщательно подбирать слова для деликатного отказа. Но Виктория Львовна не дала ему завершить этот процесс.

- Володя, у твоего Костика тоже был «косяк». Сколько он там уворовал? Если мне не изменяет память, миллионов тридцать. Так срок давности этого дела ещё не истёк. Подадут сейчас потерпевшие новый иск на пересмотр решения в связи со вновь открывшимися обстоятельствами – я не обещаю, что смогу тебе помочь.

Это был завуалированный ультиматум. Начальник ГИБДД сжал кулаки. Виктория Львовна держала его за горло. Несколько лет назад она действительно помогла его сыну избежать тюрьмы. А долг, как говорится, платежом красен.

- Трудно это будет, - тяжело вздохнул он.

- Мне тоже было трудно, - ледяным тоном парировала Куркина.

- Ну ладно, ладно, - сдался Бобков. - Попробую что-нибудь сделать. Где это произошло?

- На Путиловской.

- Путиловская, Путиловская... Какой это район?
- Заводской.
- Так, Заводской. У нас там, по-моему, Кошарный.

Владимир Николаевич нагнулся к селектору:

- Олег Степанович? Добрый день. Слушай, что у тебя там за ЧП на Путиловской? Говорят, сбили трёх ребятшек... Ах, вот оно как. Да, прискорбно. Машину установили?.. Угу... Угу... Понятно. Слушай... хм... ты вот что, бери-ка весь собранный материал и давай ко мне. Надо кое-что обсудить... Ну, как тебе сказать? В общем, здесь замешана дочь одного очень уважаемого человека. Оч-чень уважаемого! – со значением повторил он.

Начальник ГИБДД положил трубку и озабоченно забарабанил пальцами по столу.

- Плохо дело, Виктория Львовна. Виновная скрылась с места происшествия, есть свидетели, имеется видеозапись.

- Там что, камеры?

- Нет. У ехавшего за твоей дочерью парня был видеорегистратор... Кстати, дети мертвы. Все трое. Первый погиб на месте, двое других умерли по пути в больницу. Надо ещё выяснить, чьи это были дети. Если из простых, то..., - полковник пренебрежительно махнул рукой. - А если не из простых?..

Дома Олесю ждала грандиозная выволочка.

- Ты понимаешь, что ты натворила! – кричала на неё мать. – Ты подставила под удар не только себя! Ты подставила под удар меня и отца! Ты помнишь, кто твои родители?! Ты представляешь, какой здесь может быть резонанс?!

- Да они сами под колёса полезли!

- Как же, сами! Ты что, не видела пешеходный переход?

- Не видела.

- Чем же ты занималась?

- Обгоняла одного мудака!

- Вот и обогнала! Кстати, у этого «мудака» был регистратор! И моли бога, чтобы он не выложил запись в Интернет!

- С ним, что, нельзя договориться?

- А кто будет договариваться? Ты?

- Да хотя бы и я.

- А где возьмёшь деньги?

- Мама, перестань!

- Нет, не перестану! Наделала делов – так молчи! Значит так, ключи от машины - на стол. Поедешь пока на троллейбусе. И вот ещё что. Чтобы в ближайшие дни была беременна.

- Мама?!!!

- Да, именно так! – безжалостно отрубила Куркина. - Можешь лечь под кого угодно. Если не удастся тебя отмазать, именно беременность спасёт тебя от тюрьмы. Получишь условно, а там будет видно.

Олеся, на манер трагедийных киногероинь, возвела очи «о, горе»...

В одиннадцатом часу вечера в доме Бобковых раздался звонок.

- Это, наверное, ко мне, - сказал Владимир Николаевич и, оставив домочадцев у телевизора, вышел в прихожую.

За дверью стояла Виктория Львовна Куркина.

- Ну? - спросила она, едва переступив через порог.

Бобков поднёс палец к губам и знаком предложил ей пройти на кухню. Когда они расположились за столом, он приглушённо сказал:

- Значит, так. Родители жертв ничего серьёзного собой не представляют: школьная учительница, уличная торговка, автослесарь. В общем, всякая мишура.

- Слава богу!

- Погоди. Ты новости смотрела?

- Смотрела. Ну и что?

- А то, что огласка в таком деле вредна.

- Вова, миром правят не журналисты. Во всяком случае, не в нашей стране. Потрындят, потрындят – и затихнут. Ты что-нибудь придумал?

- Придумал. Кошарный это дело перекроит. Но ты свою дочку всё же отправь куда-нибудь подальше, чтобы её можно было не найти...

Виктория Львовна вышла на улицу, сделала знак шофёру, чтобы ехал без неё, и зашагала домой пешком. В её душе играла тревога.

Нужно продержаться. Продержаться, во что бы то ни стало. Если её отправят в отставку, от Бобкова вряд ли можно будет что-нибудь ожидать.

«Страшная трагедия произошла сегодня на улице Путиловской. Молодая девушка, управлявшая дорогой иномаркой, сбила на пешеходном переходе трёх детей и скрылась с места происшествия. Дети скончались. Как сообщили нам информированные источники, за рулём машины находилась дочь председателя Санкт-Петербургского городского суда Олеся Куркина. Мы связались с главным управлением ГИБДД по Санкт-Петербургу. Нам сообщили, что по факту происшествия возбуждено уголовное дело...».

Этот репортаж из телевизионных новостей продолжал греметь в её ушах. Ещё никогда её фамилия не попадала под столь скандальную огласку.

«Ну и что? – старалась утешить себя она. - На бывшего министра обороны, вон, тоже заводили уголовное дело: развалил армию, продавал за бесценок военное имущество. Шуму было на всю страну. Однако же выкрутился! Тюремные сроки получили только «шестёрки». Или другой случай - подмосковные прокуроры попались на крышевании игорного бизнеса. И что в результате? Дело даже не дошло до суда!...»

3

Россия, Челябинская область, Усть-Катав

Роман Мартынов был замкнут. И это в свои-то шестнадцать лет – самый, можно сказать, активный возраст! Ну, уж таков он сложился по природе. Он был по-детски застенчив, а потому и одинок.

Его, конечно, тяготило это вынужденное одиночество. Это только для закоренелых отшельников оно есть самая желаемая среда. Но Роман по своей натуре не был отшельником. Ему очень хотелось иметь друзей. Ему хотелось, чтобы им восторгались, ему хотелось, чтобы им восхищались. Но для того, чтобы тобой восхищались, нужно чем-то отличаться от остальных, нужно чем-нибудь блеснуть. А Роман не умел блистать. Он не мог вести себя эксцентрично. Он был тих и скромен, он ничем не выделялся на общем фоне. Он что был, что его не было, и на него, естественно, никто внимания не обращал.

Чтобы восполнить недостаток в общении, Роман погружался в сетевые интернет-игры. Эта была его своеобразная отдушина. Это была его живительная среда. Там он был героем, там он был звездой. И вот как-то однажды его внимание привлекла одна реклама – «Стань Че Геварой!». И он заинтересовался этой, только что появившейся в интернете, новой игрой.

«Стань Че Геварой!

Че Гевара – это Человек с большой буквы! Это эталон решительности, железной силы воли и искреннего желания сделать мир лучше!

Стань Че Геварой! Стань героем! Возвысься над обыденностью! Стань кумиром людей! Если тебе удастся войти в число победителей нашей игры, о тебе узнают миллионы!..»

(СПРАВКА: Эрнесто Че Гевара – латиноамериканский революционер, один из лидеров кубинской революции 1959 года)

Система присуждения очков здесь значительно отличалась от других сетевых игр. Никакой автоматизации. Очки начислял лично Администратор. Задания участникам также раздавал непосредственно он. Отчётом о выполнении задания служил размещённый на личной страничке «ВКонтакте» видеоролик.

Роман, недолго думая, зарегистрировался, и на следующий день обнаружил на своей электронной почте следующее письмо:

«Дорогой друг! Мы получили твою заявку. Но в нашу игру мы принимаем только сильных духом людей. Если ты чувствуешь, что в случае опасности над тобой начинает довлеть страх, поищи себе лучше какое-нибудь другое занятие. Поиграй, например, в «Тетрис». Но если ты считаешь себя сильным человеком, продемонстрируй свою храбрость, пройди предварительный тест. Без врождённой храбрости нельзя стать личностью – личностью с большой буквы, каким был легендарный революционер Эрнесто Че Гевара. Покажи, что ты храбр. Выбор способа мы оставляем за тобой. Но ты при этом должен соблюсти одно обязательное условие – ты не должен трогать слабых и беззащитных. Введи в дискомфорт какого-нибудь негодяя. Например, паразитирующего на людских трудностях чиновника или нажившего себе состояние нечестным путём торговца. Можно проколоть шину в его автомобиле, можно разбить в его доме окно. Реши сам, что можно сделать. Чем оригинальнее, чем чувствительнее для объекта будет выбранный тобой способ, тем выше будет начисленный тебе балл...»

Когда тебе открыто заявляют, что подозревают тебя в трусости, само собой возникает желание доказать, что это не так. И Роман попался в эту, рассчитанную на подростков, психологическую ловушку.

О том, на ком показать свою храбрость, Роман даже нисколько и не задумывался. В соседнем подъезде жил один «свин», которого ненавидел весь дом – ответственный чиновник, заместитель главы районной администрации. Запредельное высокомерие всех членов его семейства, плюс незаконно установленный на детской площадке, невзирая на все протесты жильцов, личный гараж, сформировали крайне негативное отношение к нему в прилегающей к их дому округе.

Прохождение теста на храбрость состоялось уже вечером следующего дня. Местом засады был выбран соседний подъезд, лестничная площадка между первым и вторым этажами.

Увидев из окна подходящего к подъезду «свина», Роман натянул на голову балаклаву и положил в нагрудный карман куртки включённый в режим видеозаписи смартфон.

«Свин» поднимался медленно. По всем признакам, он был пьян. Шарканье его нетвёрдых шагов перемежалось с тяжким кряхтением и отрывистым покашливанием.

Когда он поравнялся с Романом, тот резко выбросил руку вперёд и выпустил из зажатого в кулаке газового баллончика щедрую струю в физиономию «объекта».

«Объект» оторопел. Он явно такого не ожидал. Чиновник схватился за лицо, отвернул голову и беспомощно упал на колени.

Но это было ещё не всё.

Роман поднял стоявшую у стены, наполненную продуктами его малых испражнений, баклажку и вылил её содержимое на голову «свина».

В воздухе распространилось тошнотворное зловоние. «Свин» жалобно заскулил...

Реакция Администратора на выгруженный Романом видеоролик была восторженной: «Браво!». И по итогам предварительного теста Роману был выставлен самый высокий балл.

4

Россия, Владивосток

Гриша Кэб был человеком рисковым и решительным. В «лихие девяностые» он навёл страх на всех. В подконтрольном ему районе никто из торговцев не ерепенился. «Взносы» исправно платили все: что владелец кафе, что мелкий лоточник. Льгот Гриша никому не давал. Если кто-то начинал бузить, разговор был короткий. Одно из двух - либо в гроб, либо в инвалидную коляску. Торговцы это знали, и на них это действовало.

Ответственности Гриша не боялся, ибо у него всё было «на мази». Гриша понимал, что он тоже должен делиться. И, самое главное, понимал с кем.

К концу девяностых, когда процесс постперестроечного накопления капиталов в России подошёл к концу, и уголовная составляющая бизнеса пошла на убыль, Гриша решил выйти из тени в свет. Учредил строительную фирму, стал застраивать новые микрорайоны и постепенно трансформировался в представителя цивилизованного истеблишмента. Его уже не называли «Гриша Кэб». Теперь его именовали Григорий Сергеевич Кабалов, и никак иначе. Уважаемый человек, депутат. А что касается криминального прошлого, то о нём попросту забыли. Деньги, как известно, не пахнут. И говорить об их происхождении в высших кругах – это дурной тон.

Будучи уже в возрасте, - ещё не пенсионном, но всё-же уже почтенном, - в какой-то момент он решил удовлетвориться достигнутым и спокойно дожить свой век. Но тут его взбудоражил Степанцов, с которым он познакомился на одном представительном мероприятии. Оно называлось «Всероссийский форум деловой элиты».

- Поможешь мне стать Президентом – станешь хозяином края, - недвусмысленно пообещал ему тот.

Хозяин края! Это была, действительно, заманчивая перспектива.

Немного подумав, Кабалов выразил своё согласие.

- Начинается одна большая игра, - доверительно сообщил ему Степанцов. – Есть очень серьёзные люди, которые недовольны Рогачёвым. Нам нужен влиятельный человек, который смог бы организовать во Владивостоке народный бунт. И даже не просто бунт, а самое настоящее вооружённое восстание.

- Вооружённое восстание? – удивлённо вскинул брови Кабалов.

- Да, вооружённое восстание, - подтвердил Степанцов.

- Но по какой причине?

- Причина будет. Сценарий такой: народ «поднимает на вилы» нынешнего губернатора Сидорчука и захватывает органы местной власти; после этого появляется миротворец, – то бишь ты, - который всех успокаивает, разряжает обстановку, берёт управление краем в свои руки, и далее делает то, что будет нужно нам.

- А без вооружённого восстания никак нельзя? Ведь это же, всё-таки, чрезвычайка.

- А без него не обойтись, - развёл руками Степанцов. – Без него выстроенную Сидорчуком систему не нейтрализовать. У него ж, куда ни глянь, везде свой человек. И пока он в силе, его люди от него не отступят. Но они сразу же отвернут от него свои носы, если в Кремле решат его убрать. Закон выживаемости номенклатурной среды – объявлять бойкот тому, кто попадёт в опалу! Станут там поддерживать губернатора, который довёл свой край до народного бунта? Наверняка не станут...

Россия, Москва

Арбитр дал свисток и решительно указал на одиннадцатиметровую отметку. Игроки команды «Звезда» бросились благодарить своего упавшего в штрафной площадке нападающего. Их соперники, футболисты команды «Гладиатор», плотным кольцом окружили судью. Перепалка продолжалась долго, но для игроков «Гладиатора» закончилась ничем. Арбитр не изменил своего решения, и мяч был установлен на «точку».

Удар – гол.

Исход поединка стал ясен, ибо до окончания встречи оставалось чуть более двух минут.

С фанатской трибуны «Гладиатора» раздался оглушительный свист. Убеждённые в предвзятости арбитра «ультрас» дали волю своим эмоциям.

Стоявший внизу, у ограждения, вполоборота к полю невысокий, светловолосый, крепко сложенный молодой человек поднёс ко рту мегафон и взмахнул рукой:

- Позор!

- По-зор! – в едином порыве выдохнула трибуна и принялась дружно скандировать вброшенный крепышом клич: - По-зор! По-зор!..

Крепыш, многолетний лидер фанатского клуба «Гладиатор» Егор Пригодин, по прозвищу Кувалда, скрестил руки над головой. Трибуна послушно смолкла. Он поднял правую руку:

- Судья п...рас!

Фанаты дружно обвинили арбитра в нестандартной сексуальной ориентации.

Оцепившие трибуну полицейские неодобительно взирали на нарушавших нормы приличия болельщиков, но стояли на месте. На карательные действия приказ пока не поступал.

Располагавшаяся через сектор фанатская трибуна «Звезды» огласилась издевательским улюлюканьем: «Ра-бы! Ра-бы!».

Пригодин не стерпел. Он мстительно сжал губы, вытащил из кармана красную карточку и поводит ею по сторонам. Это был условный сигнал. Он означал: «Быть бою».

И бой произошёл. Соперничающие фанатские группировки схлестнулись у близлежащей станции метро.

Сражение было жестоким. Хлестала кровь, на асфальт падали выбитые зубы. Торжествовал разгул слепой силы и безумной ненависти, упоение яростью и костный хруст.

Выходившие из метро люди испуганно останавливались и спешно возвращались назад, дабы не угодить в водоворот этих, повышенной дикости, событий.

«Ужас! Да что же такое делается! И куда только смотрит полиция! Кошмар!»

Но полиция не бездействовала. Она изо всех сил пыталась остудить разгоревшиеся у метро страсти. Но фанаты раскалились настолько, что она ничего поделать с ними не могла.

Полицейскую волну прорезал истошный крик. В голосе кричавшего отчётливо сквозила растерянность.

- Первый, первый, прошу подкрепления! Ситуация вышла из-под контроля! Фанаты просто обезумели! Урезонить их никак не удастся! Они сейчас друг друга перебьют!

- Может тебе ещё танки прислать и авиацию? – насмешливо раздалось в ответ. – Вы сотрудники полиции или младшая группа детского сада? С соплячём справиться не можете!..

Лидер фанатов «Гладиатора» Егор Пригодин вёл бой в самых первых рядах.

- Вперёд, пацаны! – кричал он, раздавая кулаками направо и налево. – Лупи их в сморкало! Зададим этим «козлам»!

И «гладиаторские» фанаты послушно следовали за своим лидером, являя собой неудержимый, сеющий разрушения, поток. Глаза дерущихся сверкали, точно раскалённые угли. Пульс работал в перегрузочном режиме.

Сержант полиции Василий Крутых, тяжело дыша, отступил назад. Чуть наклонился, восстановил сбившееся дыхание, поднял резиновую дубинку и снова вклинился в охваченную агрессией толпу.

Один удар, второй, третий. Но его дубинка для опьянённых кровавым азартом боя фанатов была что в лоб, что по лбу. Поглощённые выяснением своих межклубных противоречий, они не обращали на неё никакого внимания.

Сержант Крутых решил сменить тактику и схватил первого попавшегося под руку «ультрас». Это был фанат «Гладиатора» Денис Токарев. Тот самый, боявшийся в детстве уколов, мальчик, о котором шла речь в предыдущей главе.

Денис уверенно брал верх над вступившим с ним в поединок соперником, - тот был уже на последнем издыхании, - как вдруг чья-то мощная рука крепко ухватила его за воротник. Денис не удержался на ногах и упал. Выдернувший его из толпы сержант Крутых занёс над ним резиновую дубинку.

Денис попытался увернуться, но не успел и получил чувствительный удар по голове. В его глазах потемнело.

И тут за спиной полицейского неожиданно вырос Кувалда.

- Беги! – крикнул он Токареву, столкнув сержанту каску на глаза.

Не ожидавший нападения сзади полицейский ослабил хватку. Денис изловчился и вывернулся. Ему удалось удрать. Но Пригодину Крутых уйти не дал. Он в бешенстве отвесил ему размашистую оплеуху, после чего забросил в автозак. В этом ему помогли подоспевшие на помощь полицейские...

За всей этой творившейся у входа в метро катавасией никто не обратил внимания на один, стоявший неподалёку, серо-зелёный автомобиль – грузопассажирский микроавтобус, легендарную «буханку», прозванную так в народе за своё сходство с этим хлебобулочным изделием. А между прочим, эта «буханка» стояла здесь не просто так.

Сидевший за её рулём шофёр, как казалось со стороны, ничего не видел и не слышал. Его отсутствующий вид читался даже в стёклах его солнцезащитных очков. На самом же деле он ни на одно мгновение не терял контроля над тем, что происходило вокруг, и старательно всё фиксировал.

Дождавшись окончания драки, он обернулся к сидевшему в глубине кузова напарнику и негромко произнёс:

- Выключай генератор, поехали.

Взревел мотор, «буханка» тронулась с места...

Егор Пригодин сидел в камере вместе со своими братьями по фанатскому движению. Причём, с братьями по обе стороны «баррикад». Фанаты «Звезды» и фанаты «Гладиатора» были врагами только на стадионе, а в полицейском «обезьяннике» их вражда сходилась на нет. Здесь они были братьями по несчастью. Здесь правил балом их общий враг.

Егор поводил глазами по сторонам, и тут его взгляд упал на ссутулившегося четырнадцатилетнего парнишку, который, по всей видимости, угодил в полицию впервой. Это читалось по его встревоженному взгляду. Вон, с перепугу даже снял с себя клубный шарф.

- Эй, дружище! – обратился к нему Пригодин. – Чего так не весел? Да не будет тебе ничего, не дрейфь. Прочитают мораль, оштрафуют рублей на пятьсот и отпустят с миром домой.

Инициатива Егора тут же была поддержана и другими «пленниками». По камере прокатились ободряющие возгласы. Фанаты поочерёдно подходили к впадшему в уныние собрату и по-дружески трепали его по плечу.

Поддержка возымела действие. Мальчишка расцвёл, и клубный шарф вернулся на своё прежнее место.

- Кстати, «гладиаторы», - подал голос кто-то. – Что с вами сегодня случилось? Чего вы так озверели? Вы что, из-за этого «пеналю» нас решили убить?

- С нами случилось? А может быть с вами? Это вы озверели. С таким остервенением вы нас не лупили ещё никогда.

- Так, всё, хватит, закрыли эту тему! – распорядился Пригодин. – Поговорим о чём-нибудь другом.

И тема сегодняшней драки была закрыта. Кувалда в фанатском движении имел непрекаемый авторитет. И не только потому, что был в нём самым старшим, - ему было уже под тридцать, - но и за то, что имел ярко выраженный уклад жоака.

Пригодин был неординарной личностью. На первый взгляд, как будто, прост и понятен: держался со всеми на равных, был доброжелателен и открыт. Но стоило узнать его поближе, как становилось ясно, что за всей его кажущейся простотой таится очень сложный внутренний мир.

Опытный физиономист мог без труда прочесть по его лицу воспалённое тщеславие: острые черты, тонкие губы, решительное, энергичное выражение глаз, выразительность которых усиливала прямая линия густых, почти что сросшихся на переносице, бровей. Да, собственно, и его походка немало свидетельствовала об его характере. В ней чувствовалась выправка бойца: корпус прямой, плечи немного развёрнуты, подбородок чуть поджат.

В нём жило неутолённое честолюбие. В нём постоянно бурлила непреходящая жажда борьбы. Солью его жизни был риск. Без чувства риска он точно терял свою силу. Он словно родился с жаждой крови в душе. И фанатское движение стало для него той живительной средой, которая в самой полной мере питала его «Эго». Здесь его почитали, здесь ему подчинялись, здесь ему буквально «смотрели в рот»...

Пригодина выпустили на следующий день. Как и всех остальных задержанных накануне фанатов. Свозили в мировой суд, пропустили сквозь сито Административного кодекса, пожурили: мол, так вести себя нельзя, - и отправили, что называется, восвояси.

Выйдя из здания суда, Пригодин пересчитал валявшуюся в кармане мелочь: на автобус хватит, - двинулся было к остановке, но тут вдруг к нему подошёл какой-то человек.

- Хм, привет. Есть разговор.

Пригодин дерзко посмотрел на незнакомца: это что ещё за мажор? Цивильный костюм, шёлковый галстук, очки, острый, напоминающий птичий клюв, нос, поджатая верхняя губа, придававшая лицу определённый шарм, - было такое впечатление, что её защемило между передними коронками,

- А ты, собственно, кто? – враждебно процедил он.

Незнакомец улыбнулся. Глазам Егора предстало удостоверение помощника депутата Государственной Думы Олега Валерьевича Прудюса.

Пригодин самолюбиво встал в позу:

- И что?

- Ничего, - пожал плечами Прудюс. – Ты спросил, кто я такой – я ответил. Или тебя чем-то обидел подобный способ представления?

В его глазах заиграл ироничный огонёк. Лидер фанатов «Гладиатора» даже ощутил некоторую неловкость.

- Егор, нам очень нужно с тобой поговорить, - доверительно произнёс Прудиус, сделав ударение на третьем и четвёртом слове. – Меня попросил организовать с тобой встречу один влиятельный человек. Я могу отвезти тебя к нему прямо сейчас. Если ты, конечно, не занят.

- Ну, поехали, - ответил заинтригованный таким поворотом Егор и уселся в указанный незнакомцем, похожий на жука, чёрный, выдавший виды, «Фольксваген».

Когда они зашли к этому «влиятельному человеку», Егор не на шутку оробел. Этого элегантного, аккуратно подстриженного, седого дяденьку он часто видел по телевизору.

- А-а-а, - дружелюбно улыбаясь, поднялся из-за стола Степанцов. – Значит, вот ты какой, знаменитый Кувалда – Егор Пригодин.

- Почему знаменитый? – просипел Егор, нерешительно пожимая протянутую ему ладонь.

- А что, разве не так? – шутливо вскинул брови Степанцов. – Сколотил, понимаешь, армию, которая на всех наводит страх, которую боится даже полиция. Подобное под силу далеко не всем. Это целиком твоя заслуга. Так что, ты уж не скромничай. Скажи, пожалуйста, тебе знакомо такое имя – Игорь Бобров?

- Знакомо, - кивнул польщённый комплиментом Егор. – Он раньше входил в нашу команду, но потом с фанатством «завязал». Его недавно убили.

- А почему он «завязал»?

- Поступил в институт, стало не до футбола. У нас это в порядке вещей. Каждый год происходит смена поколений. Кто-то соскакивает, кто-то присоединяется. Настоящими болельщиками остаются, увы, не все.

- А кого ты называешь настоящими болельщиками?

- Тех, кто всегда сохраняет верность команде.

- Значит, Игоря Боброва вы перестали считать своим?

- Ну, почему перестали? Не перестали. Приходили на похороны, купили венки.

- А ты знаешь, кто его убил?

- Какой-то спортсмен, кавказец.

- А вы что-нибудь предпринимали в связи с убийством вашего товарища?

- А что мы должны были предпринимать?

- Насколько я знаю, с болельщиками других команд, коль они вас обидят, вы особо не церемонитесь.

- Так это совсем другое. Это футбол. А там конфликт произошёл из-за бабы.

- Ну и что? Свой всегда должен оставаться своим, вне зависимости от обстоятельств. Нашего русского парня убил какой-то «урюк»! Убил как собаку, на глазах у всех, на улице! По-твоему, это должно остаться безнаказанным?

- Так его же арестовали. Скоро будет суд, он получит срок.

- А ты уверен, что он получит срок?

Пригодин недоумённо посмотрел на собеседника.

- Знаешь, в чём кавказцы превосходят русских? – сцепив перед собой руки в замок, подался вперёд Степанцов. – В отличие от нас, они очень дружные. Если их собрат попадает в беду, на выручку устремляется всё ихнее племя, вне зависимости, прав он или виноват. А мы же, русские, в подобных ситуациях разобщены. Сидим себе по домам, да бестолково судачим на кухнях.

Степанцов немного помолчал, как бы давая Егору осмыслить им сказанное и, понизив голос, продолжил:

- У меня есть информация, что родственники этого «урюка» собрали кучу денег и намереваются это дело развалить. Подмажут следователя, подмажут прокурора, подмажут судью - и убийца Мансур Идигов выйдет на свободу ввиду, скажем, «недостаточности улик», а то и вовсе ввиду «отсутствия состава преступления». Как по-твоему, это справедливо?

Пригодин помотал головой:

- Разумеется, нет. Но разве мы можем здесь чем-то помочь?

Политик кивнул:

- Можете. Я вижу, что ты сейчас думаешь, - сощурил глаза он. – Мол, что же вы, господин депутат, с вашим-то статусом этому сами не воспрепятствуете? Правильно я угадал?

- Ну, в общем-то, правильно.

- Так я тебе на это отвечу. Ты просто не осознаёшь всей глубины. Что может сделать депутат? Он может обратиться с запросом в прокуратуру. А прокуратура ему пришлёт формальную отписку: «В соответствии с вашим запросом проведена проверка. Нарушений нет».

- А почему вы не хотите подключить свою партию, собрать какой-нибудь митинг?

- Тебе известно, кто составляет основной электорат нашей партии? – разомкнув руки, откинулся назад Степанцов. – Интеллигенция. Учёные, врачи, учителя. Ну, придут они на площадь. Ну, развернут гневный транспарант. Ну, составят петицию. А что толку? На решительные, конкретные действия они не способны. У них для этого кишка тонка. А без конкретных, решительных действий в данном случае не обойтись. Помнишь события на Украине, когда свалили Януковича? На Майдане заварили такую кашу, что у него под ногами загорелась земля. А если бы там не было решительных ребят, не было бы горящих шин, не было бы «коктейлей Молотова», весь тот протест утонул бы в обывательском болоте. Власть, Егор, прислушивается к народу только тогда, когда чувствует его силу. А разве наши интеллигенты – это сила? Да им бы лишь языками почесать!

- Значит мы, по вашему мнению, сила?

- Ещё какая сила! – воскликнул Степанцов. – Я скажу тебе более. Я считаю, что защитить права русских в России сможете только вы. В таком деле нужен не клуб для чайных посиделок, а умеющий хорошенько вправить мозги отряд имеющих боевую подготовку штурмовиков. Или ты не видишь, что происходит? Эти горные засранцы захватили всю страну. Все рынки под ними, весь бизнес их. Они чувствуют себя здесь хозяевами. Они считают, что могут делать в России, что хотят. А всё почему? А потому, что из русских людей вытравили патриотизм, вытравили национальное самосознание. Нас приучили к тому, что всё на свете можно купить. В том числе и судебные решения. Кто заплатил – тот и прав. А мы молчим! Молчим и надеемся, что, может быть, в них зыграет совесть. Как же, шас, зыграет!

Пригодин сжал кулаки, точно стараясь раздавить что-то живое. Его глаза сверкнули, точно глаза притаившейся в кустах змеи.

А Степанцов, от которого не ускользнула реакция Егора (стрела угодила в цель!), продолжал плести словесную паутину:

- На меня вышли родственники Игоря Боброва, и я обещал им помочь. Но эту задачу сможет решить только молодой, энергичный авангард. И твоя, Егор, команда вполне способна стать этим авангардом. Вы народ битый, тёртый, вас ничем не запугать. И если ты переквалифицируешь свою фанатскую армию на серьёзное направление, то со временем сможешь стать влиятельным и авторитетным политическим вождём.

- Даже баллотироваться в Госдуму? – хмыкнул Егор.

- А почему бы и нет? – развёл руками Степанцов. - Это, как говорится, сам Бог велел, если люди увидят в тебе своего защитника

- Боюсь, что это нереально, - вздохнув, возразил Пригодин.

- Почему нереально?

- А потому, что сфера политики – это закрытый для посторонних клуб. Я ведь не маленький ребёнок, и понимаю, как всё устроено. В политику не пускают чужаков. Чтобы туда пробиться, нужна поддержка какого-то уже утвердившегося в ней клана.

- Будет такая поддержка, - пообещал Степанцов. – Наша партия возьмёт тебя под своё крыло.

- Это в каком смысле?

- Во всех смыслах. Денежные средства, организационная работа, пиар.

Сердце Егора лихорадочно забилось.

- Но почему именно я? – любопытствовал он.

- А потому, что политическим партиям, так же, как и футбольным командам, периодически требуется освежать свою кровь, - пояснил Степанцов. - Вот возьмём, к примеру, твой любимый «Гладиатор». Если он десять лет будет играть одним и тем же составом, это пойдёт ему на пользу?

- Нет, однозначно не пойдёт.

- Правильно. Он попросту деградирует. Вот и у нас тоже самое. Если футбольной команде требуются свежие молодые игроки, то политическим партиям – свежие молодые активисты. Разумеется, хорошие активисты. Мы к тебе присмотрелись и пришли к выводу, что ты на эту роль подойдёшь. Перспективы вполне конкретные. Если оправдаешь наши ожидания, дивиденды будут такими, что тебе и не снилось!

Глаза Пригодина заблестели. В нём точно заискрился бикфордов шнур.

Когда он уходил, Степанцов с усмешкой посмотрел ему вслед: «Не иначе, как увидел себя будущим Президентом. Да нет, дружок, не будешь ты Президент. Сакральная жертва! Вот эта твоя роль - истинная!..»

6

Сакральная жертва. Если внимательно изучить события мировой истории, то можно обнаружить, что без неё не обходился ни один политический переворот, или, как стало модно говорить после событий «арабской весны», ни одна «цветная революция».

Сакральная жертва имеет огромный мобилизующий эффект, особенно если она принадлежит к какому-нибудь сообществу с повышенной солидарностью.

Сакральная жертва - это тяжёлая артиллерия информационной войны против действующих властей. Она способна не только спровоцировать массовые беспорядки, но и, при определённых обстоятельствах, привести к краху правящего в стране режима. Как, например, это случилось в Тунисе.

Надо сказать, что за всю историю существования ЦРУ, это была, пожалуй, одна из самых успешных операций нашей «Фирмы». Тунис впоследствии стали именовать «колыбелью арабской весны». Такое вот он оказал влияние на все последующие события в арабском мире.

Я тогда работал именно там. Базировался в городке Сиди-Бузид. Передо мной, как и перед другими, работавшими тогда в Тунисе агентами ЦРУ, была поставлена конкретная задача – запустить в стране революцию.

- Для того, чтобы возник бурный народный протест, нужна какая-нибудь веская причина, - наставляли нас в Лэнгли. - Нужен какой-нибудь вопиющий случай, чтобы заставить людей бунтовать. Можно, конечно, подождать, пока этот случай появится сам собой. Но будет всё же лучше, если этот случай искусственно подстроить...

Прогуливаясь как-то по городку и проходя мимо одного небольшого фруктового мини-рынка, я стал свидетелем следующей сцены. Возле одного из торговцев, - это был молодой парень лет двадцати, - стояли двое полицейских. Разговор происходил на повышенных тонах. Они у него что-то требовали, а у торговца, судя по всему, этого не было. Полицейские стали беззастенчиво отбирать у него тележку. Парень вцепился в свой товар и впал в истерику:

- Вы понимаете, что лишаете меня единственного заработка?! – кричал он. – У меня старая, больная мать, малолетние братья и сёстры! Наш отец умер несколько лет назад! Я их единственный кормилец! Люди вы, в конце концов, или нет?!

Но полицейские были непреклонны. Они увезли тележку с фруктами с собой, а на прощание вклеили торговцу унижительную оплеуху.

Парень обессилено опустился на землю. Его спина вздрагивала, из глаз струились слёзы. Прохожие не обращали на него никакого внимания, а другие торговцы довольно скалили зубы и всячески злорадствовали. Приятно, всё-таки, когда устраняется конкурент.

- В чём дело? В чём проблемы? – спросил я, подходя к впадшему в отчаяние юноше.

Торговец вздрогнул и поднял голову. В его покрасневших, оплетённых густой, не по возрасту, сетью морщин глазах мелькнула настороженность. Похоже, он даже и не надеялся, что кто-то проявит к нему участие. Тем более какой-то иностранец.

Видя, что он никак не решается вступить в разговор, я состроил ободряющую мину.

- Ну, говори, говори.

Парень всхлипнул, немного помолчал, а затем, как бы нехотя, выдал:

- Товар конфисковали.

- Кто конфисковал?

- Полиция.

- За что?

- Лицензии нет.

- Так сходи в муниципалитет и оформи лицензию.

Парень горько усмехнулся:

- Вы, мистер, очевидно не местный и не знаете, что в нашем муниципалитете лицензию просто так не дадут. У нас тут все без лицензии торгуют.

- Почему же тогда тронули одного тебя?

Торговец опустил голову и чуть слышно произнёс:

- Так другие «отстегнули», а я не «отстегнул».

- А чего же ты не «отстегнул»?

- А нечего «отстёгивать». Я ещё ничего не наторговал.

Я, изображая озабоченность, покачал головой. Где-то глубоко в подсознании подала голос интуиция. Она подсказывала, что из этой ситуации можно кое-что выжать.

- Вот что, - задумчиво нахмурил брови я, - как, говоришь, тебя зовут?

- Сапах.

- Вот что, Сапах, утри-ка ты слёзы, - не к лицу мужику реветь, - и пойдём-ка со мной.

Присядем в какой-нибудь кафешке и подумаем, как решить твою проблему.

Парень послушно вытер глаза, поднялся и направился вслед за мной. Гальванизированный чувством обречённости, обуреваемый невесёлыми мыслями о горестной судьбе своей семьи, он готов был ухватиться за любую, даже самую призрачную, спасительную соломинку.

Остальные торговцы мини-рынка недоумённо смотрели нам вслед и, кивая на меня, о чём-то перешёптывались.

Ближайшее кафе располагалось недалеко, в соседнем квартале.

Ну, кафе – это по местным меркам. Как по мне, так это был самый настоящий сарай. Обшарпанное, облупленное помещение, кругом грязь. Таких, с позволения сказать, «кафе» не было даже в наших негритянских кварталах.

Мы уселись за свободный столик, подошёл официант, я сделал заказ: буха (тунисская водка) и лёгкая закуска, - после чего принялся расспрашивать своего нового знакомого о житье-бытье.

Юноша поначалу говорил неохотно, но затем, выпив бухи, всё же развязал свой язык. История его оказалась грустной. Кормилец семьи, отец, умер два года назад. Семья после этого осталась практически без средств к существованию. Первое время они ещё как-то держались, ибо было, что продать. Но когда продавать стало нечего, начался голод. Того, что он зарабатывал посредством уличной торговли, едва хватало на хлеб.

- Я не знаю, что делать! – горько восклицал Сапах. – Товар-то не мой. Мне дали его на реализацию. Хозяин непременно потребует возмещения. А что я могу ему возместить? У меня ничего нет. Вот приду я сегодня домой - там больная мать, маленький брат, маленькие сёстры. Что я им скажу? Что мы обречены на голодную смерть? – из его глаз снова потекли слёзы. – Хоть в петлю полезай! Я не хочу больше жить! Вы понимаете? Не хочу!

И тут у меня сверкнула мысль: «Та-а-ак!»

Это «Та-а-ак!» прозвучало как «Эврика!» Архимеда в момент открытия им первого закона гидростатики.

Яркая, как солнечный луч, эта мысль буквально пронзила моё сознание.

Да ведь этого бедолагу можно использовать! Если его хорошо обработать, он такое сможет учинить!

У меня зародился план дерзкой оперативной комбинации.

Я изучающе посмотрел на Сапаху. Крепостью духа он явно не блистал. Постоянная нужда, унижения, голод сделали своё дело – его нервишки были донельзя растрепаны. А разрушенная психика, как известно, хорошо поддаётся внушению. Если его обработать Н-5, он превратится в податливый пластилин, из которого можно лепить всё, что угодно.

(СПРАВКА: Н-5 – сильно действующий психотропный препарат, подавляющий волю и делающий человека восприимчивым к внушению. Присутствует в арсенале спецслужб).

Эх, знал бы я, что мне предстоит такая встреча, то взял бы этот Н-5 с собой!

Делать нечего, придётся за ним съездить – препарат находился у меня дома (я жил на съёмной квартире). Вот только бы этот малец никуда не убежал.

- Вот что, Сапах, - заботливо проговорил я, выразительно поглядывая на часы, - мне тут нужно отлучиться по одному делу. Я, собственно, на него и шёл. Но ты никуда не уходи. Будь здесь. Я скоро вернусь. А чтобы тебе не было скучно, давай я организую тебе обед. Надеюсь, ты не против пообедать?

Я подошёл к официанту, дополнил заказ несколькими блюдами, сразу расплатился, добавив к сумме счёта ещё десять динаров, чтобы официант присмотрел за моим подопечным и, в случае чего, не дал бы ему уйти, и «смотался» домой.

Когда я вернулся обратно, Сапах продолжал сидеть на прежнем месте. Его порядком развезло. Он откровенно ословел.

- Ну что, не скучал? – дружелюбно осведомился я.

Лицо юноши расплылось в хмельной улыбке.

Подойдя к барной стойке, я купил две кружки пива, отошёл с ними в уголок, поставил на стол и, сделав вид, что пытаюсь как-то поудобнее их взять, высыпал в одну из кружек привезённый из дома порошок, - тот быстро растворился, - после чего подошёл к нашему столику и поставил её перед торговцем. Тот принялся жадно пить.

«Давай-давай, - подумал я и скосил глаза на часы. - Н-5 начинает действовать через пятнадцать минут. До этого времени парнишку нужно развлечь какими-нибудь разговорами».

Я уже не помню, о чём я ему говорил. По-моему, обо всём понемногу: о погоде, о футболе, о ценах здесь и за рубежом. Но когда секундная стрелка отмерила пятнадцатый круг, я прекратил нести всякую чушь и приступил к главному.

- Что же у вас за страна? – горестно вздохнул я. – Нищета, безработица, повальная коррупция. Знаешь, почему вы так плохо живёте?

- Почему? – заплетаясь, спросил Сапах.

- Потому, что молчите. На ваши шеи уселась кучка негодяев, вас беззастенчиво грабят, а вам хоть бы что. Вы терпите их, как безвольные овцы.

Я наклонился к нему и понизил голос:

- Нужно бороться за свои права. Нужно отнять у этих зажавшихся и оборзевших от своей безнаказанности отщепенцев то, что по праву принадлежит вам. Ведь всё их богатство – это то, что они отняли у вас.

И я, старательно модулируя голос, произнёс пламенную речь о необходимости революционной борьбы.

- Тебе известны такие имена, как Робеспьер, Мартин Лютер Кинг, Че Гевара?! Эти люди принесли себя в жертву во имя народного счастья. Они стали символами освободительной борьбы! Их имена священны! Но у вас таких лидеров нет, поэтому ваши властители и делают с вами всё, что хотят. Вы их боитесь, и они этим пользуются. А нашёлся бы мужественный человек, который не побоялся бы обратить на себя внимание - у-у-у, у вас такое бы началось!

- Это как, обратить на себя внимание? – поинтересовался юноша.

- В том плане, чтобы сделать что-то из ряда вон выходящее, - ещё сильнее понизив голос, пояснил я. – Совершить поступок, который бы всколыхнул всю страну, и какой будет под силу далеко не каждому. Ты когда-нибудь слышал про Яна Палаха?

- Нет, - выдавил Сапах.

- Давай я тебе о нём расскажу, - предложил я. – Ян Палах – это молодой парень, твой ровесник, студент. Он жил и учился в Праге. В 1969 году, когда Советский Союз ввёл в Чехию свои войска... точнее, в Чехословакию, тогда эта страна называлась именно так... чтобы потушить вспыхнувшую там революцию, он, в знак протеста против советской интервенции и подавления гражданских свобод, вышел в центр города, облил себя бензином и поджёг. Этот его акт самопожертвования имел огромный резонанс как в его стране, так и во всём мире. Он стал символом сопротивления коммунистическому режиму, и память о нём до сих пор живёт в людских сердцах. Сам того не ведая, он своим героическим поступком способствовал началу развала коммунистической системы. И когда через двадцать лет та рухнула, его именем назвали одну из пражских площадей.

Я бросил взгляд на Сапаху - мои «чары» на него подействовали. В его глазах стал разгораться огонь.

И я усилил напор.

В тот момент я, наверное, чем-то походил на циркового гипнотизёра, производящего свои опыты над одним из зрителей. Я всячески старался, чтобы всё, что я говорю, оседало в помутившемся сознании юноши как можно более глубоко.

- А вот теперь представь, - с чувством, чеканя слова, точно шаг, принялся ораторствовать я, - выходит на центральную площадь вашего города человек. Он обливает себя бензином и поджигает. Вот лично ты сможешь мимо этого пройти?

Торговец помотал головой.

- Вот, - вскинул указательный палец я, - не смогут мимо этого пройти и другие люди. Они несомненно зададутся вопросом, что толкнуло его на столь отчаянный шаг? И узнав, в чём дело, вряд ли смогут удержать в себе гнев. Они непременно выплеснут его наружу. Ведь у них по отношению к полиции тоже, небось, накопилось!

Сапах молча прихлёбывал из бокала оставшееся там пиво, смотрел куда-то перед собой и попеременно сжимал и разжимал пальцы, словно грел их. Он словно примеривал к себе описанную мною только что сцену. И следующая его фраза показала, что это было действительно так.

- Но ведь я погибну.

- Не погибнешь, - словно заглотившую наживку рыбу, подсёк его я. – Тебя тут же потушат. Людей по площади ходит много. Разве тебе дадут сгореть! Ну, получишь немного ожогов, поваляешься в больнице – так это же ерунда. Ожоги зарубцуются. Но какую ты принесёшь пользу! Твоё имя станет известно всей стране. Ты станешь народным лидером. Поднимется восстание. Нынешнего Президента свергнут, и ты станешь новым Президентом Туниса. Конечно же ты, а

кто же ещё! И те торговцы, которые сегодня над тобой насмехались, будут на коленях просить у тебя прощение!

Кулаки парня крепко сжались, дыхание участилось. Он подался ко мне и тихо спросил:

- А вы не смогли бы меня быстро потушить?

- Конечно, - прошептал я.

- Я это сделаю! – фанатично воскликнул Сапах. – Я сделаю то, о чём вы говорите. Я должен это сделать. Я чувствую, что это моё предназначение! Я чувствую, что это моя судьба!

Он впал в ажитацию. Раскачивался из стороны в сторону, переламывался в поклонах, расстилался ковром. Он был готов вывернуться наизнанку.

- Я сделаю это! Сделаю! Я стану народным лидером. Я буду новым Президентом. Я вытащу нашу страну из всего этого дерьма. Моё имя войдёт в историю. Я стану легендой. И когда я умру, меня похоронят в мавзолее, как Хабиба Бургибу. И этот мавзолей будет стоять там, где сейчас стоит наш дом.

(СПРАВКА: Хабиб Бургиба – первый Президент Туниса. Родился в 1903, умер в 2000 году. Похоронен в мавзолее в г. Монастир)

Я улучил момент и состроил гримасу восхищения.

- О, как я был неправ! – картинно воскликнул я. - Оказывается, в этой стране всё-таки есть настоящие герои! Я по профессии журналист, работаю здесь у вас от одной крупной газеты, я обязательно о тебе напишу. Я обещаю, что о тебе узнает весь мир, и что в ближайшие дни все выпуски новостей будут начинаться с твоего имени.

Моя умопомрачительная ода ещё сильнее укрепила торговца в его намерении. Я заверил его, что буду находиться недалеко, и что потушу его сразу же, как только он вспыхнет. И в знак своего глубочайшего почтения, даже принёс ему канистру бензина и зажигалку.

Сапах под мою диктовку написал прощальное письмо: «Умираю, потому что не могу больше жить в такой погрязшей в коррупции стране...».

Я проводил его до площади и спрятался за примыкавшее к ней здание муниципалитета.

Тушить этого бедолагу я, разумеется, не собирался. У меня была другая задача. Мне нужно было всё это снять.

Я вытащил портативную видеокамеру и стал дожидаться развязки.

Не буду скрывать, я опасался, что в самый последний момент этот горемыка-торговец может прийти в себя и отказаться от мной задуманного. Я наблюдал за ним с напряжением, но мои опасения оказались напрасны. Сапах не колебался. Став в центре площади, он поднял канистру и решительно вылил её содержимое на себя.

Блеснула искра. Вспыхнул факел. Округу пронзил душераздирающий крик. По земле покатился огненный ком. В какие-то две минуты всё было кончено. Ветер разносил едкий запах палёного мяса. Ставшие случайными свидетелями этой сцены прохожие оказались повергнутыми в шок.

Я просмотрел видеозапись - она получилась хорошо. Позвонил Хасану - это был лидер местного отделения «Братьев Мусульман», завербованной нами организации, которая выразила готовность стать движущей силой революции, - детально поведал ему о поступке Сапаху и дал команду «Старт».

(СПРАВКА: «Братья Мусульмане» - исламское движение, международная религиозно-политическая ассоциация, основана в 1928г. в Египте. Ставила своей целью создание всемирного исламского государства - халифата. Во многих странах была признана террористической)

Примерно через час на центральной площади Сиди Бузида начался митинг. Он развивался стихийно. Сначала там появились «Братья Мусульмане». Их пылкие, наполненные негодованием речи привлекли народ. Весть о случившемся быстро распространилась по городу. К площади потекли людские ручейки.

Подогреваемая ораторами толпа завелась. В адрес властей неслись отборные проклятия. Вспыхнули беспорядки. Спустя некоторое время в расположенном неподалёку офисе правящей в стране партии царил полный разгром.

Митинг перерос в настоящее восстание. В ход пошли бутылки с зажигательной смесью. Следующими целями протестующих стали штаб национальной гвардии и железнодорожный вокзал.

Будучи абсолютно не готовыми к такому развитию событий, городские власти впали в растерянность. Они не знали, что делать. Перепуганные полицейские, за которыми началась настоящая охота, укрылись в мечети. Это только ещё более раззадорило народ. Люди почувствовали себя силой и дали волю той ненависти, что долго копилась в их душе.

Телеканалы Туниса, а позже и всего мира, непрерывно крутили снятый мною видеоролик о самосожжении Сапахы. Обстановка накалялась. В течение нескольких дней запылали и другие города: Тала, Касерин, Эттадхомун, Сфакс. Непокойно было и в одноимённой столице страны – Тунисе.

Правительство попыталось взять ситуацию под контроль. Но все предпринятые им усилия успеха не возымели. По стране прокатился «девятый вал», результатом которого стало бегство Президента Бен-Ашура.

Власть перешла в руки военных. Было объявлено о свершившейся революции. Сапаху провозгласили национальным героем, а одну из центральных площадей столицы переименовали в площадь его имени. Так что в смысле почестей я парня всё же не обманул.

Через два месяца прошли внеочередные выборы. Появился новый, подконтрольный нам, Президент. Люди успокоились, бунты стихли, и жизнь в стране опять потекла спокойным ручьём.

Надо сказать, что тогда я совершенно не задумывался над тем, зачем нам всё это было нужно. Я просто выполнял свою работу, а вся эта высокая политика была мне тогда «до фонаря». Я даже и не пытался тогда понять, чем так не угодил нам Президент Бен-Ашур.

Вся подоплёка этой истории стала известна мне гораздо позднее, когда я поднаторел в разведывательном деле, немного продвинулся по службе и научился разбираться в подрывных операциях нашей «Фирмы» более глубоко.

В основе всего этого лежала, конечно, нефть - это «чёрное золото», источник как многих крупных состояний, так и абсолютного большинства последних войн. У берегов Туниса обнаружилось значительные её запасы, о которых доселе никто не ведал.

Быстрее всех подсутились китайцы. Они хорошенько подмаслили Бен-Ашура и прибрали контракты на разработку новых месторождений к своим рукам. Наш Белый Дом это дело проморгал, а когда спохватился – было, что называется, уже поздно.

Но отступать – это не в нашем американском характере. Бен-Ашуру предложили по хорошему сменить приоритеты - тот отказался. И после этого в Белом Доме решили использовать силовой вариант.

Но здесь, правда, возникла одна загвоздка - после недавних проблем с Ираком американское общество и слышать не хотело об отправке куда-нибудь ещё своих солдат. Озабоченные своим переизбранием конгрессмены чётко дали понять, что новую открытую военную операцию, а ещё тем более на Ближнем Востоке, они однозначно не поддержат. И нашей «Фирме» было поручено решить проблему по-тихому, что в конечном итоге и произошло. Бен-Ашура свергли сами тунисцы, к власти пришли лояльные нам силы, контракты на разработку нефтяных месторождений были пересмотрены, китайцев оттуда поперли, и в Тунисе снова установился мир.

Примерно тоже самое происходило затем и в других странах Ближнего Востока. Мы действовали там по обкатанному в Тунисе сценарию, используя зарождаемый изнутри и управляемый нами извне хаос - Египет, Ливия, Йемен, Бахрейн. Уже через год мы установили кон-

троль практически над всем ближневосточным регионом. Не удалось заглотить только Сирию. Этому помешала Россия, которая имела там серьёзный, связанный с сохранением безальтернативности поставок её газа в Европу, интерес...

Революция. Высший идеал оторванных от реальности и живущих одним-единственным днём романтиков, благотворная питательная среда для всякого рода авантюристов и позёров. По сути, она напоминает гибель потухшей звезды. Она есть взрыв. И результатом этого взрыва чаще всего является не новая галактика, на которую нацелены творящие её революционеры, а разрушительный сгусток энергии, сметающий на своём пути всё и вся.

Но когда революционный праздник подходит к концу, когда весь накопившийся у людей пар, наконец, выпущен, когда насытившиеся протестами массы покидают улицы, и снова приходит черёд трудовых будней, встаёт резонный вопрос: «а что дальше?». Ведь новыми властителями государства, как правило, оказываются совсем не те, кто совершал революцию на площади. Власть, как правило, прибирают к рукам совсем другие персонажи, до поры до времени находившиеся в тени.

То, что бушует на площади – это всего лишь движимая сила революции. ...

Да-да, не движущая, а именно движимая! Движимая кем-то. Это толпа. Это массовка. Есть устоявшийся революционный алгоритм. Если вы хотите совершить революцию, толпу нужно вывести на улицу под любым предлогом. А дальше своё слово скажут хорошо натасканные ораторы. Их задача – зажечь толпу. При знании дела, сотворить это совсем нетрудно, ведь толпа – это легковоспламеняющийся материал. Вот для этого и нужна «сакральная жертва». А далее в действие вступают специально натренированные боевики, фанатичные борцы за идею, не имеющие гроша за душой маргиналы и ещё не окрепшая в понимании жизни молодёжь.

Работая в России, я как-то задался таким вопросом: за счёт чего «фанатам» футбольных команд удалось набрать здесь такую немалую, граничащую с политической, силу? Болельщические движения других стран о столь осязаемом влиянии на общественные процессы не могли даже и мечтать. Я изучил историю их развития и пришёл к следующему выводу: футбольную «фанатскую» мощь в России взрастил, главным образом, постперестроечный дикий капитализм. Сопровождавшийся мошенническим, а иногда и откровенно бандитским, присвоением являвшейся некогда государственной собственности процесс формирования частных капиталов вобрал в себя не только экономические круги, но и правоохранительную среду. Полиции, – тогда она, правда, называлась милицией, – было интереснее крышевать стремительно набравший обороты бизнес, нежели образумливать беснующийся на трибунах стадионов «молодняк».

Последний почувствовал, что за вытворяемые художества ему ничего не грозит, и стал использовать дарованную ему посредством безразличия свободу всё шире и шире. У «фанатов» появились свои законы – эдакая смесь негласных правил казармы и тюрьмы; обозначились свои лидеры – ораторы с мощными голосовыми связками, неумеренной склонностью к крику и примитивным слогом; сформировались настоящие иерархические структуры. И когда их «подвиги» полились, что называется, через край, с ними было уже так просто не совладать. Это была уже не кучка трудных подростков. Это была хорошо организованная, дисциплинированная, обученная армия, к высокой боеготовности которой причастна некоторым образом и наша «Фирма».

Да, мы их готовили. Готовили под самым носом у целиком погрязших в распродаже богатств государства властей. Мы организовывали для них тренировочные лагеря, мы учили их драться, мы прививали им циничный прагматизм, и всё это для того, чтобы в нужный момент они «выстрелили».

Любой пожар начинается с искры. В России для высечения этой искры было решено использовать социальные противоречия. Это выражаясь по-научному. Ну а говоря по-про-

стому, взаимную неприязнь между богатыми и бедными, между приближёнными к власти и простыми людьми.

Подобной неприязни хватало всегда и везде. «Верхи» и «низы» гармонично никогда не уживались. Но конфликты между ними могут проявляться с разной степенью силы. Там, где уровень политической... да и не только политической, но и чисто человеческой культуры высок, где соблюдается необходимый уровень интересов простого человека, они практически незаметны. А вот там, где «элита» низводит народ до «быдла» по принципу «нам можно всё» - вот там-то они как раз и показывают себя во всю свою ширь. А для постсоветской России подобное было характерно.

Наши аналитики долго приглядывались к Пригодину. Перед тем, как взять его в оборот, у нас буквально по спектрам разложили всю его персону. ЦРУ всегда пристально изучало каждого человека, которого собиралось задействовать в своих делах, ибо механизм подрывной операции должен быть полностью отлажен, и каждая его деталь, от самой мелкой до самой крупной, должна была идеально к нему подходить.

Что бы там ни говорили всякие скептики, отрицающие право физиономистики называться наукой, а основной характеристикой человека всё же является его лицо. Нет, не в плане привлекательности, - привлекательность здесь абсолютно ни при чём, - а в плане особенностей его черт. По лицу человека можно узнать всё. Ну, или почти всё. Его слабости, его устремления, его наклонности. Лицо характеризует человека гораздо точнее, чем его поведение. Ведь в поведении всегда может присутствовать элемент актёрства, а черты лица не замаскирует никакой макияж.

Выводы, которые сделали наши физиономисты по Пригодину, позволили заключить, что этот человек – наш. Жаден, склонен к агрессии и самолюбованию, мстителен, упрям, с непомерным личным «Эго», без интеллектуальных запросов. Ну, полная профпригодность!

Забегая вперёд, скажу, что наша ставка на футбольных «фанатов» в России оказалась правильной. Не обременённые высоким IQ, стремящиеся почесать обо что-нибудь зудящие кулаки, живущие исключительно удовлетворением своих примитивных амбиций и абсолютно не задумывающиеся над тем, каков будет завтрашний день, они для наших задач подходили как нельзя кстати – запустить и вывести на «проектную мощность» разрушающий российскую государственность протестный процесс...

Два следующих после моего приезда в Россию месяца я, как заведённый, мотался по Москве. Нужно было убедиться, что я не привлёк внимания российских спецслужб. Поэтому я по-настоящему вёл прикрывавшую меня коммерческую работу. Каждое утро являлся в офис «Сагмал Фармасьютикал», - он располагался в самом центре города, на Тверской, - брал у начальника отдела маркетинга список торговых точек, которые требовалось «промониторить», и садился за руль. Ну а вечером, по возвращении, писал отчёты: там-то такие лекарства, там такие, там мы есть, там нас нет, и так далее, и тому подобное.

Вспоминая первые дни своего пребывания в Москве, не могу обойти вниманием свои первые впечатления от известного всему миру здания на Лубянке. Нет, я конечно знал, как оно выглядит. Но одно дело - лицезреть его на фотографиях, а другое – видеть вживую, непосредственно перед собой.

Вот он, символ коммунизма, квинтэссенция всех опасностей, исходивших от СССР – бывший КГБ!

По моему телу точно пробежала зловещая судорога. Но я недолго испытывал дискомфорт. Ведь это был поверженный зверь. И когда я это вспомнил, мне как-то сразу стало легче.

Во время обучения на «Ферме» мне довелось присутствовать на лекции, где выступал какой-то перебежчик из КГБ. Он переметнулся к нам в начале 90-х годов. И этот перебежчик

рассказывал нам очень интересные вещи. По его словам, тенденции к деградации этого некогда всесильного ведомства стали улавливаться сразу же, как только к власти пришёл Горбачёв.

«Мы диву давались, что вытворял наш новый генсек! – восклицал он. – Довести органы госбезопасности до нищеты, и это в то время, когда открываются наши границы! Штат разведчиков наружного наблюдения за иностранными дипломатами сократился в несколько раз. Нечего, мол, в эпоху «нового мышления» поддаваться атавизму шпионмании. Не было даже денег, чтобы взять на службу достаточное количество переводчиков, которые бы занимались расшифровкой телефонных переговоров, ведущихся американцами из Москвы. С техническим вооружением был полный «трандец». Вы не поверите, но нашим агентам не хватало даже диктофонов! Зато себя Михаил Сергеевич не обижал. За пять лет правления выезжал за границу с несравненной Раисой Максимовной аж сорок два раза! Это на треть больше, чем ещё один известный наш путешественник – Никита Сергеевич Хрущёв. А ведь деньги на эти визиты улетали немалые! И это в испытывающей практически во всём недостаток стране! Ну взять, к примеру, его двухдневный визит в Индию. Свита в 50 человек, авиаперелёт туда и обратно, дорогие отели, первоклассное питание, командировочные, экипировка, подарки принимающей стороне. На всё это удовольствие ушло порядка миллиона! А нам при этом не могли выделить даже пятнадцать долларов, чтобы купить элементарный диктофон! А ведь индийский вояж был одним из самых экономных среди всех его визитов. Вы представляете, какие суммы фигурировали при поездках в более дорогие страны – в Италию, Францию, ФРГ, Великобританию, США! Среди нас ещё тогда стали ходить разговоры, а не является ли лидером нашего государства хорошо законспирированный иностранный агент?..»

Помнится, позже я задавал такой вопрос одному из наших преподавателей, – он читал у нас курс по истории спецслужб, – но прямого ответа на него так и не получил.

«Информация о нашей агентуре последних лет существования СССР пока засекречена, – хитро сощурив глаза, вымолвил он. – Могу сказать только одно: агентов влияния у нас тогда там было немало»...

Да, этот зверь на Лубянке был повержен. Но он не был мёртв. Поэтому, передвигаясь по городу, я неустанно фиксировал, какие за мной следуют машины, придирчиво всматривался в лица окружающих: не повторяются ли они? – но никакого постоянства при этом не замечал.

– А ты, похоже, был прав, российская контрразведка меня действительно проморгала, – констатировал я по истечении проверочного срока Ван Компу. – Так что, думаю, можно вступать в игру.

– Вот видишь, я же тебе говорил! – удовлетворённо заметил он...

Глава третья

1

Россия, Москва

Когда фанат столичной футбольной команды «Гладиатор» Денис Токарев (да, опять тот самый парень, который в детстве боялся уколов) утром открыл глаза, его тут же захлестнула головная боль – последствия от удара резиновой полицейской дубинки. Эта боль не была мучительной, но она всё равно причиняла дискомфорт.

За окном было дождливо и мглисто.

«Чёртова погода! - подумал Денис. - Наверное, это всё из-за неё».

Он поглядел на часы - было без пяти минут девять.

Опять проспал! На первую пару в колледж он однозначно опоздал. Но на вторую, если поторопится, ещё успеет.

Денис приподнялся, откинул одеяло, после чего непроизвольно охнул и сжался в комок. Его живот точно проткнули колом.

Да что с ним такое происходит? Да что он вчера такое съел?

Запищал скайп. Денис протянул руку к лежащему на тумбочке смартфону. На экране появилось знакомое лицо.

- Привет, ты где?

Это звонил его друг, Виталик Сычёв.

- Привет, - выдавил Денис. - Я дома.

- Во, блин! А я уж подумал, что менты тебя тоже сцапали. На занятия придёшь?

- Приду. Слушай, с тобой сегодня всё в порядке?

- В смысле?

- Ну, в смысле, ничего не болит? Там, голова, живот.

- Да нет. Вроде, всё нормально.

- А меня что-то колбасит.

- Я и смотрю, ты какой-то не такой, - хохотнул Сычёв. - Уж больно помятое у тебя «табло».

Ладно, давай выдвигайся, пока «класснуха» не засекала.

Денис положил смартфон на тумбочку и откинулся на подушку. В его памяти всплыли картины вчерашнего дня: как они собрались после матча возле метро «Спортивная», как дали шикарный бой ненавистным «звездам».

Денис поёжился. Да, «шоу» они вчера выдали отменное! Он никогда не думал, что способен так озвереть. Вчера в его душе точно klokотал вулкан. Скомандовали б ему кого-нибудь убить - он бы убил, и сделал бы это без всяких раздумий.

Поглощённый воспоминаниями об имевших накануне место событиях, Денис вдруг почувствовал, что его недомогание прошло. Головная боль отступила, живот больше не ныл. Правда, появилась тошнота. Но тошнота – это уже не так страшно.

Он поднялся с кровати, умылся, перехватил в качестве завтрака наскоро сооружённый бутерброд, - разогревать оставленное ушедшей рано утром на работу матерью жаркое уже не было времени, - быстро собрал рюкзак и вышел из дома.

Добравшись на метро до «Электрозаводской», он сел в маршрутку, проехал несколько остановок и вышел у автомобильно-дорожного колледжа. Но едва он покинул автобус, как в него точно вонзилось копьё.

Денис остановился и крепко сжал голову руками. Боль не ослабевала. Его стремительно тянуло вниз...

На лежащего на дороге без сознания подростка никто не реагировал. Люди равнодушно проходили мимо: пусть себе валяется; наверное, какой-нибудь переборщивший с дозой наркоман. Его забрали лишь спустя час. Проезжавший мимо полицейский патруль вызвал «скорую». Врачи приехали быстро, но помочь Денису было уже ничем нельзя.

2

Россия, Москва

Заместитель прокурора Замоскворецкого района Раиса Константиновна Леонова поставила на заднее сиденье машины наполненный только что купленными в супермаркете продуктами пакет и уже собралась было садиться за руль, как сзади неё вдруг раздался мягкий, вкрадчивый голос:

- Здравствуйте, Раиса Константиновна!

- Здравствуйте, - не оборачиваясь, холодно отозвалась она.

- Вы не позволите поговорить с вами об одном деле? Простите, что обращаюсь вот так, на улице, но в прокуратуру с подобными темами не придёшь, и по телефону их обсуждать тоже как-то негоже.

Леонова покосилась на подошедшего. В её глаза бросился строгий, цивильный костюм.

Ей уже неоднократно доводилось встречаться с подобными притирками. Их главной целью, как правило, было одно – скостить срок какому-нибудь попавшему на скамью подсудимых бедолаге.

По-человечески она, конечно, понимала всех этих отцов и матерей, братьев и сестёр: ни дай бог, если близкий тебе человек очутится за решёткой. Но в данном случае она была прежде всего представителем своей службы. А в прокуратуре не поощрялись неформальные контакты с родственниками тех, кого ждал суд.

- Мне некогда, - сурово отрезала она, захлопывая дверцу машины. Но прозвучавшая далее фраза заставила её замереть.

- Раиса Константиновна, есть возможность вылечить вашего сына.

Это был её тяжкий крест. Её сын был серьёзно болен. Диагноз – пиелонефрит. Хроническая почечная недостаточность. Врачи уже опустили руки: «Готовьтесь к худшему».

Леонова подняла голову. Стоявший перед ней человек к себе располагал. В нём не просматривалось той нахрапистости и цинизма, которые бывают свойственны тем, кто мнит себя «крутым» - самой отвратительной, с её точки зрения, прослойке. Черты его лица смутно налились в её памяти. Она его определённо где-то видела. Но где?

Мужчина галантно шаркнул ногой.

- Адвокат Мурад Эльмурзаев, - представился он, словно прочтя её мысли.

- А-а-а, - протянула она. – Да-да, припоминаю.

- Надеюсь, вы не в обиде, что мне тогда удалось выиграть у вас процесс.

Леонова усмехнулась и опустила стекло.

- Я вас слушаю.

- Раиса Константиновна, - дружелюбно улыбнулся Эльмурзаев, - как бы вы отнеслись к предложению госпитализировать вашего сына в немецкую клинику в Берлине? Все расходы на лечение мы берём на себя.

- Положительно бы отнеслась, - глядя ему в глаза, ответила Леонова. - Но такие предложения просто так не делаются. Что вы хотите взамен?

Эльмурзаев деликатно объяснил, что в обмен на это она должна обеспечить максимально мягкий приговор Мансуру Идигову.

- Меру наказания определяет не прокурор, а судья, - парировала Леонова. - Вы обратились немножко не по адресу.

- Но судья не может дать преступнику больше того, чем требует прокурор, - улыбнулся адвокат. - Раиса Константиновна, а почему бы нам не продолжить этот разговор в каком-нибудь приличном заведении? Что вы предпочитаете: кафе, ресторан, клуб?

- Садитесь в машину, - указала она. - Разговаривать будем здесь. Я в кафе и ресторанах с малознакомыми людьми не появляюсь.

Говорили они недолго. Эльмурзаев рассказал ей о клинике: мол, ставили на ноги тех, кого у нас признавали безнадежно больными, - о немецкой медицине: мол, нашей не чета.

- Конечно, - фыркнула Леонова, - натренировались во время войны на наших пленных. Сколько народу извели в концлагерях!

- Ну, я не стал бы списывать их прогресс в медицине только на войну, - возразил, не выходя за рамки миролюбия, адвокат. - У нас тоже были концлагеря, и тоже были военнопленные. Что, собственно, мешало? Однако, это моё личное мнение. Я вам его не навязываю. Каждый волен думать по-своему. Если вы считаете так - считайте так.

- Ладно, оставим этот исторический экскурс, - закрыла тему она. - Кем вы приходитесь Идигову? Если это, конечно, не секрет.

- Никем, - ответил Эльмурзаев. - Я его просто защищаю. Меня уполномочили выйти на вас весьма влиятельные люди, которые, в силу своего положения, не могут себя раскрывать. Дело, сами понимаете, щекотливое.

- Понимаю, понимаю. Значит, давайте так. Я соберу информацию по этой вашей немецкой клинике, а затем, если найду здесь резон, подумаю, что смогу сделать для вашего чемпиона...

Та ночь оказалась для Раисы Константиновны бессонной.

«Есть ли в предложении Эльмурзаева смысл?» - думала она. Действительно ли в этой немецкой клинике смогут помочь её Толику?

Ради своего сына она была готова на всё. В том числе и на то, чтобы пойти на служебное преступление.

А Эльмурзаев дипломат! С большой буквы дипломат. Не ставил ультиматумов, не строил из себя делающего одолжение спасителя. Больше просил, чем предлагал. Он сумел высказать свои условия так, что это не причинило её самолюбию ни малейшего урона...

На следующий день у неё раздался звонок. В трубке зазвучал знакомый голос:

- Раиса Константиновна? Здравствуйте. Это Мурад. Можно узнать, вы не определились с нашим предложением?

- Определилась, - стряхнув тревогу, точно градусник, проговорила она.

- И каков ваш ответ?

- Положительный.

- Мы очень рады, Раиса Константиновна. Когда мы можем с вами встретиться?

- Сегодня вечером после семи часов...

3

Россия, Москва

Начальник лаборатории судебно-медицинской экспертизы Василий Павлович Селенский неторопливо возвращался после работы домой. Скорость передвижения соответствовала настроению. На душе было уныло.

«Недотёпа! Никчемность! Скудоум!»

В последнее время ни один вечер не обходился без того, чтобы жена не награждала его этими оскорбительными эпитетами. И, положив руку на сердце, в какой-то степени была, конечно, права. Ему шёл уже пятый десяток, а что он имел? Собственного жилья до сих пор не было – семье приходилось ютиться на съёмных квартирах. Машины тоже – ездил в общественном транспорте. Одевался абы как. И с чего ему уготована такая горькая судьба?

Может не надо было поступать в медицинский институт и выбрать себе другую, более денежную профессию?

А может дело вовсе не в институте, а в работе?

Год проходил за годом, а в его жизни ничего не менялось. Та же должность, тот же мизерный оклад, та же постоянная нужда.

Волны повседневности точно сомкнулись над пучиной, поглотившей его жизненный путь и, не считаясь с его чувствами, заставляли его покоряться своей воле.

Селенский тяжело вздохнул. Когда же, наконец, закончатся эти денежные проблемы? Вот, опять дают о себе знать. Хозяйке квартиры нужно отдавать очередную квартплату. Дочери на выпускной нужно хорошее платье. Не в школьной же форме ей туда идти! На всё нужны деньги! Деньги... Деньги... Чёртовы деньги! Да будьте вы все трижды прокляты!..

- Хм, простите, Василий Павлович?

Раздавшийся прямо над ухом голос заставил его вздрогнуть. Он повернул голову. Обратившийся к нему человек был ему не знаком.

- Да.

- Меня зовут Мурад. У меня есть к вам разговор. Вы не позволите ненадолго занять ваше внимание? Нам очень нужна ваша помощь.

Селенский оглядел незнакомца: дорогой цивильный костюм, кавказские черты лица.

- На предмет чего? – осторожно осведомился он.

- На предмет заключения.

- Какого заключения?

- О причинах смерти.

Когда незнакомец объяснил ему суть дела, Селенский поначалу встретил его предложение в штыки.

- Как я могу определить, умер ли ваш потерпевший от удара кулаком в голову или в результате падения на асфальт? Этого не установишь.

- Василий Павлович, мне бы хотелось попросить вас не торопиться с окончательным ответом. Если этого нельзя установить – значит, нельзя доказать и подлог. Чем вы рискуете? Чего вы боитесь? Ведь мы не просим вас изменить суть. «Умер от кровоизлияния в мозг» – это остаётся. Мы только просим вас добавить нюанс, что произошло это в результате неудачного падения, ну и как-нибудь грамотно это обосновать. При вашем богатом опыте грамотное обоснование наверняка найдётся.

Селенский помотал головой.

- Нет, уважаемый, нет. Отстаньте от меня.

- Василий Павлович, а я вам разве навязываюсь? – прищурил глаза незнакомец. – Если ваше «нет» окончательное – воля ваша, я отстану. Вопрос с экспертным заключением мы, поверьте, решим и без вас. Но, может быть, вы всё-таки подумаете? Я же не прошу вас сделать это за так. Я уполномочен предложить вам очень даже неплохое вознаграждение.

Незнакомец назвал сумму. У Селенского перехватило дыхание. Квартплата, платье дочери на выпускной, долгожданная поездка на юг...

Его мысли заметались, как встревоженные выстрелом птицы.

А ведь, действительно, практически никакого риска. Подлог – это когда, скажем, смерть наступила от отравления, а в заключении пишут: «инфаркт»...

А гори они все в огне, все эти «общечеловеческие ценности»! Будешь их соблюдать – останешься гол, как сокол...

Кто у нас живёт в достатке? Тот, кто способен находить выгоду, кто умеет её не упустить...

В жизни есть давно устоявшиеся правила, и сложившийся порядок вещей не изменить. А коли так, то чего стесняться? Чем он, в конце концов, хуже остальных?..

- Так каков ваш ответ, Василий Павлович? – поинтересовался незнакомец.

- Я подумаю, - выдал Селенский.

- Я могу позвонить вам завтра?

- Да, звоните. У вас есть мой телефон?..

Через несколько дней Селенскому передали бумагу следующего содержания:

«Направление

на повторное судебно-медицинское исследование трупа.

В связи с необходимостью уточнения обстоятельств по уголовному делу, направляю для повторного судебно-медицинского исследования труп гр. Боброва Игоря Петровича, .. г.р., проживавшего по адресу: г.Москва, ...

При исследовании необходимо ответить на следующий вопрос:

Имеется ли прямая причинно-следственная связь между смертью потерпевшего и ударом в голову, нанесённым ему подозреваемым Идиговым М.А.?

Акт исследования направить в прокуратуру Замоскворецкого района г.Москвы.

Заместитель прокурора Леонова Р.К.»

4

Россия, Москва

Мелкий, но густой дождь, начавшийся ещё после полудня, казалось, и не думал затихать. Откуда-то с севера, одна за другой, наплзали чёрные тучи. И всё, что находилось под ними, пронизывалось неприятным холодом и сыростью.

Люба Короткевич вбежала в подъезд и энергично отряхнула налипшую на её красный дождевик влагу. Из её рта непроизвольно вырвался тяжёлый вздох. Радоваться было нечему. Предстоял ещё один унылый и гнетущий вечер.

После той истории со смертью Игоря она не могла никуда пойти. Весть, что она стала причиной его убийства, мгновенно распространилась по округе, и даже лучшая подруга Любы – и та предпочитала теперь отводить от неё глаза.

Переложив сумочку в другую руку, Люба стала подниматься по лестнице. За дверью одной из квартир визгливо залаяла собака. И тут на стене перед Любой нарисовалась какая-то тень. Её сбили с ног. Чья-то крепкая, задубевшая рука плотно прижала её к перилам.

- Мало того, что парня погубила, ещё и его убийцу защищаешь!

Люба приподняла голову. На неё смотрели чьи-то злые глаза. Лицо незнакомца покрывала балаклава. На Любу дохнуло впитавшейся в одежду прокуренностью.

- Слушай меня хорошенько, шлюха, - желчно процедил незнакомец. – Если ты своими показаниями «отмажешь» от тюрьмы этого уродца, то очутишься там, где по твоей милости находится сейчас Игорёк Бобров.

В голосе незнакомца клокотала ярость. Он ударил Любу головой о перила и, грубо отшвырнув от себя, стал неторопливо спускаться вниз...

5

Россия, Москва

- Ну что, поговорил с ребятами? – осведомился Прудюс.

- Поговорил, - кивнул усевшийся подле него Пригодин.

Их разговор происходил в центральном офисе партии «Свободная Россия».

- На сколько человек можно рассчитывать?

- Да все придут.

- Всех пока не надо, - помотал головой Прудюс. - Всех позовёшь потом. А на первую акцию требуется человек пятьдесят, не больше.

- Пятьдесят – так пятьдесят, - пожал плечами Егор. – Значит, будет пятьдесят.

Он сосредоточил внимание на стоявшем в углу кабинета большом аквариуме, в зеленоватой, опалесцирующей воде которого степенно плавали разноцветные петушки. Он старался не смотреть в глаза своего куратора - этого холёного, глянцево выбритого щёголя, к которому он испытывал стойкую неприязнь. Но Степанцов обязал его координировать свои действия именно с ним, и Егору ничего не оставалось, как подчиниться. Права новичка куцые, и диктовать свою волю глупо.

Ничего, пройдёт немного времени, он оперится, и уж тогда-то он этому «фанфарону» задаст!

- Значит, запомни, - наставительно проговорил Прудюс, - на этом пикете никакой бузы. Никаких беспорядков, никаких стычек. На этом пикете вы - хоть и возмущённые, но вполне мирные ребята. Развернули транспаранты, толкнули эмоциональную речь, поработали на телевизионную картинку и разошлись. Не лезте раньше времени в пекло. Ключом к удачной охоте является терпение. Ты меня понял?

- Понял, понял, - проворчал Егор.

Прудюс положил перед Пригодиным несколько листов.

- Вот тебе, кстати, текст твоей речи. Её нужно выучить наизусть. На первой странице то, что будешь говорить в мегафон, а на второй – что следует говорить в интервью телевизионному корреспонденту. Самое главное, контролируй свои эмоции. Народу ты должен понравиться. Держи себя солидно, никакой истерики, демонстрируй праведный, но всё же сдержанный гнев. Убили твоего лучшего друга! А убийца оказался блатным! И следственные органы не собираются привлекать его к ответственности! Только не переиграй...

Прудюс будто споткнулся. Он пытливым взглядом посмотрел на Пригодина и, забросив руки за голову, откинулся в кресле назад.

- А знаешь что, давай-ка прорепетируем, - предложил он. - Становись-ка у той стены и говори так, как собираешься говорить...

Следовавшие снаружи мимо прохожие удивлённо косились на приоткрытую форточку: уж не завёлся ли в партийном офисе театральный кружок? Доносившиеся из форточки реплики наводили именно на такие мысли.

- Перед этой фразой сделай паузу... Здесь повысь интонацию... Здесь понизь...

И никто даже не подозревал, что репетируемая сейчас в партийном офисе сцена есть прелюдия большой пьесы, которой очень скоро суждено поднять на уши всю страну.

6

Россия, Сан-кт-Петербург

Денис Чистоклетов, - тот самый парень, что ехал на «Жигулях» четвёртой модели перед машиной Олеси Куркиной, - лежал на нарах и, замурив глаза, пытался как бы телепортироваться домой. Перед его мысленным взором мелькали знакомые картины, виртуальное пребывание в которых позволяло ему хоть немного сбросить с души тот невыносимый гнёт, что преследовал его все последние дни.

Дом. Огород. Вон Жучка высунулась из будки. Смотрит, не несёт ли он ей чего. Он частенько баловал её какой-нибудь оставшейся после обеда косточкой. Вон, вскочила, завиляла хвостом. Почуяла, что он идёт не с пустыми руками.

На, Жучка, держи. Вот твоя косточка. Только что из кастрюли. Сочная, с мослами.

А что там делает мать? Наполняет ведрами кадку. Надо бы ей помочь.

Чей это голос раздался за забором? Лёнька, сосед. Спрашивает, пойдёт ли он вечером с ним на рыбалку? Конечно, пойдёт. Заходи часов в семь...

Громкие восклицания резавшихся в «очко» сокамерников вернули Дениса в печальную действительность. У него защипало в глазах. Он невольно шморгнул.

Неужели всё это явь? Кто бы мог подумать?! Он – и в тюрьме.

Впрочем, если быть совсем точным, это была не тюрьма, а следственный изолятор. СИЗО №1. Небезызвестные «Кресты»! Но хрен редьки не слаще. Суть-то одна и та же.

«Гражданин Чистоклетов, в отношении вас избрана мера пресечения содержание под стражей...», - безжалостная тирада следователя до сих пор гремела в его в ушах.

Нет, ну в самом деле, за что? Разве он в чём-то виноват? Ехал себе спокойно, скорости не превышал. Вдруг, откуда ни возьмись, эта дура на белой «Тойоте». Сначала сигналила, как сумасшедшая, затем пошла на обгон. Неужели не видела, что впереди пешеходный переход? Сбила трёх пацанов и после этого скрылась.

Он ведь поступил как добропорядочный гражданин: записал её номер, вызвал «скорую», позвонил в ГИБДД, предоставил инспектору запись со своего регистратора. А его взяли и назначили «крайним»!..

Скрежет запора. Охранник. Кого на выход? Чистоклетова?

Сейчас, минуточку, иду. Вот только вот слезу с нар...

Дениса привели в крохотную комнатку, где, кроме стола и двух ввинченных в пол стульев, ничего не было. Там его ждал незнакомый молодой человек. На светившийся в глазах Дениса вопрос он ответил коротко:

- Я ваш адвокат.

- Но ко мне уже приходил адвокат, - удивлённо заметил Чистоклетов.

- Всё правильно, приходил. Но он сейчас загружен другой работой, и поэтому передал ваше дело мне. Так что, давайте знакомиться. Максим Чистов... Хм, наши с вами фамилии даже немного схожи: Чистов-Чистоклетов. Ведь так?

- Вроде, так.

- Слушай, давай на «ты». Так как-то будет попроще. Не возражаешь?

Денис взгляделся в собеседника: тёмные, слегка вьющиеся волосы, большой, немного покатый, лоб, выразительные карие глаза. Черты его лица не отличались особой правильностью, но в целом были приятны.

- Не возражаю, - пожал плечами Чистоклетов.

- Вот и хорошо. А теперь поведай мне подробно о том, что произошло в тот день. Но только всё так, как было в действительности. Если есть какие-то обстоятельства не в твою пользу, я тоже должен о них знать. Без этого будет трудно построить правильную линию защиты.

- Да мне скрывать нечего, - нервно усмехнулся Денис и принялся рассказывать о своём случае.

Адвокат внимательно слушал и делал какие-то пометки в своём, украшенном эмблемой партии «Свободная Россия», блокноте.

- Ну, в чём я здесь виноват? В чём? – горько восклицал Денис. – Почему всю вину возлагают на меня, а не на эту дуру?

- Почему на тебя? – задумчиво переспросил Чистов и, нагнувшись к подзащитному через стол, понизил голос: – А потому, что эта дура - дочка председателя Санкт-Петербургского городского суда. А деньги и власть, как известно, решают многие проблемы.

- А-а-а, - упавшим голосом протянул Чистоклетов.

- Но ты не впадай в уныние. Мы за тебя поборемся, - ободряюще улыбнулся Чистов. - Скажи-ка мне вот что. Вот ты говоришь, что у тебя был регистратор, и что карту памяти с него ты отдал инспектору.

- Ну, да.

- А ты перед этим сделал с неё копию?

- Нет. А как там было её сделать? У меня же с собой не было компьютера.

- А какую-нибудь расписку инспектор ГИБДД в приёме этой карты тебе давал?

- Вроде, нет.

- А в том объяснении, которое инспектор записал с твоих слов, присутствовала твоя просьба приобщить к следствию запись регистратора?

- Не помню. Честно говоря, я его даже не читал. Почерк у него был уж больно тяжёлый.

- То-есть, ты подписал объяснение, не глядя, просто отдал ему карту, и всё?

- Ну, выходит, что так.

Адвокат озабоченно воздел глаза к потолку.

- Плохо, - вздохнул он. - Тут, понимаешь, какая штука. Никакого упоминания о твоей карте с видеозаписью регистратора в материалах дела нет.

- Как нет?

- А вот так. Нет - и всё. И самой карты, соответственно, тоже.

- Во, дела! – вскинул брови Денис. – А куда же она подевалась? Я же отдал её инспектору из рук в руки.

- Да я верю, что ты её ему отдал, верю. Но только вот как теперь это доказать?

Чистоклетов поник. Адвокат дружески потрепал его по руке.

- Не дрейфь, герой. Постараемся что-нибудь придумать...

Подполковник в отставке Василий Семёнович Мисюта сидел в лодке, укутавшись в брезентовый плащ, и, держа в руке удочку, задумчиво смотрел на покачивавшийся на волнах поплавок.

Никакого клёва. Ну почему ещё вчера рыба кишела кишмя, а сегодня вся точно вымерла?

Стояла ночная тишина, беззвучие которой выразительно подчёркивалось нудным жужжанием круживших вокруг комаров. В воздухе витал аромат горьковато-жухлой травы. Веяло сыростью.

Мисюта любил рыбалку. Этим увлечением он заразился ещё в детстве. Но отдаться ему сполна смог только сейчас, после выхода на заслуженный отдых. Посидеть на свежем воздухе, ощутить охотничий азарт – для семидесятилетнего пенсионера, по его мнению, это было самым лучшим времяпрепровождением.

Со стороны берега донёсся какой-то шум. Василий Семёнович скосил глаза. Фура. Её очертания опознавались благодаря отчётливо выделявшейся в темноте белой кабине. Дальнотбойщики были здесь частыми гостями: неподалёку располагался грузовой порт. Приедут вот так, ночью, переночуют, утром загрузятся и отбудут восвояси.

Мисюта снова перевёл свой взгляд на поплавок. Тот по-прежнему не подавал никаких признаков жизни.

Василий Семёнович зевнул, переменял позу, переложил удочку в другую руку, и тут его внимание привлёк какой-то странный свет. Станным он был потому, что исходил из-под воды. И это был не отблеск рассекавшей залив лунной полосы, как ему показалось вначале. Эти огни имели явно искусственное происхождение.

Свет становился всё ярче и ярче. Его источник медленно поднимался вверх.

Мисюта замер.

Забулькало. Над поверхностью воды стал произрастать какой-то странный объект. Мисюта сперва подумал, что это подводная лодка. Но его первоначальное впечатление подтверждения не нашло. Всплывший из-под воды аппарат не был похож на подводную лодку в её обычном конструктиве: продолговатая форма, поручни, башня, перископ. Он походил на перевёрнутую сковороду и состоял из двух, прилегающих друг к другу, полудисков. По периметру верхнего диска сияли разноцветные огни. К нижнему диску прилегли мощные отводы.

Объект продолжал подниматься. Всплыв целиком, он, к изумлению Василия Семёновича, бесшумно взмыл в воздух.

Достигнув берега, аппарат опустился на землю. Открылся люк. В свете иллюминаторов замелькали несколько чёрных фигур.

Мисюта напряг зрение. По движениям находившихся на берегу людей он понял, что из аппарата в фуру переносят какие-то ящики.

Так продолжалось примерно час. И вот погрузка закончилась. Объект снова поднялся в воздух, переместился к точке своего появления из-под воды и вдруг завис.

Мисюту охватило какое-то странное ощущение. Он будто почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд.

Впоследствии он неоднократно пытался уяснить, что за сила сподвигла его тогда на прыжок в воду. Но к какому-то однозначному мнению он так и не пришёл. Иногда ему казалось, что это банальная интуиция, а иногда – что это судьба.

Словно повинуясь какой-то команде, Мисюта выскочил из лодки, и в ту же секунду из зависшего над морем объекта вырвался яркий луч.

Мисюту ослепило. Он точно утратил слух. Последующие минуты прошли для него, словно в вакууме.

Лодка разлетелась в щепки. Мисюте оцарапало лицо. Аппарат скрылся под водой. На поверхности заиграло затухающее сияние.

Не помня себя от страха, Василий Семёнович сбросил стеснявший движения плащ, скинул сапоги и быстро погрёб к берегу...

8

Россия, Владивосток

Заведующий складом строительной базы №1 Матвей Иванович Подольский уже собирався уходить домой. Часы показывали без пяти минут шесть, и рабочий день можно было считать законченным. Но едва он накинул куртку, как позвонили с проходной: привезли стройматериалы, нужно задержаться и оприходовать.

Сочно чертыхнувшись в адрес шофёра: не мог, что ли, приехать завтра с утра?! – Подольский вытащил из сейфа ключи и раздражённо направился к служившему складом ангару.

А далее начались странности.

Первая из этих странностей заключалась в том, что загруженную ящиками фуру почему-то сопровождал сам хозяин базы, Григорий Сергеевич Кабалов.

Вторая странность – Кабалов не дал произвести досмотр, что являлось обязательным по заведённому им самим же порядку.

И, наконец, третья – сразу после разгрузки Кабалов внезапно отправил в двухнедельный отпуск весь базовский персонал. Разумеется, кроме охранников. Отдохните, мол, ребята.

«С какой это стати он решил вдруг всех удалить? – размышлял по приезду домой Подольский. – Почему он не дал ознакомиться с привезённым на базу грузом? Да ещё отобрал у меня, заведующего складом, все ключи? Что он, чёрт возьми, замышляет?..»

На следующий день Подольский отправился в гастроном, где встретил своего соседа и приятеля Василия Семёновича Мисюту – того самого, что фигурировал в предыдущем эпизоде.

- Чего это ты не на работе, Матвей Иванович? – удивлённо поинтересовался тот.

- Да вот, отправили в отгула, – развёл руками Подольский.

И он поведал соседу вчерашнюю странную историю.

По лицу Василия Семёновича пробежала едва уловимая тень.

- Слушай, – задумчиво протянул он, – а у той фуры, часом, была не белая кабина?

- Белая, – кивнул Подольский. – А что?

- Да нет, ничего. Значит, говоришь, ты не знаешь, что такое в ней привезли?

- Да как тут было узнать, если мне в эти ящики даже и заглянуть не дали?

- Вот это плохо, Матвей Иванович, – озабоченно покачал головой Мисюта. – И в первую очередь, для тебя.

- Для меня? Это почему для меня?

- Да мало ли что на уме у твоего хозяина! Как бы он ни подвёл тебя под статью.

- И как же это я могу попасть под статью?

- Да очень просто. А вдруг в этих ящиках какая-то контрабанда! Отвечать-то придётся тебе.

- Это почему это мне?

- Ну, как почему? Груз на склад принимал ты? Ты! Подпись в накладных ставил ты? Ты!

Вот и смоделируй ситуацию...

Домой Подольский вернулся в отвратительном настроении. Он выгрузил в холодильник купленные в магазине продукты, после чего улёгся на диван.

«А ведь сосед всё верно говорит, - думал он. - Если в тех ящиках что-нибудь криминальное, крайним однозначно буду я. И Кабалов тут как бы ни при делах, ведь во всех приёмо-сдаточных документах фигурирует моя подпись».

Подольский поделился своими опасениями с женой. Та обессилено всплеснула руками.

- Ой, дурак! Ой, дурак!..

И тут его охватил нешуточный страх. Он решил, во что бы то ни стало, выведать содержание этих загадочных ящиков.

По счастью, у него дома хранился дубликат складского ключа. Сделал себе как-то потихому. Так, на всякий случай.

Но как проникнуть на склад тайком?

И Подольский решил применить хитрость...

Охранники базы были очень удивлены, когда в районе полуночи перед ними вдруг предстал заведующий складом.

- Привет, мужики! – поздоровался он. - Тут вот какое дело. Переночевать не дадите?

Охранники недоумённо переглянулись.

- Вот это да! Иваныч, а что у тебя не так?

Подольский принял смущённый вид.

- Ну, как вам сказать? Проблемы с супругой.

- Неужто из дома выгнала?

- Ну, типа того.

Сторожку сотряс гомерический хохот.

- Эх ты, горемыка! А ещё таким скромницей прикидывался! Оказывается, ничто человеческое тебе не чуждо. Ну ладно, иди в гараж. У нас там все ночуют, кто жёнам изменяет.

Подольский проследовал в отведённые ему «апартаменты». Теперь предстояло дожидаться, когда наступит глубокая ночь.

В начале четвёртого утра он осторожно выглянул наружу. Обстановка представлялась благоприятной. Небо было сплошь затянуто тучами. Двор базы освещал лишь один-единственный тусклый фонарь. Охранники в сторожке, по всей видимости, спали.

Пригнувшись к земле, Подольский подобрался к ангару. Он воровато оглянулся по сторонам, отпер замок и прошмыгнул внутрь.

На вскрытие выбранного им для осмотра ящика ушёл почти час. Делай он это легально – управился бы не более чем за минуту. Поддел бы крышку долотом, ударил бы по нему молотком. Процедура не хитрая. Раз - и готово. Но он орудовал тайком, поэтому шуметь было нельзя.

Когда прибитая гвоздями крышка была, наконец, откинута, и Подольский, включив портативный фонарь, заглянул внутрь, к его горлу подкатил внушительный ком. В ящике находилось... оружие!

Подольский ощутил, как сначала замерло, а потом вдруг бешено забилося его сердце.

Хорошенькие «стройматериалы»! Да их тут целый арсенал!..

Раздавшийся позади шум заставил его вздрогнуть. В дверном проёме обозначился чей-то силуэт.

Подольский ощутил лёгкое покалывание в левой стороне груди. Его рука машинально потянулась к сердцу, но замерла в воздухе, так и не описав намеченную траекторию.

Силуэт принадлежал Кабалову...

Наступило утро.

В ворота базы раздался осторожный стук. Сидевшие в сторожке охранники оторвались от просмотра шедшего по телевизору кинофильма.

- Узнай, что нужно, - обращаясь к напарнику, проговорил тот, что был постарше.

Второй охранник поднялся с дивана и вышел на крыльцо.

- Здравствуйте! Я хотела узнать про своего мужа, - крикнула стоявшая по ту сторону ворот пожилая женщина. - Он, случайно, не у вас?

- А кто ваш муж?

- Подольский Матвей Иванович. Он работает у вас заведующим складом.

Второй охранник иронично усмехнулся.

Ох, уж эти бабы! Сначала доведут мужей до белого каления, а потом бегают, ищут их, ночей не спят.

Он обернулся к первому охраннику, точно испрашивая у него разрешения. Тот благосклонно кивнул головой.

- Здесь он, здесь, - снисходительно проворчал второй охранник и направился в гараж. Но когда он оттуда вышел, его лицо выражало недоумение.

- Иваны-ы-ыч! Ты где?! – прорезал территорию базы его зычный крик.

В ответ не последовало ни звука.

Второй охранник обошёл вокруг гаража, обогнул склад, прошёлся мимо хозяйственных построек, даже заглянул в места, так сказать, общего пользования, но заведующего складом как след простыл.

- Точно сквозь землю провалился, - вернувшись в сторожку, констатировал он.

- Когда же он мог уйти? – недоумённо вскинул брови первый охранник.

- А хрен его знает! – пожал плечами второй. – Может он уехал с этими?

Здесь имелась в виду приезжавшая ранним утром компания во главе с хозяином базы.

- Наверное, да, - не находя другого объяснения, заключил первый охранник и сопроводил свои слова точным ударом резиновой мухобойки по вылезшему на божий свет таракану.

Второй охранник снова вышел на крыльцо.

- Ушёл ваш супруг, - сообщил он ожидавшей за воротами женщине.

- Куда ушёл? – осведомилась та.

- А я почём знаю! Наверное, домой.

- Да нет его дома.

Второй охранник раздражённо кашлянул.

- Гражданка, вашего мужа здесь нет, - давая понять, что её присутствие здесь более нежелательно, пояснил женщине он. - Нам некогда заниматься поисками вашего мужа. Ищите своего супруга сами.

9

США, Атланта

Главный редактор телеканала CNN Метт Кэйн стоял у окна, поддерживал правой рукой локоть левой, - это была его любимая поза, - и курил, не обращая внимания на следовавшие один за другим телефонные звонки.

Начальство тоже имеет право на обеденный перерыв.

Но тут раздался пронзительный зуммер. Кэйн резко повернул голову. Проигнорировать его он не мог. На такие вызовы следовало отвечать даже глубокой ночью.

- Да, - почтительно проговорил он, придвинув к себе стоявший на краю стола телефон – это была прямая линия с Госдепартаментом.

Выслушав, что ему сказали на другом конце провода, он почтительно кивнул:

- О'кэй. Сделаем.

Положив трубку, он тут же вызвал к себе шеф-редактора отдела новостей и сухо продиктовал ему следующее задание:

- Созвонись со своими ребятами в Москве и скажи, что завтра им следует подъехать к пяти часам пополудни к Манежной площади. Там будет небольшой пикет, который нужно хорошо показать. Лейтмотив репортажа должен быть следующим – в России начинаются народные протесты против режима Президента Рогачёва. Давать его будем в прямой эфир.

10

Сумерки постепенно сгущались. Покрытое тучами небо трепетало в сиянии неоновой рекламы. Влажный после прошедшего дождя тротуар, точно радуга, отбрасывал цветовую гамму тянувшихся вдоль него магазинных витрин.

Я неспеша шагал по Тверскому проспекту, - главной московской магистрали, величественные здания которого являли собой беспорядочный калейдоскоп: то светлая точка, то тёмная, - и внимательно наблюдал за окружающими меня людьми. Не скрестит ли кто руки за спиной, не упрёт ли кто руку в бедро, не изменит ли кто скорость в зависимости от темпа маячившего впереди меня Прудиуса...

Задай мне сейчас вопрос, кто мне больше всего запомнился по работе в России, я бы в первую очередь назвал именно его. Ни Степанцова, ни Пригодина, ни Кабалова – этих, расстиражированных телевидением, лидеров протестных масс, а именно его - тихого, безликого и незаметного Олега Валерьевича Прудиуса.

Нам подкинул его Степанцов. Прудиус работал у него референтом. Нам требовался хороший координатор из местных, и Степанцов предложил задействовать его.

Исключительно прагматичное отношение к жизни, непомерная корысть, полное отсутствие общечеловеческих принципов и чего-либо святого. Он вызывал стойкое неприятие моралистов, которым присущ поэтический взгляд на обыденную действительность. Но по нашим критериям, - по критериям нашей «Фирмы», - он заслуживал уважение и почёт.

Что меня больше всего поражало в Прудиусе, так это полное отсутствие у него какого-либо тщеславия. Психологи, наверное, возразят: людей без тщеславия не бывает; тщеславие – это неотъемлемый элемент человеческой психики.

Хорошо, тогда поправлюсь... вернее сказать, уточню – отсутствие открытого проявления своего тщеславия.

Прудиус не стремился к роли «первой скрипки», не лез под телевизионные «юпитеры», не жаждал фанфар. Он предпочитал держаться в тени, он стремился к незаметности, он был очень скромн.

Кто-то, может быть, усмотрит в этой скромности чувство собственной неполноценности. Но, уверяю вас, что это не так. Скромность Прудиуса проистекала не от психического нездоровья, а из очень мощного житейского разума.

Степанцов рассказывал, что он как-то его спросил: «Какой бы ты хотел получить от меня пост после того, как я стану Президентом?». Знаете, что ответил Прудиус? Пост директора ФСБ. Он хотел стать шефом тайной полиции. По-моему, это свидетельствует о многом.

Один древний мудрец, - увы, уже не помню его имени, - как-то изрёк: «Дураки жаждут славы, а умные – власти». Вот это как раз про Прудиуса. Превосходный организатор, великолепный аналитик, мастер выявлять и использовать человеческие слабости с максимальной полнотой. Жаль только, что он смотрел на мир исключительно под своим углом...

Итак, я следовал за Прудиусом по Тверскому проспекту, и делал это, разумеется, не просто так. Мне нужно было определить, не интересуется ли им ФСБ. Если он угодил под «кол-

пак», вычислить «топтунов» можно было по указанным мною выше признакам. Ведь все эти жесты: скрещивание рук за спиной, упирание руки в бедро и всё такое прочее - есть специальные знаки, посредством которых агенты наружного наблюдения беззвучно общаются между собой. Руки перекрещены за спиной – значит «объект» стоит. Рука опирается в бедро – значит «объект» свернул направо или налево. Попеременно меняясь позициями, они сообщают эти сведения друг другу. Ну, а если «топтун» обходится без знаков и просто подстраивается под скорость своего «подопечного», то это верный признак того, что он работает по «объекту» один.

Поведение окружающих не вызывало никаких опасений. Всё свидетельствовало о том, что Прудиус пока был чист.

Спустившись вслед за ним в подземный переход, я перешёл на другую сторону улицы и последовал в сторону старого Арбата.

А спустя час, у нас с ним состоялась встреча. Это была самая первая наша с ним встреча. И местом этой встречи был выбран располагавшийся на Старом Арбате, очень популярный в России, вахтанговский театр.

Когда я, поднявшись из гардероба, вошёл в фойе, Прудиус был уже там. Он не спеша прохаживался вдоль стен и рассматривал развешанные на них портреты работавших в театре актёров.

- Простите, - обратился я, подойдя к нему, – а вы не учились на историческом факультете московского университета?

- Да, - кивнул головой Прудиус, - это было в девяностых годах.

- По-моему, мы жили с вами на одном этаже в общежитии. Вас ведь зовут Олег?

- А вас Владислав?..

Это был оговоренный для опознания пароль.

Разыграв встречу двух бывших сокурсников, мы продолжили нашу беседу в буфете.

- Ну, - спросил его я, - как вам сложившаяся ситуация в стране?

Ответ Прудиуса поразил меня своей глубиной. Именно тогда я и уяснил, что передо мной не какой-то там «мальчик на побегушках», а серьёзный, хорошо разбирающийся в политике, специалист.

- Для нашего с вами дела – вполне благоприятная, - отозвался он. – Власть сама по себе, народ сам по себе. Государство и общество разобщены. Действенные механизмы влияния общества на государство отсутствуют.

- Отсутствуют? – изобразил удивление я. – А как же выборы?

- Как будто вы не знаете, что наши выборы - это не более чем формальность, - усмехнулся Прудиус. – У нас на них практически никто не ходит. Зачем тратить время, если заранее известен результат?

- Да вы что?! – выразительно вскинул брови я.

- Плюс полное отсутствие социальной защиты, - продолжал, не принимая всерьёз мою игру, Прудиус. – Наше трудовое законодательство совершенно не работает. В трудовых отношениях присутствует настоящий феодализм. Работодатель может делать со своим работником всё, что заблагорассудится. «Не нравится – уходи» - и все дела. И ничего не попишешь. Высокая безработица заставляет мириться с этим произволом. Общество разъедает коррупция. Господствует ничем не прикрытый властный беспредел. Нужна только объединяющая сила, чтобы обратить недовольство народа в протестную, сметающую всё на своём пути, волну. А оно сейчас очень даже сильно, это недовольство!

- Так-так, - поощрительно покивал головой я. – А как на ваш взгляд, существуют ли сейчас уязвимые места у нынешнего политического режима?

- Нет такой власти, в которой не было бы слабых мест, будь это даже самая безжалостная диктатура, - снова усмехнувшись, негромко проговорил Прудиус. Он, безусловно, понял,

что я его «прощупываю». - Всё кажущееся неуязвимым имеет свою уязвимость. Это хорошо иллюстрирует один древнегреческий миф. Есть там один такой персонаж - воин Ахиллес. Его невозможно было ни убить, ни ранить. Копья, стрелы, мечи противника попросту не проникали в его тело. А всё потому, что в детском возрасте мать искупала его в водах волшебной реки Стикс. Но была вот такая проблема – во время купания она держала Ахиллеса за пятку, и его пятка, по этой причине, оказалась не защищена. Враги Ахиллеса пронюхали об этой его слабости и стали целиться именно туда. И в битве при Трое им удалось ранить его в пятку отравленной стрелой. Рана оказалась смертельной, и Ахиллес погиб. Вот так же и с любым политическим режимом – в каждом из них присутствует своя «Ахиллесова пята».

- И какова же «Ахиллесова пята» у режима Рогачёва?

- «Ахиллесова пята» режима Рогачёва произрастает из уже названных мною выше особенностей нашей социальной и политической среды: разобщённости власти и общества, засилья коррупции, бесправия простого человека, нищеты. И если в достаточном количестве посыпать солью на эти общественные раны, то можно спровоцировать цепную реакцию костяшек домино, способную в конечном итоге развалить всю нынешнюю политическую систему. Но я, откровенно говоря, не уверен, что вы подобрали правильную кандидатуру на роль вожака.

- Вы имеете в виду Степанцова? – с искренним теперь уже удивлением вымолвил я.

Вот это поворот! Референт столь уничижительно отзываясь постороннему о своём шефе!

- Нет. Я имею в виду Пригодина, - уточнил мой собеседник.

Я внимательно посмотрел на Прудюса. Его дряблые желвачки ходили по щекам ходуном, а глаза – круглые, маленькие скважины – целились в меня, точно из двустволки.

Значит, Степанцов ему ничего не сказал!

- В каждой операции присутствует своя стратегия, - пояснил я. – И лидер уличных протестов не обязательно становится потом лидером страны. Что означает разработать стратегию? Это означает определить правила игры, то-есть рассчитать последовательность действий, которые с большой долей вероятности приведут от существующего положения вещей к желаемому результату. В сложившихся ныне российских реалиях поставленную задачу одним наскоком не решить, и Систему необходимо расшатывать. Расшатывание происходит от малого к большому, и начинать это следует со сравнительно мелких проблем. Главное условие – чтобы эти проблемы символизировали властный беспредел и относились не ко всему обществу, а к какой-то отдельно взятой личности. Широкая огласка, локальные акции протеста, вовлечение в процесс проявления недовольства всё новых и новых лиц, и со всем этим – постепенное развитие масштаба конфликта. И лидером этого процесса, - начального, подчёркиваю, процесса, - должен быть простой, обычный человек. Не какой-то там раскрученный политик, а простой, обычный работяга. Человек, так сказать, из народа, умеющий зажигательно говорить, умеющий повести за собой. И чтобы у этого работяги уже имелась сплочённая кучка единомышленников, готовая подчиняться своему лидеру во всём: нужно маршировать – пожалуйста; бить морды оппонентам – пожалуйста; нужно стрелять - да никаких проблем. Но этот работяга нужен лишь для первых шагов. Для первоначальной, так сказать, дестабилизации. В большую политику Пригодина однозначно никто не пустит. Мы вышвырнем его сразу же, как только тому наступит черёд.

- Теперь понятно, - растянул губы в удовлетворённой улыбке Прудюс.

- Далее – уже более крупный масштаб, - продолжал я. - Как по «полю боя», так и по уровню целей. Бунтуют уже не улицы, а целые регионы. В протест вовлекаются уже не отдельные группы населения, а целые его социальные слои. Возможности активной реакции режима на эти протесты при этом будут максимально ограничены: задействуется как внешнее давление, так и внутренний саботаж. И когда авторитет режима достигнет минимума, можно будет ставить под сомнение его легитимность. Режиму предъявляется ультиматум: либо, мол, ухо-

дите по-хорошему, либо вас свергнут силой. И с этим вступает в действие уже последний, завершающий этап.

- Ясно, - заметно повеселел Прудиус.

- Связь будете поддерживать со мной, инструкции получать у меня, - лаконично подвёл черту я...

Спектакль закончился. Я забрал в гардеробе свою верхнюю одежду, спустился в уборную, закрылся в кабинке и произвёл обычный для моего ремесла «маскарад».

Вывернутая наизнанку потёртая куртка превратилась в солидное кашемировое пальто. Вязаная шапка «горшок» обратилась в кожаную фуражку. Джинсы стали классическими брюками, джемпер обернулся пиджаком. Исчезли наклеенные брови и усы, полетели в урну заложенные за скулы тампоны.

Есть одно золотое правило «нелегала» – не светить свою подлинную личину перед теми, кто может тебя потом опознать.

Пришедший в театр скромный, задавленный безденежьем инженер, каким я предстал перед Прудиусом, бесследно исчез. Вместо него из театра вышел уверенный в себе сотрудник преуспевающей фармацевтической фирмы...

Хм... Вспоминаю вот сейчас свою первую встречу с Прудиусом и ловлю себя на мысли, что шпионское ремесло – это ведь тот же театр. Здесь также присутствует актёрская игра, применяется реквизит, используется грим. С той только, может быть, разницей, что в отличие от актёра, шпион рискует не сценической, а своей собственной жизнью.

Глава четвертая

1

Россия, Москва

Поначалу на эту группу молодых людей никто внимания не обращал. Ну, собралась себе компания на Манежной площади - и что? Обычные ребята, ведут себя мирно, не хулиганят. Да подобные компании собираются здесь практически каждый день. Не иначе, как туристы. Небось, ожидают запаздывающего гида.

Но едва часы на Спасской башне пробили пять, как ситуация резко изменилась.

Бой курантов явно был обговоренным загодя сигналом. Молодые люди быстро перестроились и образовали линейный пикет: два ровных ряда, впереди растяжка, над головами транспаранты. Причем, произошло всё это настолько стремительно, что секундная стрелка не успела описать даже круг.

«Требуем справедливого наказания убийце Игоря Боброва!», «Требуем борьбы с коррупцией в правоохранительных органах!», «Наш суд – самый гуманный суд в мире: его можно купить!»

Дежурившие на Манежной площади, облачённые в штатское, сотрудники Федеральной службы безопасности, в чьи обязанности входило пресекать любые несанкционированные акции на корню, рванулись было к пикету, но, заметив выросшие, точно из-под земли, репортёрские видеокамеры, вынуждены были сдать назад.

Из группы манифестантов выделился невысокий, атлетично сложенный, русоволосый молодой человек.

- Уважаемые друзья! Уважаемые москвичи! Уважаемые гости нашего города! – поднеся к губам мегафон, проникновенно проговорил он. – Извините, что отрываем вас от приятной прогулки, но нам очень нужна ваша помощь. Недавно был зверски убит наш товарищ, русский парень Игорь Бобров. Вот он, на фотографии. Обратите внимание, какое у него открытое и доброе лицо. Убийцу нашли. Им оказался известный спортсмен, уроженец Дагестана Мансур Идигов. Но у нас есть опасения, что ответственности за своё преступление ему всё же удастся избежать. Нашлись влиятельные люди, которые стараются «отмазать» его любыми способами, и, по имеющейся у нас информации, уголовное дело уже удалось развалить. В следственных материалах всё произошедшее представлено так, как будто Игорь сам виноват в своём убийстве. При таком развитии событий нам, друзьям Игоря Боброва, ничего не остаётся, как привлечь внимание властей. Сейчас мы готовим обращение к Президенту Рогачёву с просьбой взять предстоящий судебный процесс на контроль. И я очень прошу вас поставить свою подпись под нашей петицией. Чем больше её подпишет людей, тем больше надежды, что она не останется без внимания!

Слова выступавшего нашли самый живой отклик. У листов с петицией тут же выстроилась длинная очередь. Под петицией появлялись всё новые и новые имена.

А полицейскую радиоволну, тем временем, заполнил следующий диалог:

- У нас развернули пикет. Согласно инструкции, необходимо принять меры к разгону...
- Так разгоняйте, чего вы ждёте?
- Но тут телевидение.
- Какой канал?

- Их много, и они в основном зарубежные: Си-Эн-Эн, Би-Би-Си, «Франс-24». Из наших только «Экспресс-ТВ».

- Ё-моё! Подождите, доложу руководству... Отставить. Пикет не разгонять. Вмешиваться только в случае возникновения беспорядков. Имейте в виду, что то, что у вас сейчас происходит, идёт в прямой телеэфир...

Неторопливо прогуливавшийся вдоль забора Александровского сада Прудюс наблюдал за развивающимся на Манежной площади действием и довольно улыбался.

2

Россия, телеканал «Экспресс-ТВ», эфир

В е д у щ и й: Уважаемые телезрители, мы продолжаем знакомить вас с событиями сегодняшнего дня. В эти минуты в Москве на Манежной площади проходит несанкционированный пикет. На месте события работает наш специальный корреспондент Алевтина Шульга. Сейчас она на прямой связи. Алевтина, вы меня слышите?

К о р р е с п о н д е н т: Да, Игорь, слышу.

В е д у щ и й: Расскажите, пожалуйста, что за люди собрались на Манежной площади и чего они хотят?

К о р р е с п о н д е н т: Игорь, здесь собрались друзья и знакомые погибшего совсем недавно студента Игоря Боброва. Я напомним нашим телезрителям, что московский студент Игорь Бобров был недавно убит возле одного из городских кафе. В его убийстве обвиняется известный спортсмен, чемпион России по боевым единоборствам Мансур Идигов. Вот на нём-то и сходятся все требования собравшихся – они требуют вынести убийце справедливый приговор. Впрочем, пусть нам лучше обо всём расскажет один из инициаторов этого пикета. Он стоит рядом со мной. Я его представляю – Егор Пригодин. Он также известен как председатель фан-клуба футбольной команды «Гладиатор». Егор, ведь так?

П р и г о д и н: Так.

К о р р е с п о н д е н т: Но, насколько я вижу, ваша сегодняшняя акция никакого отношения к футболу не имеет.

П р и г о д и н: Да, не имеет. К сожалению, мы вынуждены собраться здесь по совсем другому поводу. Некоторое время назад был убит наш товарищ Игорь Бобров. Прекрасный, обаятельный человек. Его всегда отличало стремление к справедливости. Он всегда заступался за слабых. Не мог пройти мимо, если оскорбляют женщину. Мы все его очень любили. Мы были буквально в шоке, когда узнали, что Игорь мёртв. Его убийца должен быть благодарен судьбе за то, что его быстро арестовали. Если бы он попал в руки к нам, ему было бы несдобровать. И нам плевать, чемпион он там, или не чемпион. Мы бы с ним быстро разобрались.

К о р р е с п о н д е н т: Егор, но может всё-таки не стоит вершить самосуд? Мы ведь живём в цивилизованном обществе, где всё должно решаться по закону.

П р и г о д и н: Да мы не против того, чтобы всё решалось по закону. Только в нашем обществе законы писаны не для всех. Разве мало случаев, когда преступники уходили от ответственности? Возьмите, к примеру, всем известного бывшего министра обороны. Развалил армию, нанёс нашему государству многомиллиардный ущерб. И где он? В тюрьме? Ничего подобного. Отдыхает на Канарах. Против него, видите ли, нет улик. Или прокуроры, которые «крышевали» подпольные казино в Подмосковье. Где они? За решёткой? Да ничего подобного. Как жили припеваючи, так и живут. И меня, и моих товарищей просто поражает процветающая в нашей системе правосудия коррупция. Не заплатил – сел. Заплатил – не сел. Суды элементарно покупаются. И у нас есть реальные опасения, что дело об убийстве Игоря спустят на

тормозах. У нас есть достоверная информация, что родственники этого бандита Идигова уже начали предпринимать шаги в этом направлении.

К о р р е с п о н д е н т: Егор, извините, а откуда у вас такая информация?

П р и г о д и н: Этого я вам не скажу. Этой информацией нас снабдили порядочные люди, которых, к сожалению, осталось не так много, и мне не хотелось бы, чтобы у них возникли неприятности. Наша цель – чтобы убийце Идигову был вынесен справедливый суровый приговор, чтобы его не оправдали и не посадили бы на не очень надолго. И мы в этих требованиях не одиноки. Мы пришли сюда менее часа назад. Нас было порядка пятидесяти человек. А сейчас, посмотрите – нас уже более сотни.

К о р р е с п о н д е н т: Спасибо, Егор, за то, что ответили на наши вопросы. Разрешите пожелать вам успеха.

П р и г о д и н: Спасибо и вам.

К о р р е с п о н д е н т: Игорь?

В е д у щ и й: Спасибо, Алевтина. Оставайтесь на связи. Мы к вам ещё вернёмся. А сейчас перейдём к другим новостям...

3

Россия, Москва

Соскоблив на следующее утро бритвенным станком выросшую на лице щетину, Пригодин задумчиво застыл перед зеркалом.

- А ведь я – избранник судьбы! – как-то само по себе вырвалось у него, и санузел, в котором он находился, откликнулся на его слова гулким эхом.

- Чего ты там мелешь? – крикнула из кухни мать. Она только что вернулась с ночного дежурства в котельной и, как обычно, пребывала в «хмельной прострации».

- Закрой рот! – грубо одёрнул её он и, не обращая внимания на хлынувший в ответ поток нравоучений, погрузился в мечты об уготованной ему великой судьбе.

Как сильно теперь изменится его жизнь! Его имя прогремело на всю страну. Число предложений о дружбе на его страничке «ВКонтакте» перевалило уже за тысячу.

Вот это взлёт! Вот это он утёр всем нос! И ведь это далеко не вершина! И ведь это всего-навсего только старт!

Через неделю у него день рождения. Как знать, может через несколько лет этот день станет национальным праздником, каким некогда был день рождения Ленина. По улицам будут развешаны его портреты, в домах будут накрыты праздничные столы.

«Вы едете куда-нибудь на день рождения Пригодина?» - «Ну что вы! Такой священный день мы проведём в семейном кругу»...

Когда несколько часов спустя Пригодин зашёл в кабинет Прудюса, на его лице было написано такое всепоглощающее блаженство, что Прудюс едва не свалился под стол.

- Ну что ж, сработали вы неплохо, - с трудом сдерживая рвущийся наружу смех, произнёс он. – Пошумели, привлекли народ, обратили на себя внимание. Но следующая задача будет немного посложней.

Пригодин с готовностью подался вперёд.

- Через пять дней, в четверг, состоится суд. Уже доподлинно известно, что приговор Идигову вынесут очень мягкий. По всей видимости, его осудят за убийство по неосторожности. Срок заключения за данную провинность не превышает двух лет.

- Всего два года за убийство? – округлил глаза Егор. – Офигеть! Одному моему знакомому дали столько же за кражу мобильного телефона.

Прудюс развёл руками:

- Такая вот у нас продажная власть, - вздохнул он. - Это лишний раз доказывает, что её нужно менять, и что мы с тобой делаем благородное дело. Виктор Михайлович Степанцов, в случае своего избрания Президентом, намерен самым серьёзным образом взяться за борьбу со взяточничеством.

Пригодин ошарашено покачал головой. Прудюс вернул разговор в прежнее русло.

- Значит так, у здания суда нужно будет устроить пикет. Пикет поначалу должен быть мирным. Развернёте растяжку, поднимите транспаранты, поскандируете: «Требуем справедливого суда!». Словом, сделаете всё так, как делали на Манежной площади. Мирно, цивилизованно и спокойно. Но когда суд закончится и станет известен приговор, ситуацию нужно резко обострить. В вас должен точно вселиться бес. Вашему возмущению не должно быть предела. Шумите, блокируйте здание суда со всех сторон, кричите, что не уйдёте оттуда до вынесения справедливого приговора. Из суда никого не выпускать. Ни-ко-го! В тех, кто будет появляться, швырять всем, что попадётся под руку: камнями, земельными комьями, баклажками. Неплохо было бы изготовить и чернильные бомбы.

- Чернильные бомбы? – нахмурил брови Пригодин. – А это что?

- А ты не знаешь? – удивился Прудюс. – Ну ты даёшь! С таким боевым опытом – и не знаешь такой простой вещи! Запоминай рецепт. Берёшь куриное яйцо, протыкаешь его с тупого конца и сбоку, удаляешь содержимое – и белок, и желток. Чтобы добро не пропадало, можешь сделать из него омлет или яичницу. Затем с помощью шприца заполняешь его краской или чернилами, отверстия заделываешь пластилином или клеем БФ, и швыряешь это яичко в какую-нибудь продажную рожу.

- Гы-гы-гы! – загоготал Егор, представив в своём воображении последствия подобного обстрела.

- После такого «хоровода» на вас должна накинуться полиция, - продолжал Прудюс. – И дай бог, чтобы она на вас накинулась, потому что это и есть наша главная цель. Полицию во что бы то ни стало нужно спровоцировать на жестокость. Но силой на силу при этом не отвечать. Ты понял? Никакого сопротивления! Ты - мирная, безобидная овечка! Схватят под руки, поведут к автозаку – иди, но при этом сопротивляйся. Вопи во всю глотку: «Продажный суд! Продажная власть!». Ну, и тому подобное. И все твои ребята должны вести себя именно так. Попасть же в полицию не бойтесь...

- А мы и не боимся, - самолюбиво парировал Пригодин. – Нам это не впервой.

- Вот и хорошо, - кивнул Прудюс. – Виктор Михайлович Степанцов вас оттуда вытащит. Из «обезьянника» будешь выходить как герой. Под фанфары, под хлеб-соль и с оркестром. Кстати, вот тебе текст, который произнесёшь, когда будешь давать интервью.

- Нас опять покажут по телевизору?

- Покажут, - заверил его Прудюс и, понизив голос, добавил: - За участие в этой акции полагается гонорар.

И он нарисовал трёхзначное число на листке бумаги.

- Всего-то? – разочарованно протянул Пригодин.

- Это не рубли, это доллары, - пояснил Прудюс.

- А-а-а! Ну, тогда пойдёт, - повеселел Егор. – Побольше бы таких акций. Помитингуешь так в неделю раз или два – и на работу ходить не надо.

- Твой гонорар как жоака будет в два раза больше, - вскинул указательный палец Прудюс. - Ну, а насчёт «не ходить на работу» - подумаем. Если от тебя будет толк, возьмём тебя на постоянную основу. Зарабатывать будешь много больше того, чем ты получаешь сейчас.

Пригодина окатила новая порция вдохновенья...

Россия, Санкт Петербург,

- Судебное заседание назначено на одиннадцатое число, - сообщил адвокат Максим Чистов. – Массовка укомплектована. Ожидается порядка ста человек.

- Что с прессой? – деловито осведомился Прудиус. Он прилетел в «северную столицу» всего на один день и вечером должен был возвращаться обратно. Их разговор происходил в офисе Северо-Западного регионального отделения партии «Свободная Россия», с одной из стен которого на посетителей смотрел широко улыбающийся Виктор Степанцов.

- Пресса будет, - заверил Чистов Прудиуса. – Со всеми, с кем надо, это уже договорено. Репортаж об акции выйдет в вечерних новостях на «Пятом канале». Газеты, радио, интернет, фотографии и ролики в социальных сетях и «Ютубе». Так что, шумиха должна получиться вполне приличной.

- Только не перестарайтесь с этой шумихой, - предостерёг его Прудиус. - И никаких стычек с полицией. Ясно? Никаких! Разбить в суде окно, облить эту Куркину зелёнкой – и не более. Более нам пока делать нельзя. Всему своё время.

- Да сделаем, сделаем, - типа «будьте спокойны», выставил ладонь Чистов. - И зелёнку выльем, и мукой обсыплем. Исполнители уже определены. Народу это понравится.

- А как там наш подсудимый? Готов толкнуть яркую речь?

- Подсудимый? Да, готов, - тяжело вздохнул адвокат. – Но только в меру своих возможностей. Парень деревенский, простой, к пиару абсолютно не привычный. Текст я ему принёс. Он его учит. Главное только, чтобы он его с перепугу не забыл.

- Ну, ты уж настрой его как-нибудь, постарайся. Ещё какие-нибудь вопросы есть?

- Есть, - замялся Чистов и покосился на сидевшего рядом с ним пожилого человека. – С Леонидом Борисовичем, вот, никак не можем определиться по деньгам.

Прудиус вскинул брови:

- Леонид Борисович, в чём дело?

Руководитель Северо-Западного регионального отделения партии «Свободная Россия» Леонид Борисович Зонин поднял глаза:

- Да слишком много он хочет! Двести пятьдесят тысяч на такой пикет?! Не слишком ли жирно?

Прудиус пытливо посмотрел на Чистова.

- Двести пятьдесят тысяч? Из чего же они складываются?

Тот нахмурил лоб, и в этот момент в комнату со свистом ворвался ветер.

Обрадованный поводом для паузы, Чистов вскочил с места, подбежал к подоконнику и снял с него горшок с комнатной пальмой. Дескать, а то упадёт. Поставив пальму на стол, он закрыл распахнувшуюся створку окна на щеколду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.